

альманах гендерной истории

31

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК . ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
АЛЬМАНАХ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Адам & Ева
Адам & Ева

GENDER HISTORY REVIEW

2023

Москва

№31

ББК 63.3

А 281

Главный редактор

А.Ю. СЕРЕГИНА

Ответственный редактор

А.В. СТОГОВА

АДАМ & ЕВА. Альманах гендерной истории.

Под ред. А.Ю. Серегинной. Отв. ред. А.В. Стогова – № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. – 310 с.

Adam & Eve. Gender History Review. № 31. Moscow: IGH RAS, 2023

Альманах «Адам и Ева» — первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Тематический выпуск 2023 года посвящен женщинам в домодерном мужском мире путешествий. Темы выпуска — женский опыт путешествий, и его отражения в нарративах различных жанров, в том числе в повествованиях о воображаемых путешествиях. Также обсуждаются гендерные аспекты истории историописания, и публикуется перевод подборки англосаксонских грамот, показывающих участие женщин в конфликтах вокруг земельных пожалований.

Для историков, культурологов и широкого круга читателей

ЭЛ № ФС 77-54410

ISSN 2307-8383

Веб-сайт: <https://roii.ru/publications/adam-and-eve>

© Коллектив авторов, 2023

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

В оформлении переплета использован фрагмент картины Доминико ди Микелино «Изгнание из Рая», ок. 1450-1474 гг.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

АННА СЕРЕГИНА

Ответственный редактор

АННА СТОГОВА

Редакторы

ЕКАТЕРИНА КИРИЛЛОВА

МАРИЯ НЕКЛЮДОВА

МАЙЯ ПЕТРОВА

ОЛЬГА ТОГОЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЛОРИНА РЕПИНА

(Москва)

МАРИНА ВИНОКУРОВА

(Москва)

КРИСТИНА ВОРОБЕК

(США)

НАТАЛИ ЗЕМОМ ДЭВИС

(Канада)

ОЛЬГА ДЕМИДОВА

(С.-Петербург)

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ

(Москва)

ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

(Москва)

КАТРИОНА КЕЛЛИ

(Великобритания)

МАРИАННА ЛИЛЬЕСТРЕМ

(Финляндия)

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

(Москва)

МИШЕЛЬ ПЕРРО

(Франция)

ЭЛИЗАБЕТ ШОРЕ

(Германия)

СЕМЕН ЭКШТУТ

(Москва)

EDITORIAL BOARD

Chief editor

ANNA SEREGINA

Executive editor

ANNA STOGOVA

Editors

EKATERINA KIRILLOVA

MARIA NEKLYUDOVA

MAYA PETROVA

OLGA TOGOEVA

EDITORIAL COUNCIL

LORINA REPINA

(Moscow)

MARINA VINOKUROVA

(Moscow)

CHRISTINE WOROBEC

(USA)

NATALIE ZEMON DAVIS

(Canada)

OL'GA DEMIDOVA

(S.-Petersburg)

JURI ZARETSKIY

(Moscow)

GALINA ZVEREVA

(Moscow)

CATRIONA KELLY

(United Kingdom)

MARIANNE LILJESTROM

(Finland)

NATALIA PUSHKAREVA

(Moscow)

MICHELLE PERROT

(France)

ELISABETH CHEAURE

(Germany)

SEMEN EKSHTUT

(Moscow)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПУТЕШЕСТВИЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

- САЗОНОВА А.А.** СВАДЕБНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИНЦЕСС У ВЕНАЦИЯ ФОРТУНАТА И ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС VS ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ **6**
- ЕРУСАЛИМСКИЙ К.Ю.** ПУТЕШЕСТВИЯ ЦАРИЦ, ЦАРЕВИЧЕЙ И ЦАРЕВЕН В РОССИИ XV–XVI ВВ.: (ПО МИНИАТЮРАМ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА) **44**
- ШПАК Г.В.** БЭКОНИАНСКИЙ ДИСКУРС В ВООБРАЖАЕМЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ МАРГАРЕТ КАВЕНДИШ И АФРЫ БЕН **110**

**СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
ЖЕНСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ**

- МИРОЛЮБОВ И.А.** О ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ ЖЕН РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ РУБЕЖА III–IV ВВ. **134**
- ШИШКИН В.В.** МАРГАРИТА ДЕ ВАЛУА ПУТЕШЕСТВУЕТ. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЕЗДКИ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ ВО ФЛАНДРИЮ В 1577 Г. **168**
- СЕРЕГИНА А.Ю.** ПРИДВОРНЫЕ ДАМЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I АНГЛИЙСКОЙ И ПУТЕШЕСТВИЯ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА **186**

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ

- ЯЧМЕНИК В.А.** «ПРИНЦИП — MULIER TACEAT IN ECCLESIA — НЕ ИМЕЛ ЗНАЧЕНИЯ В ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ»: П. А. ПРОКОШЕВ О ХАРИЗМАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ЖЕНЩИН В ЦЕРКВИ **252**

ПУБЛИКАЦИИ

- РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРАХ (ВВОД. СТАТЬЯ, ПЕР. И КОММ. И.И. БОЛДЫРЕВОЙ) **276**

REPRESENTATIONS OF TRAVEL: GENDER ASPECT

- 6**   **SAZONOVA A.A.** WEDDING TRAVELS OF THE PRINCESSES AT VENANTIUS FORTUNATUS AND GREGORY OF TOURS: POLITICAL DISCOURSE VS PERSONAL RELATIONS
- 44**   **ERUSALIMSKII K.YU.** TRAVELLING TSARINA, TSAREVICH AND TSAREVNA IN MUSCOVITE STATE, 15TH–16TH C.: (MINIATURES OF THE GREAT ILLUSTRATED CHRONICLE)
- 110**   **SHPAK G.V.** BACONIAN DISCOURSE IN THE IMAGINARY TRAVELS OF MARGARET CAVENDISH AND APHRA BEHN

TRAVELLING WOMEN: SOCIAL AND POLITICAL PRACTICES

- 134**   **MIROLYUBOV, I.A.** JOURNEYS OF ROMAN EMPEROR'S WIVES AT THE TURN OF III–IV C. AD
- 168**   **SHISHKIN V.V.** MARGUERITE DE VALOIS ON THE MOVE. ORGANIZATION OF THE TRIP OF THE QUEEN OF NAVARRE TO FLANDERS IN 1577
- 186**   **SEREGINA A.YU.** LADIES-IN-WAITING OF QUEEN ELIZABETH I OF ENGLAND AND SUMMER PROGRESSES OF THE ROYAL COURT

GENDER ASPECTS OF THE HISTORY OF HISTORIOGRAPHY

- 252**   **YACHMENIK V.A.** «THE PRINCIPLE OF MULIER TACEAT IN ECCLESIA DID NOT MATTER IN THE EARLY CHURCH »: P. A. PROKOSHEV ABOUT THE CHARISMATIC POWER OF WOMEN IN THE CHURCH

PUBLICATIONS

- 276**   EARLY MEDIEVAL ENGLISH WOMEN IN LAND DISPUTES (introduction, transl. and comm. by I.I. Boldyreva)

СВАДЕБНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИНЦЕСС У ВЕНАНЦИЯ ФОРТУНАТА И ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС VS ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ключевые слова: Меровинги, матримониальная политика, Галсвинта, Ригунта, Хильперик, итинерарий.

АННОТАЦИЯ: В статье исследуется авторская репрезентация двух свадебных путешествий у поэта Венанция Фортуната и епископа Григория Турского. Свадебный путь вестготской принцессы Галсвинты из Толедо в Руан закончился в 568 г. несчастливым браком с нейстрийским королем Хильпериком, по приказу которого она была убита. Путешествие дочери Хильперика из Парижа в Толедо было драматически прервано в 584 г., когда свадебный караван с приданым и сокровищами был разграблен, а принцесса Ригунта подверглась унижению и аресту. Для сравнительного анализа текстов двух итинерариев был выбран ракурс сопоставления политического контекста событий с личным отношением Венанция Фортуната и Григория Турского, которые были свидетелями свадебных путешествий принцесс. Результаты анализа показали, что итальянский поэт в траурной элегии «О Галсвинте» выразил эмпатию к горю матери, сострадав трагической судьбе вестготской принцессы в Нейстрии. По моему мнению, турский епископ проявил личное расположение к принцессе Ригунте, но сделал это косвенно, когда перечислял все скандальные подробности ее свадебного путешествия. Согласно моей гипотезе, Венанций Фортунат зашифровал указания на пять франкских городов из супружеского приданого (*dos*) и *morgengabe* Галсвинты (которые стали возможной причиной ее убийства) и умолчал об истинном маршруте свадебного каравана через аквитанские города Хильперика. В выводах статьи отмечается, что политической целью авторской стратегии Григория Турского было скрыть собственное участие в матримониальной истории Ригунты.

Для цитирования: Сазонова А. А. Свадебные путешествия принцесс у Венанция Фортуната и Григория Турского: политический дискурс vs личные отношения // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 6–43. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-6-43

A.A.Sazonova

independent researcher
ORCID ID 0000-0002-2026-9424
an13barb@yandex.ru

WEDDING TRAVELS OF THE PRINCESSES AT VENANTIUS FORTUNATUS AND GREGORY OF TOURS: POLITICAL DISCOURSE VS PERSONAL RELATIONS

Keywords: Merovingians, marital policy, Galswinth, Rigunth, king Chilperic, itinerary.

Abstract: The article examines the author's representation for two wedding travels of the poet Venantius Fortunatus and Bishop Gregory of Tours (HF. IV, 28). In 568, the wedding journey of the Visigothic princess Galswinth from Toledo to Rouen ended in an ill-fated marriage with the Neustrian king Chilperic, on whose orders she was killed. The travel of Chilperic's daughter from Paris to Toledo was dramatically interrupted in 584, when the wedding caravan with its dowry and treasure was plundered, and princess Rigunth was humiliated and arrested. For a comparative analysis of two itineraries the aspect of opposition was chosen between the political context of events and the personal relationship of Venantius Fortunatus and Gregory of Tours, who witnessed the princesses' trips. The results of the analysis showed that the Italian poet in the mourning elegy "De Gelesuintha" expressed his empathy for his mother's grief and compassion for the tragic end of the Visigoth fiancée in Neustria. In my opinion, the Bishop of Tours showed personal affection for Rigunth, but did so in a latent form when he listed all the scandalous details of her wedding journey. According to my hypothesis, Venantius Fortunatus encrypted indications of five Frankish cities from Galswinth's marital dowry and morgengabe (which became a possible reason for her murder) and kept silent about the true route of the wedding caravan through the Aquitanian cities of Chilperic. The conclusions of the article note that the political goal of the author's strategy of Gregory of Tours was to hide his own participation in the matrimonial history of Rigunth.

To cite this article: Sazonova, Anna. "Wedding travels of the princesses at Venantius Fortunatus and Gregory of Tours: political discourse vs personal relations". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 6–43. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-6-43

Received: October 17, 2023

Accepted: October 25, 2023

Франкские источники в исторических нарративах политической направленности сохранили как развернутые описания свадебных путешествий раннесредневековых принцесс (бургундки Хродехильды, вестготки Галсвинты и нейстрийской принцессы Ригунты), так и краткие упоминания об эпизодах брачной миграции представительниц меровингской династии (сестра Хлодвига) и о прибытии во франкские земли чужеземных королевских дочерей (начиная с матери Хлодвига). Григорий Турский в сжатой форме написал о приезде невесты Хлодвига Хродехильды и в подробностях рассказал о свадебном позоре принцессы Ригунты. Венанций Фортунат запечатлел в стихотворных строках свадебное путешествие готской принцессы Галсвинты и в прозе — жизненный путь королевы Радегунды во всех его географических перипетиях. Основной задачей данного исследования является сравнительный анализ двух аутентичных нарративов — поэтической элегии Фортуната “*De Gelesuintha*” и брачных историй Галсвинты и Ригунты из “*Decem Libri Historiarum*” турского епископа. Анализ политического контекста изучаемых событий дополняется исследовательскими реконструкциями по значимым умолчаниям в повествованиях, которые объясняются неоднозначным отношением авторов к драматическим развязкам историй.

В современной историографии вызывает большой интерес тема матримониальных стратегий элит, в основном эти исследовательские работы связаны с гендерной проблематикой, но в специальных исследованиях изучается и вопрос брачной миграции, в рамках которого обращают внимание на свадебные путешествия. Французская исследовательница средневековой истории семьи и брака Э. Сантинелли-Фольц рассматривает феномен матримониальных перемещений-путешествий в пространстве и времени от сложной

организации мероприятия до социокультурных последствий брачных переходов из одного рода в другой. Она обращает внимание на эмоциональную динамику исторических персонажей (волнения во время подготовки к свадебному отъезду, расставания и переживания, чувство разлуки, перенос жизненного опыта и интеграция в новых условиях), героями свадебного путешествия становится не только невеста с ее придворным окружением, но и более широкий круг сопровождающих лиц, которые навсегда переезжают в другие места. Для исторических свидетельств по мерovingскому периоду отмечается политическая значимость перемены в религиозном вероисповедании и роль женского приданого во властных отношениях доминирования¹.

Венанция Фортуната (530/40–ок.600) по праву называют последним большим поэтом поздней античности, все его литературное творчество было пронизано темой путешествия, через которую он выстраивает *поэтическое Я* и наполняет свои итинерариумы в стихах и прозе личными чувствами и мотивами. Особое место в его сочинениях занимает объемная элегия «О Галсвинте» (*De Gelesuintha*)², в которой сплелись воедино искусное владение литературным ремеслом и новаторское переосмысление классических традиций, автобиографические вкрапления и дипломатическая гибкость в освещении политической подоплеки. Первое знакомство италийского поэта с австразийским королем Сигибертом произошло весной 566 г. в Меце на торжествах по случаю королевского бракосочетания с принцессой Брунхильдой, где Фортунат зачитал квазиимперский эпиграммой в честь королевских

---

1 **Santinelli-Foltz.** 2019: 249–266.

2 **Фортунат.** 2009: 113–125 (**Fortunat.** Carm. VI. 5. О Гелесвинте — пер. Р. Шмаракова).

молодоженов. Второй поэтический заказ от венценосной четы через несколько лет (ок. 569) был сделан по трагическому поводу, требовалась литературная репрезентация безутешного горя по смерти вестготской принцессы Галсвинты, недавно выданной за короля Хильперика³. Безусловно, поэту дали необходимую творческую свободу для художественного выражения, но все смысловые интенции и событийные детали нарратива были заданы жесткими рамками политического заказа⁴.

- 3 Григорий Турский не объясняет, почему Атанагильд сначала устроил брак для младшей дочери Брунхильды (566) и лишь позже за нейстрийского правителя отдал Галсвину (568). Вестготский король, не имея сыновей-наследников, мог не выдавать старшую дочь, рассчитывая сделать внука своим преемником, как Хильперик позже попытается заменить Ригунту Базиной, а прежде Теодорих Великий назначил остготским королем несовершеннолетнего сына Амаласунты (этот вариант см.: **Dumézil**. 2008: 76). Но возможен и вариант, что изначально старшую дочь собирались выдать за Хильперика, старшего брата Сигиберта. Еще до свадьбы Брунхильды Хильперик мог планировать женитьбу на дочери Атанагильда, для чего ему требовался развод с королевой Аудоверой (был в итоге оформлен ок. 565 г.), по достойной причине и без публичного скандала. После авантюрного демарша нейстрийского меровинга (**HF**. IV, 22–23) его активной внешней и внутренней политике мешали «урезанный» размер королевства и отсутствие средств. Хильперик для борьбы за равную долю отцовского наследства были необходимы сокровища, их можно было получить в браке с богатой невестой.
- 4 Война за наследство между сыновьями Хлотаря началась сразу после его смерти (561), Хильперик проиграл трем сводным братьям. После смерти старшего брата Хариберта (567) он смог расширить северный патримоний и получить города в Аквитании и на вестготской границе. Женитьба нейстрийского короля на Галсвинте свидетельствовала о возрождении его амбиций. Смерть Атанагильда осенью 568 г. развязала политические обязательства меровинга перед союзником и привела к убийству вестготской супруги. Гунтрамн и Сигиберт решили использовать смерть Галсвинты как повод для передела владений нейстрийского правителя, что привело к новому витку гражданской войны и к захватам австразийскими войсками южных и северных городов Хильперика, но в итоге закончилось убийством Сигиберта (575). Об истории вестготского брака Хильперика и о правовой коллизии после убийства Галсвинты, когда король мог формально очиститься от подозрений клятвой в церкви, но сводные братья приняли судебное решение о его виновности и потребовали передать приданое и утренный дар Галсвинты, полученные от Хильперика, ее сестре Брунхильде, австразийской королеве Сигиберта, см.: **Саконова**. 2023: 200–208.

Фортунат выбирает для горестного плача жанр траурной элегии, развертывая свое утешение для разлученной навсегда с дочерью матери сначала через описание путешествия Галсвинты из Толедо в Руан и лишь затем переходя к роковой трагедии и скорбному отклику на нее сестры Брунхильды.

Григорий Турский в «Истории франков» изложил драматическую историю Галсвинты в политически отточенной форме, называя виновником убийства молодой супруги самого короля Хильперика⁵. В строках его нарратива сквозит неприкрытая ирония, когда он пишет о зависти нейстрийского короля к браку сводного брата с готской принцессой и о большой любви Хильперика к большому вестготскому приданому своей невесты (*magno amore — magnos thesauros*). В тексте Анделотского договора (турский прелат участвовал в переговорах по его подписанию от австразийской стороны) приводится ценная фактография по материальной стороне заключения брака Галсвинты (HF. IX, 20). Там перечисляются пять городов Хильперика, которые он передавал вестготской невесте в качестве супружеского приданого и утреннего дара⁶. Церковный

---

5 HF. IV, 28: И так как Галсвинта постоянно жаловалась королю на то, что терпит обиды, и говорила, что, живя с ним, не пользуется никаким почетом, она попросила его, чтобы ей разрешили вернуться свободной на родину, а сокровища, привезенные с собой, она оставит ему (*ut, relictis thesauris quos secum detulerat, libera redire permitteretur ad patriam*). Король ловко притворился и успокоил ее ласковыми словами. В конце концов он приказал слуге удушить ее и как-то нашел ее мертвой в постели (*Ad extremum enim suggillari iussit a puero, mortuamque repperit in strato*) — здесь и далее пер. В.Д. Савуковой. Анонимный автор “*Liber historiae Francorum*” полагал, что король собственноручно совершил преступление (LHF. 31): “*Post haec per consilium pessimum Fredegundis eam per noctem in strato suo strangulavit*” («После чего по наиковарнейшему совету Фредегонды ночью ее на ложе своем удавил» — пер. мой). Следующей королевой, убитой по приказу своего меровингского супруга, станет в 610 году Билихильда, королева Теодеберта (внука Брунхильды) см.: **Fredegar**. Chron. IV, 37.

6 В свадебных историях Брунхильды, Галсвинты и Ригунты автор “*Decem Libri Historiarum*” не использует юридической терминологии (как в тексте

историк на страницах своего труда сохранил для потомков память о последующих событиях (HF. IV, 28), когда после похорон Галсвинты король женился на Фредегонде, а сводные братья Хильперика заклеямили его как инициатора убийства готской королевы и даже приняли решение об его изгнании. Но вся эта версия событий из «Истории франков» была, как можно предполагать, записана турецким епископом через много лет и в официально принятом при австразийском дворе варианте.

Венанций Фортунат вскоре после случившегося сочиняет горестное послание к матери Галсвинты, которая вторым браком вышла замуж за нового вестготского правителя, от лица ее дочери Брунхильды и меровингского зятя. Поэт не упоминает о Хильперике и об обстоятельствах убийства, но развернуто использует в качестве литературного подтекста «Похищение Прозерпины» Клавдиана⁷, обвиняя этим Хильперика-Плутона в низведении молодой жены в Царство

Анделотского договора, где *dos* — это приданое полученное невестой от жениха, а *morgengabe* — утренний дар), а прибегает к описательным конструкциям (HF. IV, 27: *cum multis muneribus Brunichildem; cum magnis thesauris*: HF. IV, 28: *cum magnis opibus; secum magnos thesauros; relictis thesauris quos secum detulerat*; HF. VI, 45: *de thesauris eius in aliquo filiam muneraret; magnus ei thesaurus dedit*). Поэтому представляется неправомерным использовать более поздние понятия, такие как, например, «вдова доля». В исторических реалиях того времени, о чем и повествует Григорий Турский, в брачных договоренностях для официальных королей речь идет о приданом невесты, которое она получает от своего отца (и посланцы жениха лично осматривают и предварительно договариваются о его размере), о супружеском приданом, которое невеста получает от жениха, и об утреннем даре супруга своей новобрачной. Две последние выплаты также являются предметом матримониальных переговоров, очевидно, их размер и ценность коррелируются с привозимым личным «сокровищем» принцессы. В правовом отношении, как можно предполагать, эти выплаты и дары (в денежной, вещевой и земельно-усадебной форме) наследовались юридически по-разному.

- 7 Автор так и называет свой подзаголовок “Le «rapt» de Galesvinthe”, сравнительный анализ позднеантичной поэмы и траурной элегии см.: **Gioanni**. 2012: 937–944.

мертвых, в ее переходе от жизни к смерти, в ее похищении из Мира живых. Предчувствие непоправимой трагедии сквозит уже в начальных строках о заключении брачного союза:

С той поры, как призванна была в край Арктов морозных
К царскому царственная Гелесуинта одру,
Хлад да полюбится ей, купидоновым огнем пронзенной,
В льдяных чтоб ей рубежах с пылкостью жизнь проводить⁸.

Географическое описание франкского маршрута дано сжато (vv. 209–236), а вся первая часть элегии эмоционально изливается горем матери Гойсвинты и дочери-невесты на этапе вестготской половины пути. Поэт демонстрирует не только искусство художественного ремесла в передаче душевных терзаний героинь при расставании и их созвучному отклику в окружающей природе, но проявляет несомненную личную эмпатию к материнскому горю и тревогам страдальницы отправленной в невозвратное путешествие. Исследователи находят в этом отсылки к авторской драме изгнания самого Фортуната и его разлуке с собственной матерью и родней в Италии⁹. На реальной географии для пути свадебного каравана реперно выделяются переправы через галльские реки — Од, Рону, Вьенну, Луару и Сену, которые отсылают к этапным переходам через пять подземных рек Аида¹⁰. А предвзвешивает переход к франкской половине путешествия величественная картина движения обоза невесты с эскортом через замерзшие вершины Пиренеев:

---

8 **Фортунат**. 2009: 114. **Fortunat**. Carm. VI. 5, 23–26: Cum primum algentes jungi peteretur ad arctos // Regia regali Gelesuinta toro, // Fixa cupidineis cuperet huc frigora flammis // Viveret et gelida sub regione calens.

9 **Roberts**. 2017: 309–310.

10 М. Робертс в своем анализе элегии расценивает каталог речных описаний как идеализированный образ галльского процветания см.: **Roberts**. 2017: 306–307.

Меж облаками верхи одолела она пиренейски:
Там, где в инеистых стынет потоках июль,
Где, серебрясь в снегах, убегают к созвездиям горы
И превыше дождей острый восходит хребет¹¹.

Фортунат датирует это событие июлем месяцем и проводит скрытую автобиографическую параллель со своим путешествием этим же маршрутом, обращаясь к собственному опыту и переживаниям¹². Затем он переходит к таинственному этапу пути через вестготский Нарбонн (своеобразную точку невозврата), художественное описание которого не имеет связи с реальной географией, что становится главной загадкой в интерпретации свадебного путешествия невесты Хильперика автором траурной элегии.

Для направляющейся в Руан Галсвинты сакральным центром франкских земель становятся Пуатье и Тур, вотчины святых Илария и Мартина, а также место расположения в Пуатье монастыря королевы-монахини Радегунды и место встречи Венанцием свадебного вестготского кортежа летом 568 года. Именно в строках о личной встрече поэта с королевской невестой он, наконец, дает описание удивительной кареты-колесницы Галсвинты¹³ в виде серебряной башни: «Я там, новый пришлец, ее путешествие видел: // Тихо катяся, ее

11 **Фортунат**. 2009: 120. **Fortunat**. Carm. VI. 5, 209–212: *Inde Pyreneas per nubes transilit Alpes // Quaque pruinosis Julius alget aquis, // Qua nive canentes fugiunt ad sidera montes // Atque super pluvias exit acutus apex.*

12 Об авторском юморе в восприятии трудностей дальнего пути и о сопоставлении с собственным опытом см.: **Portbarré-Viard**. 2017: 221, 225.

13 В этих двух строках поэт достигает мини-кульминации, так как общие места и жанровые клише итинерария (путешествие — дорожный маршрут — колесный транспорт — калейдоскоп из страннических впечатлений — воспоминания о родине и оставленных родных) он почти исчерпал и уже упоминал в разных ситуациях о дорожной карете принцессы, но не давал ее характеристики. Таким образом, эффект оттягивания для описания чудесной квадриги позволил ему придать дополнительную весомость автобиографической вставке.

башня серебряна везла» (Carm. VI. 5, 223–224: *Nanc ego nempe novus conspexi praetereuntem // Molliter argenti turre rotante vehi*)¹⁴. Венанций сетует на то, что желанная встреча Радегунды с невестой ее королевского пасынка не состоялась, но бывшая королева обменялась с принцессой посланиями¹⁵. Поэт мог принимать в этом участие, но прямо заявить о своем эпистолярном посредничестве в траурной элегии было бы верхом нескромности. Прибыв в Руан, вестготская невеста обретает королевское достоинство в браке, но подлинным итогом ее путешествия во франкские земли становится принятие христианства по римскому обряду.

Можно говорить о том, что италийский поэт с «трансгенерирующей» для него темой личных странствий¹⁶ задал поэтический эталон для репрезентации женского путешествия в латинской культуре франков, и его литературный образец остался непревзойденным, не получив поэтических подражаний¹⁷. Отчасти уникальность траурной элегии по Галсвинте объясняется неясным политическим целеполаганием при создании. Отосланная как официальное соболезнование, элегия

---

14 Исследователи уделяют внимание образу *двух башен* (Брунхильда и Галсвинта), в котором видят отсылку к процессиям Кибелы («башненосная»), матери Цереры и бабки похищенной Прозерпины, из поэмы Клавдиана см.: **Gioanni**. 2012: 940.

15 Художественное сопоставление образов Радегунды и Галсвинты см.: **Roberts**. 2017: 308–309.

16 Французский исследователь справедливо называет тему путешествий «трансгенеральной/универсальной» для творчества италийского поэта (“la transgénéricité de la thématique du voyage dans l’oeuvre de Fortunat”) см.: **Portbarré-Viard**. 2017: 225.

17 Эта элегия Венанция стала латинским шедевром, тягаться со столь высоким образцом позднеантичной и раннесредневековой поэзии никто всерьез и не мог подумать, поэтому Григорий Турский (со своими не обнаруженными поэтическими амбициями) поступил иначе, он задумал своеобразную пародию на плач по вестготской невесте в прозе своего исторического сочинения.

содержит развернутое утешение и в качестве катарсиса предлагает для истовой арианки Гойсвинты возрадоваться вечной жизни ее дочери на небесах. Отсутствие в тексте и намек на официальную оценку убийства, по моей гипотезе, связано с тем, что сочинение было написано и отослано в Испанию в узкий промежуток времени, вскоре после убийства, когда Сигиберт пытался мирным путем востребовать с Хильперика компенсацию за гибель сестры своей королевы. Переговоры королей-братьев с Хильпериком не закончились, его еще не заклеямили убийцей и не осудили братским судом, о чем позже написал Григорий Турский. Судя по всему, после смерти бездетной Галсвинты утренний дар и часть приданого, полученного ею от мужа, должна была унаследовать ее мать, вестготская королева. Но отдавать готам пять франкских городов (Бордо, Лимож, Кагор, Беарн и Бигорр) никто из Меровингов не собирался, поэтому король Сигиберт возвышенными словами утешения информировал свою тещу-королеву, что ей не будет по наследственному праву передано приданое умершей дочери. Уравнивая скорбь матери и сестры (в последней трети сочинения), Венанций обосновывает получение только Брунхильдой наследства убитой сестры в качестве «вергельда». По-видимому, брачное дарение Галсвинте пяти городов Хильперика и стало основной причиной ее убийства¹⁸, из-за чего Венанций Фортунат

18 Объяснение причины убийства Галсвинты желанием Хильперика вернуть себе подаренные вестготской принцессе пять городов является общим местом для современной историографии. Проблема заключается лишь в том, что необходимо выдвинуть обоснованную исследовательскую гипотезу, которая проясняла бы все связанные между собой вопросы (по размеру переданного Хильпериком приданого и утреннего дара, об обстоятельствах убийства Галсвинты и о тайных смыслах элегии Фортуната, о политических взаимоотношениях трех королей после 568 г.). Эту задачу пытался решить Б. Дюмезиль, делая интересные, но крайне тенденциозные предположения см.: **Dumézil**. 2008: 159–169. Многие высказывания

«красноречиво» не упомянул эти города в описании свадебного путешествия.

Почему же автор траурной элегии не описал маршрут вестготского каравана по франкским землям как сухопутный итинерарий с каталогом остановок по большим городам, а выбрал перечисление переправ через речные артерии мерovingских королевств? Исследователи объясняют это авторской игрой поэта с художественной отсылкой к пяти рекам Подземного мира (Стикс, Лета, Флегетон, Ахерон, Коцит)¹⁹. К этому можно добавить, что и в других своих сочинениях Фортунат проявлял любовь к описаниям речных путешествий (по

французского историка вызывают удивление, так он относит все пять городов к утреннему дару (хотя Григорий Турский цитирует текст договора) и приписывает свадебному путешествию Галсвинты символическое значение по обретению королевской власти над аквитанскими городами по праву, «делегированному» ей Хильпериком. Изначально Б. Дюмезиль броско заявляет о реальной угрозе для франков потерять подаренные Галсвинте города, а также считает, что после смерти Атанагильда наследовать этот «утренний дар» было некому. Смысл выдвинутой французским историком гипотезы сводится к тому, что пропагандистская элегия Фортуната была заказана королем Сигибертом, чтобы пошатнуть верность нейстрийской знати королю Хильперiku, подавая дезинформационные месседжи о готовящейся войне вестготов за наследство убитой принцессы. Большим преувеличением является и предположение о том, что король Леовигильд (новый супруг Гойсвинты) и Сигиберт, не являясь кровной родней Галсвинте, могли претендовать на выплату им вергельда от Хильперика. Мое объяснение не включает столь бурного фантазирования, я полагаю, что Сигиберт, оставаясь в германском правовом поле, подменил право наследования матерью приданого бездетной дочери на выплату вергельда от заказчика убийства в пользу сестры. При таком раскладе мать-королева уже не была приоритетной фигурой (как в деле о наследовании).

- 19 **Gioanni.** 2012: 941–942. В качестве примера того, насколько разнятся интерпретации исследователей, можно привести вариант с концентрическим объяснением организации поэтического маршрута у Венанция Фортуната, когда к внешнему кругу «периферии» относят Пиренеи, Нарбонн и галльские реки, а во внутренний круг помещают святые города-близнецы Пуатье и Тур см.: **Roberts.** 2017: 307–308.

Луаре, по Мозелю)²⁰. По моему мнению, подмена сухопутного маршрута каравана Галсвинты на водную сетку координат с духовным центром в Пуатье и Туре была обусловлена не столько литературными задачами, сколько политическими целями — через замалчивания и намеки поэтически зашифровать то, о чем Фортунат умолчал: «О несравненная скорбь, что час отлагаешь ты слезный, // Что о злосчастных делах в длительной речи молчишь?» (Carm. VI. 5, 247–248: *O dolor insignis quid differs tempora fletus // Lugubresque vices plura loquendo taces?*)²¹. Следует отметить, что при вестготском дворе, несомненно, были информированы о реальном положении дел²², получив известия *vivo voce* от дипломатов и шпионов. Поэтическая искусность же Венанция в общем замысле сочинения и дипломатическая тонкость в изложении печальных событий позволили италийскому поэту через десятилетие стать обласканным версификатором при дворе Хильперика и Фредегонды.

В моей интерпретации реальный маршрут путешествия Галсвинты политически определялся нейстрийскими

20 О многогранном образе путешествующего поэта см.: **Portbarré-Viard**. 2017: 223–224.

21 **Фортунат**. 2009: 121.

22 Поэтому (в отличие от версии Григория Турского) Венанций Фортунат (**Fortunat**, Carm. VI. 5, 253–272), воссоздавая драматический момент, когда было найдено тело Галсвинты, упоминает прислужниц королевы, которые сразу послали за кормилицей вестготской принцессы, чтобы она приняла на себя печальные обязанности по обнародованию вести о случившейся трагедии. Безусловно, горестная речь вестготской кормилицы отсылает к образу горюющей сестры Дидоны Анны (Брунхильды) из «Энеиды» Вергилия (**Verg.** Aen. IV, 671–704), после чего у читателя всплывает ассоциативная связь с невольным виновником смерти царицы Энеем (Хильпериком). Горе кормилицы Электры из «Похищения Прозерпины» глубоко и искренне, ее рассказ Церере о похищении дочери созвучно драматичен (**Claudian**, Rapt. III, 170–259), но по общему контексту ситуации, на мой взгляд, самоубийство Дидоны и смерть ее сестры ближе к реакции кормилицы Галсвинты на гибель воспитанницы.

дипломатами (а разработан был заранее Хильпериком)²³, которые старались держаться земель и городов, входивших в состав нейстрийского королевства. Поэтому путь из вестготского Нарбонна в Тулузу (которая принадлежала Хильперiku по разделу 561 г.)²⁴ представляется самым очевидным. По итогам раздела 567/8 года (после смерти Хариберта) нейстрийский меровинг получил, наравне со сводными братьями, часть приграничных городов в землях Адур — Бигорр и Беарн, а также три важных города — Бордо (где располагалась кафедра митрополита), Лимож и Ка(г)ор. Григорий Турский перечисляет эти города в тексте Анделотского договора, относя их к супружескому приданому и утреннему дару Галсвинты²⁵, не дифференцируя по правовому статусу²⁶. Такое королевское дарение по условиям матримониальных переговоров было беспрецедентным и политически выглядело авантюрным.

Современники, вестготская сторона (правитель Атангильд) и сами меровингские короли, вне всякого сомнения, должны были понимать, что это декларативный обман и ни

---

23 В источниках не названы имена дипломатов Хильперика. Но на примерах свадебного путешествия Брунхильды из Толедо в Мец (главой которого был влиятельный Гого, ставший затем официальным опекуном малолетнего Хильдеберта) и матримониального дела принцессы Ригунты (которым от начала и до конца руководил Ансовальд, после убийства Хильперика возглавивший группировку нейстрийской знати, которая правила от лица младенца Хлотаря) можно предполагать, что это были первые советники нейстрийского короля.

24 **Cândido Da Silva**. 2001: 94.

25 **HF**. IX, 20: De civitatibus vero, hoc est Burdegala, Lemovecas, Cadurcus, Benarno et Begorra, quae Galesuinda, germana domnae Brunichilde, tam **in dote** quam **in morganegyba**, hoc est matutinale donum, in Francia veniens certum est adquisisse, quas etiam per iudicium gloriosissimi domni Gunthchramni regis vel Francorum, superstitionibus Chilpericum et Sigyperthum regem...

26 В своих рассуждениях, основываясь на германском правовом материале, о различиях между *приданым* (как цены невесты — brideprice) и *утренним даром* автор полагает, что выплаты по второму были более скромными см.: **Wemple**. 1981: 44–45.

при каких обстоятельствах франкские города не перешли бы под вестготскую власть. Даже при крайнем варианте, когда после смерти Хильперика бездетная Галсвинта попыталась бы востребовать свое супружеское приданое и утренний дар, она не смогла бы получить их в полном объеме, а лишь некоторую часть по согласованию с сыновьями-наследниками нейстрийского короля. Поэтому, по моему мнению, в утренний дар входили Бигорр и Беарн на вестготской границе, доходы с которых наследники Хильперика могли оставить бездетной мачехе на содержание, но аквитанские города Бордо, Лимож и Ка(г)ор из супружеского приданого должны были приносить личный доход королеве Галсвинте лишь при жизни Хильперика²⁷. Показательно, что нейстрийский король не отдал в приданое ни один из городов своего наследственного домена на севере и не передал Тулузу. Имело политическое значение и то, что коммуникативная связность с южногалльскими города была для Хильперика проблематичной, сухопутная отрезанность этих урбанистических анклавов вынуждала его военным путем захватывать и пытаться удерживать Пуатье и Тур.

Дальнейшее движение свадебного каравана, нагруженного ценным и дорогим грузом, под охраной готских и франкских сопровождающих из Тулузы в пограничные Бигорр и

---

27 Атанагильд отсылал свою старшую дочь к жениху Хильперiku с большим приданым, оно было, очевидно, в денежной форме (золотые и серебряные монеты) и в виде сокровищ (ювелирные украшения и предметы декоративного убранства из драгоценных металлов, дорогие одежды и ткани с вышивкой, парадное и наградное оружие). Нейстрийский супруг должен был обеспечить новобрачной по брачным условиям, по-видимому, **паритетное** супружеское приданое и утренний дар от себя. Сделать это сразу в денежной форме или в виде сокровищ Хильперик не мог по финансовым обстоятельствам, и поэтому он передает на содержание вестготской принцессе будущие доходы от своих городов, откладывая и растягивая требуемые выплаты на годы.

Беарн представляется крайне маловероятным. По моему предположению, на первом этапе франкского путешествия Галсвинта комфортно проехала от Тулузы через Каркассон в Бордо. Затем свадебный караван двинулся в Лимож, а оттуда мог повернуть обратно на юг, чтобы посетить Ка(г)ор. В эти города (если они были переданы вестготской невесте в качестве супружеского приданого) принцесса могла въезжать с королевской пышностью, а будучи их владелицей, участвовать в парадных церемониях принесения городскими властями клятвы верности, что Фортунат скрыл под словами «оружная клятва» (Carm. VI. 5, 241–242: *Utque fidelis ei sit gens armata, per arma // Jurat jure suo...*). Митрополитом Бордо был тогда, по-видимому, доживающий свои последние годы епископ Леонтий, который по статусу приветствовал королевскую невесту. Однако Венанций Фортунат на первом этапе путешествия не только полностью скрыл географические отсылки на аквитанские владения Хильперика (Тулуза–Бордо–Лимож и земли в Адур), но совершил ради этого ловкую подмену при описании речных ориентиров:

Excipit hinc Narbo, qua littora plana remordens,
Mitis Atax Rhodanas molliter intrat aquas.
Post aliquas urbes Pictavas attigit arces
Regali pompa praetereundo viam.
(Там их приемлет Нарбон, где, плоские бреги глoday,
Входит безбурный Атакс с кротостью в Родана ток.
Несколько градусов прошед, пиктавских твердынь достигают,
Поприще с царственной пышностью проходя)²⁸.

Возможно, в вымышленных художественных обманках — «безбурный» Атакс (река Од каменистая и бурная), «кроткое» впадение Атакса в Родан (за Нарбонном Од впадает в Средиземное море) и само «слияние» Атакса с Роданом (Рона

28 Фортунат. 2009: 120. Fortunat. Carm. VI. 5, 213–216.

протекает восточнее и впадает в Средиземное море через земли Камарга) автор элегии хотел подчеркнуть лимитационный характер Нарбонна, сигнализируя о своей литературной игре²⁹. Франкский читатель мог бы списать поэтическую путаницу (Родан–Рона вместо Гаронна) на географические ошибки италийского чужеземца³⁰, который направил свадебный караван в бургундское королевство по дорогам вдоль Роны. Но в этих строках проявляется политическое целеполагание — элиминация всех южных владений жениха Хильперика, через главные города которого Тулузу и Бордо протекает Гаронна.

Второй этап свадебного путешествия Галсвинты проходил через земли Пуатье и Тура, которые по разделу 567/8 года перешли под власть австразийского короля Сигиберта, что не помешало Хильпериду сразу захватить эти города. По сообщению Григория Турского (HF. V, 45), как раз в 568 г. короли Сигиберт и Гунтрамн совместными усилиями отвоевали Тур и Пуатье у нейстрийцев³¹. Из строк Фортуната

29 По исследовательскому каталогу литературных реминисценций у Фортуната в строке о слиянии Атакса с Роданом усматривают влияние «Фарсалии» Лукана (v. 214: *mitis Atax Rhodanas molliter intrat aquas*; *Lucain. Phars. I, v. 403: mitis Atax Latias gaudet non ferre carinas*) см.: **Gioanni**. 2012: 938. На мой взгляд, нельзя исключать вариант с первоначальной контаминацией ученым поэтом своих сведений о галльских реках из «Фарсалии», где в соседних строках он прочел о слиянии Исары–Изэра с Роданом–Роной (vv. 399–401) и затем перенес это на «спокойный Атакс» (v. 403) см.: **Лукан**. 1951: 18.

30 Я исхожу из того, что произношение в народной латыни и в германских языках того времени *Garonna* и *Rona* могло звучать сходно для иностранца, а Родан был речным названием из литературного языка. Венандий упоминает Гаронну (*Garonna/Garonna*) в первой книге своих сочинений (**Fortunat**. *Carm. I*. 20; 21).

31 По тексту «Истории франков» это событие не датируется, а является результатом хронологической реконструкции по давней исследовательской традиции. Оценка действий Хильперика после смерти Хариберта см.: **Widdowson**. 2009: 12.

невозможно извлечь никакой информации об этих событиях и о том, как они хронологически соотносились (или нет) с посещением Галсвинтой тем летом двух религиозных центров под святым патронажем Илария и Мартина. Зато автор поведал о своей встрече с королевской колесницей и тонко подчеркнул, что личному общению Галсвинты с королевой-монахиней Радегундой помешали внешние препятствия, по-видимому, из-за прямого запрета нейстрийских дипломатов. Поэтическая витиеватость элегии не позволяет однозначно сказать, где свадебный кортеж переправлялся через Вингенну-Вьенну — по пути из Лиможа (расположенного на Вьенне) в Пуатье или из Пуатье в Тур (стоящий на Лигере-Луаре):

Переправляет их челн чрез быстрые струи Вингенны:
Живо сопутственный сонм вышел из бурной воды.
Мразный, в кристальну волну их Лигер ползущий приемлет,
Где и рыбе не даст тонкий укрыться песок.
Вот достигают туда, где рыбной стремниной Секвана
В море несется, залив с ним Ротомагский связав³².

Финальную точку долгого путешествия вестготской невесты италийский поэт не стал именовать Руаном, а предпочел закончить удвоенным «водяным» иносказанием, называя реку Сену, на которой стоит Руан, и Ротомагский залив (Гавр). Также Фортунат оставил за строками элегии имя руанского митрополита Претекстата (ок. 550–586), который, вне всяких сомнений, проводил церемонию бракосочетания, а до этого не упомянул о турецком митрополите Евфронии (556–573), родственнике и предшественнике Григория Турского.

32 **Фортунат.** 2009: 121 (**Fortunat.** Carm. VI, 5, 231–236: *Vingennae volucer transmittitur alveus alno:// Turba comes rapidis alacris exit aquis. // Excipit inde repens vitrea Liger algidus unda // Quo neque vel piscem levis arena tegit. // Pervenit qua se piscoso Sequana fluctu // In mare fert, juncto Roto-magense sinu*). После Тура следующим городом на пути к Руану мог быть только нейстрийский Ле Ман.

По моему мнению, несмотря на многолетнее дружеское общение и политические взаимосимпатии (сначала при австрийской дворе Сигиберта, затем при нейстрийском — Хильперика и Фредегонды, а после при дворе Хильдеберта и Брунхильды), Григорий Турский (538–594) испытывал к Венанцию Фортунату комплексное чувство литературного соперничества и определенно питал интеллектуальную зависть³³. Так в «Истории франков» (HF. V, 8) он лишь раз упомянул его имя как автора «Жития Германа Парижского»³⁴, умолчав о зачитанном италийским поэтом панегирике Хильперiku во время церковного суда над турским епископом (580) и о глубокой озабоченности Фортуната волнениями в монастыре Святого Креста (589–590). По моей гипотезе, турский историк свое повествование о свадебном путешествии принцессы Ригунты превратил в недобрую пародию на стихотворный плач Фортуната по Галсвинте³⁵, заменяя рафинированные литературные

-
- 33 О поэтических амбициях турского понтифика и о тематических и стилистических переключках в сочинениях италийского поэта и меровингского историка-агиографа см.: **Roberts**. 2015: 47–58.
- 34 Всего турский епископ ссылается на работы Фортуната в своих многочисленных трудах семь раз см.: **Reydellet**. 1997: 159. Исследователи традиционно предпочитают рассматривать взаимоотношения двух знаменитых интеллектуалов в дружеской парадигме «поэт и его патрон» см.: **Reydellet**. 1997: 167 (акцент в выводах на социальную динамику – Фортунат из приезжего поэта становится священнослужителем и церковным иерархом, а Григорий со временем проявляет виртуозность в искусстве версификации); **Roberts**. 2015: 39–47, 58–59 (сравнение Венанция с Горацием в связи с дарением поэту от Григория небольшой земельной собственности *agellus* — землицы-усадебки).
- 35 В своем тексте епископ иронически обыграл позаимствованные из элегии Фортуната реальные или поэтически вымышленные образы, эпизоды и детали — фигуры двух матерей-королев (возвышенная в своем горе Гойсвинта и оправдывающаяся за финансовые махинации с приданным Фредегонда), благородный ропот среди расстающихся с родней вестготов из сопровождения Галсвинты и «плач египетский» среди франков, сцена символического прощания двух невест с королевскими столицами и родителями, опасения из-за возможной поломки колеса в колеснице готской

аллюзии и дипломатическую гибкость италийского поэта на социальную сниженность персонажей (слуг и придворной свиты) и выпячивая неприглядные аспекты грабежей.

Первое, что бросается в глаза при текстуальном анализе матримониальной истории, — это исключительная (почти исчерпывающая) информативность турского историка обо всех этапах событий за несколько лет³⁶: от обмена посольствами между Хильпериком и Леовигильдом (HF. VI, 18; 34; 40), паузы в связи со смертью маленького наследника Теодерика и неудачного плана нейстрийского короля заменить невесту (HF. VI, 34: вместо дочери Фредегонды отослать вестготам Базину, свою дочь от первого брака с Аудоверой) до скандального собирания приданого для меровингской невесты и обстоятельств формирования свадебного кортежа, а затем его движения по франкским землям (HF. VI, 45). Особое внимание автор уделит финалу свадебного путешествия и возвращению принцессы (HF. VII, 9–10; 15; 39), эти этапы повествования лишены, на мой взгляд, каких-либо литературных и библейских коннотаций, церковный историк ограничивается изложением фактографии в политическом ключе, учитывая перемены в меровингских королевствах. Личная вовлеченность епископа во франко-вестготскую дипломатию позволяет мне предполагать, что турский митрополит был в какой-

---

невесты и дурное предзнаменование для Ригунты, литературные названия для дорожной кареты Галсвинты (квадрига и серрака) и бытовые наименования для повозок и телег франков, царственность свадебного готского каравана и уподобление меровингского кортежа библейской саранче.

36 Епископ Григорий прямо или косвенно в разных историях из своего исторического опуса намекал на исключительную личную информированность (ибо он был конфидентом членов меровингской семьи в драматических моментах), но еще более тонко подчеркивал для будущих читателей свое авторское кредо, что информативность оставленного им текста была подвергнута политической и личной цензуре.

то момент одним из официальных переговорщиков по заключению брака с нейстрийской стороны, поэтому в дальнейшем он так пристально следил за всеми перипетиями организационной подготовки и движением свадебного каравана принцессы.

На сложном фоне вестготской политики, когда после бракосочетания с австразийской принцессой Ингундой наследный принц Герменегильд отказался от арианства и восстал против короля-отца (580), Леовигильд вынужденно переориентировался на союз с нейстрийцем Хильпериком³⁷ и начал переговоры о свадьбе с принцессой Ригунтой по достижении ею брачного возраста (ок. 582). Единственным наследником вестготского короля стал младший сын, а потерпевший поражение Герменегильд будет казнен в 585 году, когда в византийском плену умрет и Ингунда. После завершения долгих переговоров о браке с Реккаредом осенью 584 г. свадебный кортеж Ригунты, единственной дочери Хильперика и Фредегонды, неудачно выехал за городские ворота Парижа, — сломалась ось от повозки (*uno carrigae effracto axe*)³⁸.

Этому дурному предзнаменованию предшествовали три предсвадебные истории — политические провокации по

37 Интерпретационное сопоставление союзнических отношений Леовигильда с австразийским двором и с королем Хильпериком см.: **Gehler-Rachůnek**. 2019: 33–35.

38 **HF**. VI, 45. Автор, называя эту повозку (*carriga*), по-видимому, хотел подчеркнуть, что она была не багажной телегой (*plaustra*), а одной из дорожных повозок-карет. Церковный историк описал свадебные обычаи франков, когда король устроил государственный пир и официально передал дочь с ее приданым готской делегации (*...Chilpericus rex... convocatis melioribus Francis reliquisque fidelibus, nuptias celebravit filiae suae. Traditamque legatis Gothorum, magnus ei thesaurus dedit*). А в момент расставания с родителями и родиной невеста со слезами на глазах и поцелуями прощается со всеми, отправляясь в долгое свадебное путешествие (сентябрь-октябрь). Эпизод парижского расставания явно отсылает к прощанию Галсвинты с родным домом у Фортуната.

поводу чрезмерного размера приданого, отправляемого с принцессой к вестготам, и протест австразийского посольства по этому поводу, а также суровое принуждение королем слуг и свиты, которые уезжали вместе с Ригунтой. По-видимому, история меровингской династии³⁹ не знала прецедента со сбором столь большого приданого (специальные налоги на подвластные города, ресурсы из государственной казны, личные средства королевы и свадебные дары от нейстрийской знати⁴⁰), которое на десятках телег⁴¹ повезут в вестготское королевство, где судьба этих сокровищ окажется неопределенной (известны случаи захвата приданого вестготских невест на примерах Хильперика и внука Брунхильды —

---

39 В «Истории франков» отсутствуют данные по свадебному путешествию и приданому меровингских невест — сестры Хлодвига Аудофледы, выданной за остгота Теодориха, Хлодехильды, дочери Хлодвига, ставшей супругой вестготского короля Амалариха, и дочери Хлотаря Хлодезинты, вступившей в брак с лангобардом Альбоином.

40 Вскользь упомянув о городских налогах, Григорий называет три основных источника приданого — родовые сокровища меровинга Хильперика (подразумеваемая это через своеобразное отрицание), личные накопления Фредегонды и свадебные подарки от знатных и простых франков (**HF. VI, 45:** *Franci vero multa munera obtulerunt, alii aurum, alii argentum, nonnulli equites, plerique vestimenta, et unusquisque ut potuit donativum dedit*). На примерах брачной истории Галсвинты и подготовки Фредегондой большого приданого для дочери делается вывод о возможной концентрации в руках меровингских королей значительных материальных богатств см.: **Dailey. 2015: 110.**

41 Для сравнения можно привести пример с четырьмя повозками, нагруженными вещами (по-видимому, мебелью и предметами обстановки) и одеждой умершего двухлетнего принца Теодериха, которые Фредегонда приказала сжечь (**HF. VI, 35**), а также историю с пятью узлами личных вещей Брунхильды (с золотыми монетами, дорогими вещами и драгоценностями), которые она оставила на хранение руанскому епископу, а затем неоднократно посылала отряды слуг, чтобы вернуть себе эти опечатанные тюки (**HF. V, 18**), каждый из которых был настолько большим и тяжелым, что его могли унести только несколько человек.

Теодериха)⁴². По моей гипотезе, турецкий епископ преувеличил колоссальный размер свадебного приданого невесты (создавая у читателя впечатление, что сокровища занимали все пятьдесят возов обоза⁴³) из двух соображений. Во-первых, чтобы придать обоснованность политической озабоченности Хильдеберта с Брунхильдой, с их требованием не облагать свадебным налогом захваченные Хильпериком австразийские города, а также разоблачить несправедливое деяние нейстрийского короля, которого подозревали (*suspicio vertebatur*) в тайном убийстве одного из неугодных послов. Во-вторых, Григорий Турецкий попытался скрыть византийский след в истории Гундовальда, подменяя главный источник финансирования его узурпации сокровищами из разграбленного каравана Ригунты.

Вопрос о реалистичности данных «Истории франков» по общей численности сопровождающих Ригунту охраны, свиты со слугами (свыше четырех тысяч) и количества возов в обозе (пятьдесят) решается положительно. Автор не распространяется о готской делегации (*Gothorum magna legatio*), возвращающейся с меровингской невестой, но упоминает двух важных нейстрийских придворных Ансовальда и Домигизила, которые прежде были послами-переговорщиками, а теперь руководили свадебным караваном во время путешествия и должны были следить за передачей приданого невесты в Толедо. Герцог Бобо отвечал за охрану сокровищ и безопасность принцессы во время путешествия, а его супруга стала бы

42 Беспочвенное предположение о заглаживании Хильпериком вины перед вестготами за срыв первого раунда матримониальных переговоров и приписывание возможному влиянию австразийских послов внутринестрийское волнение по поводу растраты государственной казны на приданое см.: Dumézil. 2008: 212–213.

43 HF. VI, 45: *Nam tanta fuit multitudo rerum, ut aurum argentumque vel reliqua ornamenta quinquaginta plaustra levarent.*

подружкой невесты на свадьбе⁴⁴. Заявленные более четырех тысяч человек, отъезжающих к вестготам вместе с Ригунтой, вполне коррелируют с сопровождением сестры Теодориха Великого — Амалафриды, которая во втором замужестве стала вандалской королевой Тразамунда (ок. 500)⁴⁵. Существенное различие заключается в количестве вооруженных готов — тысяча знатных телохранителей с пятью тысячами «беспособных» воинов (Proc. BV. I, 8, 12), которые, очевидно, по согласованию с остготским королем, были в действительности союзным воинским контингентом, а не только отрядом телохранителей. И Прокопий не выделил численность придворной свиты и obsługi готской принцессы, поэтому, на мой взгляд, они могли входить в указанное сопровождение из пяти тысяч простых готов⁴⁶. В таком ракурсе восприятия текста византийского историка (Proc. BV. I, 9, 4–5) его объяснение причины заключения под стражу Амалафриды и истребления вандалами всех готов (ок. 525) тем, что они намеревались совершить государственный переворот против нового

-
- 44 **HF.** VI, 45: Erant autem cum ea viri magnifici Bobo dux, filius Mummolini, cum uxore, quasi paranympus, Domigysilus et Ansovaldus, maior domus autem Waddo, qui olim Sanctonicum rexerat comitatum; reliquum vero vulgus super quattuor milia erat. Эту фразу автора «Истории» можно интерпретировать следующим образом, что временные знатные сопровождающие (с их людьми) не были включены в общее количество «свыше четырех тысяч человек», а майордом Ригунты Вадро упомянут по своему статусу среди представителей знати. В следующей книге Григорий добавит имя еще одного, по-видимому, придворного принцессы — domestica Леонарда.
- 45 **Proc.** BV. I, 8, 11–13. Из приданого амальской невесты Прокопий упоминает только важный стратегический порт Лилибей на Сицилии, который остготский король уступил в такой форме своему вандалскому свойственнику.
- 46 При анализе численности остготского сопровождения Амалафриды (тысяча знатных и пять тысяч простых готов) исследователи всегда рассматривают (следуя словам Прокопия) их как вооруженных воинов, полагая количество (шесть тысяч) преувеличенным по разным причинам см.: **Cristini.** 2017.

вандальского короля Хильдериха, союзника Юстиниана, выглядит достаточно правдоподобным.

Из предсвадебной подготовки к путешествию турский историк выделил и художественно уподобил траурному плачу Фортуната по умершей вестготской принцессе свои литературные ламентации от лица франкских придворных и челяди, которых король Хильперик насильно отправлял сопровождать Ригунту в ее будущей жизни в вестготском королевстве. Жесткость нейстрийского правителя не ограничивалась лишь господским принуждением зависимых слуг из его поместий (*familias multas de domibus fiscalibus*), часть из которых была даже заключена им в темницу для острастки (*multus quoque flentes et nolentes abire in custodia retrudi iussit*). Автор нагнетает траурное настроение и описывает состояние поистине эпического страдания:

Говорят, что многие, боясь разлуки с родителями, удавились от такого горя (*multos sibi ob hanc amaritudinem vitam laqueo extorsisse*): ведь сына разлучали с отцом, мать — с дочерью, и они отъезжали с горьким плачем и проклятиями; плач в Париже стоял такой, что его можно было сравнить с плачем египетским. Многие же люди более знатные (*multi meliores natu*), которых силою заставляли ехать, оставили завещания и, отдав свое имущество церквам, попросили вскрыть эти завещания тотчас по прибытии невесты в Испанию, — как если бы они уже были в могиле⁴⁷.

Кортеж принцессы с огромным приданым на пятидесяти повозках (перечисляются золото, серебро, украшения, лошади и одежды — собранные Хильпериком и Фредегондой, а также подаренные франками) в сопровождении готского посольства и королевских советников, собственной свиты и слуг двинулся к южной границе под охраной франкского войска во главе с герцогом, опасаясь возможной провокации

47 НФ. VI, 45.

(*aliquas insidias*) со стороны меровингской родни. Конечная численность кортежа составляла свыше четырех тысяч человек, а до Пуатье в делегацию входило еще большее количество королевских служителей и герцогов (*duces et samararii*). Подобная репрезентация богатства и власти потрясала воображение современников, но автор акцентирует внимание на страданиях населения тех мест, где проходил свадебный обоз:

...Они грабили хижины бедняков, опустошали виноградники, даже лозы с гроздьями ломали и уносили, отнимали скот и все, что могли найти, не оставляя ничего на своем пути⁴⁸.

Такое разграбление путешествующими всего, чего только можно, объяснялось реалиями того времени, когда Хильперик переложил материальное обеспечение быта свадебного каравана на бюджеты городов по маршруту движения (*in itinere*).

Можно предполагать, что Григорий Турский осознанно гиперболизирует ряд деталей (при выезде из Парижа такого количества колесного транспорта обязательно произошла бы техническая поломка или авария), по политическим соображениям он преувеличивает размер сокровищ (*magnus thesaurus*), пересказывает слухи и сплетни, многое умалчивает и комкает повествование на финальном этапе истории. Описывая первую же остановку парадной процессии за стенами столицы, автор позволяет себе полностью десакрализировать в своем нарративе матримониальные ожидания, смакуя подробности воровства и хищений:

---

48 Ibidem. В этом всепожирающем шествии людской «саранчи» можно увидеть несомненную отсылку (красиво поданную в возвратной форме) к описанию вестготских неурожаев из-за нашествия саранчи в окрестностях Толедо (HF. VI, 33; 44).

А ночью поднялись пятьдесят человек и, взяв самых лучших лошадей столько же золотых уздечек и две большие золотые цепи, убежали к королю Хильдеберту. И на протяжении всего пути каждый, кто мог, убегал и уносил с собою все, что удавалось взять⁴⁹.

Драматический перелом в истории свадебного путешествия произошел в Тулузе, когда туда дошли вести о смерти Хильперика (в конце октября — начале ноября). Очевидно, что готские и франкские дипломаты поспешили к своим правителям для дальнейших консультаций. Но Григорий, затушевывая эти политические обстоятельства, выдвигает другие объяснения:

Да и окружающие ее люди говорили ей [Ригунте], что здесь следует задержаться, так как они-де сами устали от дороги, одежда у них грязная, обувь порвана и даже украшения на лошадях и повозках, на которых они до сего времени передвигались, пришли в негодность: лучше все это сперва привести в порядок, а там уж отправиться в путь, чтобы предстать перед женихом во всем блеске и не являться оборванцами на посмешище готам⁵⁰.

Охрана двора Ригунты и обоза с приданным, по-видимому, была деморализована убийством короля, что позволило герцогу Дезидерию напасть на город, захватить караван с приданным, а принцессу поместить под домашний арест, выставив стражу и оставив скудные средства для пропитания девушки, пока сам Дезидерий не возвратится (*deputans reginae victum artum, donec ad urbem regrederetur*). Описываемые обстоятельства столь шокирующие, что читатель не сразу понимает,

49 HF. VI, 45.

50 HF. VII, 9: Et cernens se iam ad terminum Gothorum esse propinquam, moras innectire coepit, dicentibus sibi tum praeterea suis, oportere eam ibidem commorari, cum ipsi fatigati de itinere vestimenta haberent inculta, calciamenta scissa, ipsosque equorum adque carrucarum apparatus adhuc, sicut plaustris evecti erant, seorsum esse disiunctos. Oportere potius omnia haec prius diligenter stabilire et sic in itinere proficisci ac suscepi cum omni elegantia ab sponso, ne forte, si inculti inter Gothos apparerent, inriderentur ab ipsis.

что автор многое не договаривает (полностью умалчивая о действиях городского графа и о роли в этой истории тулузского епископа Магнульфа, отличавшегося личной и политической смелостью) в рассказе о грабительской аванюре нейстрийского герцога, ссылаясь лишь на смелость его людей (*collectis secum viris fortissimis*). Из дальнейших событий станет известно, что и майордом Ваддо похитил часть сокровищ Ригунты и примкнул вместе с Дезидерием к узурпатору Гундовальду.

Таким образом, заключительный этап матримониальных злоключений Ригунты (*causas contumiliae iniuriasque; vidi humilitatem eius*) под пером Григория Турского окончательно превратил ее свадебное путешествие в дорогу позора, по сравнению с полным достоинства шествием готского каравана Галсвинты по франкским городам в художественном описании и по личному воспоминанию Венанция Фортуната. В декабре Ригунта нашла для себя убежище в тулузской церкви Святой Девы Марии (HF. VII, 10), очевидно, ее отпустили люди Дезидерия, опасаясь последствий инцидента с оскорблением меровингской принцессы. Королева Фредегонда, узнав о случившемся с дочерью, пришла в неистовую ярость, на публике в церкви унижительно раздев вестника Леонарда, и приказала наказать всех вернувшихся беглецов из Тулузы, их избивали и увечили (HF. VII, 15). А за Ригунтой она послала верного ей придворного Хуппу с войском⁵¹. В

---

51 Э. Дейли с доверием относится к записанным у Григория слухам о том, что главной задачей посланного королевой отряда в Тулузу за дочерью было оказание помощи поверженному узурпатору Гундовальду, с целью доставить его к нейстрийскому двору (HF. VII, 39). А также на основании слов турского епископа делается вывод, что Фредегону больше волновали политические последствия разграбления каравана Ригунты (потеря больших сокровищ и статусное унижение достоинства королевы-матери), чем

заключительных словах истории о свадебном путешествии дочери Хильперика турецкий автор не смог удержаться от политического злорадства и написал (HF. VII, 39): «...Он привел ее оттуда с собой, не без великого унижения и поругания» (*non sine grande humilitate adque contumilia*).

В брачной истории нейстрийской принцессы, насыщенной значимыми событиями из внешней и внутренней политики меровингских королевств, заметно украсило и оживило авторское повествование выражение личного отношения Григория Турского к невесте. И это отношение четко не артикулировано, а размыто в полутонах, что объясняется, на мой взгляд, как тем, что автор описывал те события спустя много лет (колеблясь в общих оценках), так и амбивалентным восприятием Ригунты как дочери венценосных родителей, что выражалось на лексическом уровне (*filia, puella, Chilperici regis filia, regina, filia sua*). Проявление личного внимания юной принцессы к Григорию Турскому во времена церковного суда над ним (580)⁵² было социально значимо, но, по моему мнению, в действительности являлось жестом скрытой поддержки от королевской четы. Позднее поведение Ригунты в связи с ее внебрачными скандалами “*adulteria*” (которые могли быть лишь слухами, как в случае с Амаласунтой) и словесными баталиями с матерью-вдовой, переходящими в рукоприкладство, несомненно, осуждалось автором. В известном эпизоде, когда Фредегонда чуть не удушила дочь крышкой от сундука с сокровищами (HF. IX, 34), Ригунта выглядит страдательной фигурой (как и по итогам свадебного путешествия), вызывая сочувствие у читателей.

подлинная забота о безопасности дочери в столь сложной ситуации см.: Dailey. 2015: 131–132.

52 HF. V, 49: *quod Riginthis regina, condolens doloribus meis, ieiunium cum omni domo sua celebravit.*

Хотя тонкая насмешка над матримониальным псевдо-триумфом Хильперика и Фредегонды рикошетом задевала униженную невесту, однако, политической мишенью авторского сарказма становилась мать девушки, сначала поразившая современников размером собранного приданого, а затем расправой над беглыми поварами и пекарями, и сам король, который планировал стать тестем вестготского правителя. Важную роль играет композиция нарратива, так как турецкий историк хронологически заканчивает шестую книгу главой об убийстве Хильперика с проклятием памяти этого «Ирода и Нерона» своего времени, ставя точку в свадебном путешествии Ригунты и расстраивая ее надежду на замужество. Почему на волне политического и личного развенчания Хильперика автор «Истории франков» не стал вербально проводить очевидной аналогии между убийством меровингом вестготской принцессы и свадебным фиаско его собственной дочери, что можно было бы нравоучительно и остроумно обыграть как справедливое воздаяние за грехи отцов? По моей версии, искушенные и знающие современники (как и сам Григорий Турский) осознавали, что судьба иностранных невест и королев, чья мужская родня теряла политический авторитет или расставалась с жизнью, была весьма незавидна. А для Ригунты напрашивалось ближайшее сравнение с судьбой австразийской кузины Ингунды, которую при вестготском дворе избивала родная бабка Гойсвинта за отказ перейти в арианство, в итоге она (а затем ее сын) скончалась в византийском плену. Нетрудно представить, как неистовая вестготская королева отнеслась бы к молодой супруге принца Реккареда, родителями которой были Хильперик с Фредегондой, убийцы ее дочери Галсвинты.

* * *

Текстуальный анализ нарративов Венанция Фортуната и Григория Турского с описанием свадебных королевских путешествий, осуществленных двумя принцессами с временным промежутком в пятнадцать лет, позволяет в выводах оценивать эти безусловные шедевры траурной поэзии и политической прозы как далеко выходящие за дипломатические рамки исторической репрезентации важных протокольных событий во франко-вестготских отношениях. В отличие от традиции романно-художественного восприятия во франкской историографии свадебного путешествия-бегства бургундской принцессы Хродехильды к Хлодвигу поэтическое описание Фортуната и прозаическое повествование Григория Турского претендуют — в первую очередь — на достоверность авторских свидетельств как очевидцев событий. Для италийского поэта профессиональный интерес представлял мир душевных переживаний (в жанрово идеализированной форме) всех действующих персонажей истории, а намеки и редкие упоминания о бытовых реалиях путешествия вестготки Галсвинты из Толедо в Руан стали элегантными украшениями стихотворных строк. Материальная сторона матримониальной подготовки и самого свадебного путешествия стали, по сути, основным содержанием всей истории о путешествии дочери Хильперика из Парижа в Толедо в «Истории франков». Турский историк использовал интересный прием — *отсутствие* Ригунты в большей части свадебной истории (сборы приданого, скандал с австразийским посольством, силовое принуждение слуг и свиты к сопровождению меровингской принцессы и последующей жизни при вестготском дворе, преувеличенная история расхищения сокровищ из приданого и грабительского пути самого каравана по землям Хильперика) и *появление* принцессы в момент отбытия из Парижа и в драматических обстоятельствах

ее ареста и финального разграбления всего свадебного обоза в Тулузе. Эта авторская особенность нарратива интерпретируется мною как проявление личной благожелательности турского епископа к Ригунте, пытавшегося в этом эпизоде всей истории не ассоциировать юную девушку с неприглядными политическими реалиями вокруг нее. Для него нейстрийская принцесса по итогам ее несостоявшегося замужества стала трагической фигурой, оставленной придворной свитой на публичное поругание в одиночестве.

По моей гипотезе, оригинальная репрезентация франкского маршрута Галсвинты у Венанция Фортуната стала его авторским вызовом в трансформации художественных традиций итинерариума путем шифрования реперных точек сухопутного маршрута и заменой их на речную сетку координат. С большей степенью вероятности можно говорить о том, что дипломатические интенции австразийского заказа подтолкнули италийского поэта к созданию сложно устроенной смысловой «матрешки», в которой одновременно скрывалась, шифровалась и выпячивалась роль речных переправ во время свадебного путешествия. По результатам исследовательского анализа я склоняюсь к версии о том, что иносказательная отсылка к пяти городам из супружеского приданого и утреннего дара Галсвинты (которые стали возможной причиной убийства готской принцессы) через перечисление пяти рек имела для целеполагания Фортуната большее значение, чем литературная аллюзия на лиминарные функции пяти подземных рек из «Похищения Прозерпины» Клавдия Клавдиана. Решающим аргументом в такой интерпретации становится сделанный поэтом акцент на вымышленном слиянии Атакса и Родана близ Нарбонна, что не являлось случайной географической ошибкой, но рассматривается как интеллектуальный зачин в политической игре, в демонстративном

забвении имени Хильперика и упоминаний о его владениях. Второй особенностью описания маршрута королевской невесты по франкским землям стало то, что поэт-профессионал придал особую значимость (на фоне посещения Пуатье и Тура) собственной встрече с каретой Галсвинты и, возможно, своему личному участию в передаче писем Радегунды для вестготской принцессы.

Турский епископ поступает наоборот, он, по моему мнению, пытается скрыть свою роль в матримониальной дипломатии Хильперика. Автор «Истории франков» не стал вслед за Венанцием затенять и запутывать путь нейстрийского кортежа, он практически умолчал о свадебном маршруте Ригунты, который пролегал через земли и города ее отца (упоминаются лишь Пуатье и Тулуза) и, без сомнения, проходил через Тур, где местный церковный глава должен был встречать и благословлять меровингскую невесту. Такая установка на политическое замалчивание собственной роли в этой истории связана с забвением турским епископом своих прежних отношений с убитым королем Хильпериком. Поэтому сопоставление двух авторских позиций было интересно и во временном ракурсе — Фортунат сочинял по «горячим следам» королевского преступления, а Григорий выдержал некую паузу и многое переосмыслил за прошедшие годы.

В нарративе Григория Турского можно увидеть дублирование авторской стратегии по утаиванию важной политической информации о двух матримониальных эпизодах. Турский историк, склонный к собиранию сплетен и слухов и высказыванию в некоторых случаях собственных оценок и домыслов по тайной стороне событий, оставил без комментариев и объяснений причины столь чрезмерных договорных обязательств по приданому Галсвинты от меровингского супруга (о передаче ей пяти франкских городов). Аналогичным

образом церковный автор не прояснил, зачем собиралось родителями такое большое приданое для Ригунты⁵³. Описания двух свадебных путешествий королевских невест по текстам Венанция Фортуната и Григория Турского продемонстрировали странный инвариант событий для неудачных браков в двух поколениях вестготской и меровингской династий. Из двух отправленных во франкские королевства готских невест старшая сестра была убита по приказу нейстрийского супруга, а дочь австразийской королевской пары Брунхильды и Сигиберта, которую выдали замуж за наследника вестготского престола, став жертвой издевательств со стороны бабки-королевы, умерла у византийцев при невыясненных обстоятельствах. Франкские читатели, которые ознакомились с «Историей франков» лишь после смерти автора, могли прийти к простому выводу, что позорный финал свадебного путешествия Ригунты сохранил для дочери Хильперика жизнь.

---

53 В данном случае сделать завуалированный намек на испытываемую зависть Фредегонды и Хильперика к браку Ингунды с Герменегильдом (по аналогии с авторской оценкой причин заключения брака Хильперика и Галсвинты) турский епископ не мог из-за драматических событий неудачного восстания вестготского наследника против отца и придворных страданий самой Ингунды.

Список источников и литературы

Вергилий. 1933 — Вергилий. Энеида / Пер. В. Брюсова, С. Соловьева. М.-Л.: Academia, 1933.

Григорий Турский. 1987 — Григорий Турский. История франков / Пер., прим. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987.

Клавдиан. 2008 — Клавдий Клавдиан. Похищение Прозерпины // Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений / Пер., прим. Р.Л. Шмараква. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 45–74.

Лукан. 1951 — Марк Анней Лукан. Фарсалия, или поэма о гражданской войне / Пер. Л.Е. Остроумова, комм. Ф.А. Петровского. М.-Л.: Наука, 1951.

Сазонова. 2023 — Сазонова А.А. Политическая диффамация и публичное насилие при меровингском дворе в последней трети VI в. // Цивилизация и варварство: физическое и вербальное варварство (коллективная монография) / Глав. ред. В.П. Буданова. М., 2023. Вып. XII. С. 195–226.

Фортунат. 2009 — Фортунат Венанций. Избранные стихотворения / Пер., прим. Р.Л. Шмараква. М.: Водолей, 2009.

<Фредегар>. 2015 — <Фредегар>. Хроники Фредегара / Пер., прим. Г.А. Шмидта. СПб.: Евразия, М.: ИД Клио, 2015.

Cândido Da Silva. 2001 — Cândido Da Silva M. Les cités et l'organisation politique de l'espace en Gaule mérovingienne au VIe siècle // Histoire urbaine. 2001. Vol. 2. № 4. P. 83–104.

Claudian. Rapt. — Claudian. Rape of Proserpine [De raptu Proserpinae] // Claudian. Works / Ed., trans. M. Platnauer. Cambridge (Mass.): L.: Harvard University Press, 1922. T. II. P. 292–377.

Cristini. 2017 — Cristini M. Il seguito ostrogoto di Amalafriada: confutazione di Procopio, Bellum Vandalicum I, 8, 12 // Klio. 2017. Vol. 99. №1. P. 278–289.

Dailey. 2015 — Dailey E.Th. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden-Boston: Brill Academic Publishers, 2015.

Dumézil. 2008 — Dumézil B. La reine Brunehaut. P.: Librairie Arthème Fayard, 2008.

Fortunat. Carm. — Venance Fortunat. Poèmes (Livres V–VIII) / Ed., trad. M. Reydellet. T. II. P.: Les Belles Lettres, 2003.

Fredegar. Chron. — Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. B. Krusch // MGH SRM II. Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888.

Gehler-Rachunek. 2019 — Gehler-Rachunek A. East and West from a Visigothic Perspective: How and Why Were Frankish Brides Negotiated in the Late Sixth Century? // The Merovingian kingdoms and the Mediterranean world: revisiting the sources / Eds. St. Esders, Y. Hen, P. Lucas, T. Rotman. L.-NY: Bloomsbury Academic, 2019. P. 31–39.

Gioanni. 2012 — Gioanni St. La culture profane des dictateurs chrétiens dans les chancelleries franques: l'éloge sur Galesvinthe de Venance Fortunat (Carmen VI, 5) // Latin vulgaire — latin tardif IX. Actes du IXe colloque international sur le latin vulgaire et tardif, Lyon 2–6 septembre 2009. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2012. P. 933–945.

HF — Gregorii episcopi Turonensis. Historiarum Francorum libri X / Hrsg. B. Krusch, W. Levison // MGH SRM I.1. Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1951

LHF — <Anonymus>. Liber historiae Francorum / Hrsg. B. Krusch // MGH SRM II. Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888. P. 215–328.

Portbarré-Viard. 2017 — Portbarré-Viard G.H. de la. La thématique du voyage et la figure du poète-voyageur dans l'œuvre de Venance Fortunat: entre rhétorique, poétique et construction de soi // Antiquité Tardive. 2017. Vol. 24. P. 219–230.

Procopius. BV — Procopius. History of the wars (Books III–IV: De bello Vandalico) / Ed., trans. H.B. Dewing. Vol. II. L.: William Heinemann, N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1916.

Reydellet. 1997 — Reydellet M. Tours et Poitiers: les relations entre Grégoire de Tours et Fortunat // Grégoire de Tours et l'espace gaulois. Actes du congrès international (Tours, 3–5 novembre 1994) / Eds. N. Gauthier, H. Galinié. Tours: Fédération pour l'édition de la Revue archéologique du Centre de la France, 1997. P. 159–167.

Roberts. 2015 — Roberts M. Venantius Fortunatus and Gregory of Tours: Poetry and Patronage // A Companion to Gregory of Tours / Ed. A.C. Murray. Boston: Brill, 2015. P. 35–59.

Roberts. 2017 — Roberts M. Venantius Fortunatus' Elegy on the Death of Galswintha (Carm. 6.5) // Society and Culture in Late Antique

Gaul: Revisiting the Sources / Eds. R. Mathisen, D. Shanzer. L.-NY.: Routledge, 2017. P. 298–312.

Santinelli-Foltz. 2019 — Santinelli-Foltz E. Quitter les siens. Mariage, migration et genre au haut Moyen Âge // *Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 2019. Vol. 50. №2. P. 249–273.

Verg. Aen. — Publius Vergilius Maro. *Aeneis* / Rec. G.B. Conte. B.: Walter de Gruyter, 2009.

Wemple. 1981 — Wemple S.F. *Women in Frankish Society, Marriage and the Cloister, 500 to 900*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

Widdowson. 2009 — Widdowson M. *Merovingian Partitions: a 'Genealogical Charter'?* // *Early Medieval Europe*. 2009. Vol. 17. №1. P. 1–22.

REFERENCES

Cândido Da Silva, Marcelo. “Les cités et l'organisation politique de l'espace en Gaule mérovingienne au VIe siècle.” *Histoire urbaine* 2, no. 4 (2001): 83–104. (In French)

Cristini, Marco. “Il seguito ostrogoto di Amalafrida: confutazione di Procopio, *Bellum Vandalicum* I, 8, 12.” *Klio* 99, no. 1 (2017): 278–289. (In Italian)

Dailey, Erin Thomas. *Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite*. Leiden-Boston: Brill Academic Publishers, 2015.

Dumézil, Bruno. *La reine Brunehaut*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 2008. (In French)

Gehler-Rachůnek, Anna. “East and West from a Visigothic Perspective: How and Why Were Frankish Brides Negotiated in the Late Sixth Century?” In *The Merovingian kingdoms and the Mediterranean world: revisiting the sources*, edited by Stefan Esders, Yitzhak Hen, Pia Lucas and Tamar Rotman, 31–39. London-New York: Bloomsbury Academic, 2019.

Gioanni, Stéphane. “La culture profane des dictatores chrétiens dans les chancelleries franques: l'élégie sur Galesvinthe de Venance Fortunat (*Carmen* VI, 5)”. In *Latin vulgaire – latin tardif IX. Actes du IXe colloque international sur le latin vulgaire et tardif, Lyon 2–6 septembre 2009*, 933–945. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2012. (In French)

Portbarré-Viard de la, Gaëlle Herbert. “La thématique du voyage et la figure du poète-voyageur dans l'œuvre de Venance Fortunat: entre

rhétorique, poétique et construction de soi.” *Antiquité Tardive* 24 (2017): 219–230. (In French)

Reydellet, Marc. “Tours et Poitiers: les relations entre Grégoire de Tours et Fortunat”. In *Grégoire de Tours et l’espace gaulois. Actes du congrès international (Tours, 3–5 novembre 1994)*, edited by Nancy Gauthier and Henri Galinié, 159–167. Tours: Fédération pour l’édition de la Revue archéologique du Centre de la France, 1997. (In French)

Roberts, Michael. “Venantius Fortunatus and Gregory of Tours: Poetry and Patronage”. In *A Companion to Gregory of Tours*, edited by Alexander C. Murray, 35–59. Boston: Brill, 2015.

Roberts, Michael. “Venantius Fortunatus’ Elogy on the Death of Galswintha (*Carm.* 6.5)”. In *Society and Culture in Late Antique Gaul: Revisiting the Sources*, edited by R. Mathisen and Danuta Shanzer, 298–312. London-New York: Routledge, 2017.

Santinelli-Foltz, Emmanuelle. “Quitter les siens. Mariage, migration et genre au haut Moyen Âge” *Clio. Femmes, Genre, Histoire* 50, no. 2 (2019): 249–273. (In French)

Sazonova, Anna. “Political Defamation and Public Violence at the Merovingian Court in the Last Third of the 6th Century.” *Civilization and barbarity: Physical and Verbal Barbarity*. (Collective monograph) XII (2023): 195–226. (In Russian)

Wemple, Suzanne Fonay. *Women in Frankish Society, Marriage and the Cloister, 500 to 900*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

Widdowson, Marc. “Merovingian Partitions: a ‘Genealogical Charter’?” *Early Medieval Europe* 17, no. 1 (2009): 1–22.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Aen. — Aeneis

BV — De bello Vandalico

Carm. — Carminum.

Chron. — Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum

HF — Historiarum Francorum

LHF — Liber historiae Francorum

MGH SRM — Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum rerum Merovingicarum.

Rapt. — De raptu Proserpinae

ПУТЕШЕСТВИЯ ЦАРИЦ, ЦАРЕВИЧЕЙ И ЦАРЕВЕН В РОССИИ XV-XVI вв.: (ПО МИНИАТЮРАМ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА)

Ключевые слова: Московское царство, итинерарии власти, Лицевой летописный свод, репрезентации власти.

Аннотация: На основе миниатюр из Лицевого летописного свода Ивана Грозного показано, как репрезентировались женские и детские роли в перемещениях царских семей по России в XV-XVII вв. Из шести основных видов перемещения — на носилках, верхом на коне, в колясках, в санях, кораблях и пешим ходом — для российских цариц считался неприемлемым поход верхом, хотя «чужие» (неверные, иноверные, отступившие от православия) царицы в изобразительной программе миниатюристов могли путешествовать на коне и в ряде случаев прямо дистанцированы от русских цариц при помощи конной репрезентации. В статье показано, как при помощи визуальной репрезентации путешествующих цариц и детей расставлялись политические акценты, отстаивалось превосходство правящей власти над удельными и отстраненными от власти ветвями царствующего рода. Участие детей в политической жизни становится предметом особенной заботы в связи с принятой миниатюристами программой изображения детства и взросления Ивана Грозного, а также обозначения прав его детей на власть в годы, предшествующие опричнине и во время опричного переворота.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 21–18–00181 «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI — начала XVII в.».

Для цитирования: Ерусалимский К. Ю. Путешествия цариц, царевичей и царевен в России XV-XVI вв.: (по миниатюрам Лицевого летописного свода) // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 44–109. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-44-109

K.Yu. Erusalimskii

European University at St. Petersburg
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
ORCID ID 0000-0002-3961-2376
Scopus ID 57193688461
kerusalimski@mail.ru

TRAVELLING TSARINA, TSAREVICH AND TSAREVNA IN MUSCOVITE STATE, 15TH–16TH C.: (MINIATURES OF THE GREAT ILLUSTRATED CHRONICLE)

Keywords: Muscovite state, itineraria of authorities, Great Illustrated chronicle, representations of power.

Abstract: The article is based on a study of the miniatures of the Great Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. The analysis of the miniatures reveals how royal women and children were visualized in the images of the travels of the princely courts across Russia in the 15th–17th centuries. Out of the six ways of transportation – in a litter, on horseback, in carriages, sleighs, on boats, and on foot – riding was seen as unacceptable for the women of the dynasty although “foreign” (impious, non-Christiane or apostate) royal women could travel by horse, according to the miniatures, and in a number of cases were visually separated from Russian Tsarinas by representations on horseback. It is shown in the article that visual representations of travelling Tsarinas and royal children helped make political points, emphasized the superiority of the ruling house over the appanage princes and lesser branches of the reigning dynasty. The participation of royal children in politics was a matter of particular concern in connection to the programme of the images of the childhood and growing-up of Ivan the Terrible, which was accepted by the miniaturists, as well as the visual reflections of the claims of the royal children’s claim to power in the years before the oprichnina and during the oprichnina coup.

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant of the Russian Science Foundation, No. 21-18-00181 “Itineraries of Power. The movements of the rulers of Russia and Western Europe in the political culture of the XVIth – early XVIIth century”.

To cite this article: Erusalimskii, Konstantin. “Travelling Tsarina, Tsarevich and Tsarevna in Muscovite state, 15th–16th c.: (Miniatures of the Great Illustrated chronicle)”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 44–109. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-44-109

Летописные памятники в подробностях повествуют о поездках российских цариц, царевен и царевичей, однако эти рассказы подчиняются конвенциям, которые давно обратили на себя внимание исследователей, и нам предстоит уточнить и развить наблюдения за женскими и детскими образами в летописании с 1460-х гг. и вплоть до его угасания в традиционном качестве в конце 1560-х гг.¹ Помогут нам в этом миниатюры Лицевого летописного свода — церемониального хронографа, датировка которого вызывает дискуссии, а гипотезы относят его как целое или в отдельных его фрагментах к различным периодам между 1550-ми и 1590-ми гг., но основной комплекс его сообщений охватывает мировую и российскую историю от Сотворения Мира и до конца 1560-х гг.²

В задачи хронистов, составивших единое целое из нарративных источников Лицевого свода, входило изображение всей мировой истории с акцентом на сменяющихся царствах вплоть до Русского царства и прославлении христианских святых (ныне — это 10 томов, 2 «дополнительных» тома с

- 1 Относительно мало внимания уделялось женским образам в летописании, несколько больше — памятникам церковной «покаянной дисциплины», источникам юридического и, прежде всего, судебно-процессуального происхождения, так называемым запискам иностранцев, а также выражениям народного «быта» (литературным повестям, пословицам, поговоркам). См. обзор: **Пушкарева, Белова, Мицюк**. 2021: 19–56, 418–425 (автор раздела — Н.А. Пушкарева).
- 2 Основные расхождения очевидны между концепциями Н.П. Лихачева, Т.Н. Протасьевой, С.О. Шмидта, А.А. Амосова и В.В. Морозова (склоняющихся к датировке памятника концом 1570-х — 1580-ми гг.), Б.М. Клосса и Е.В. Ухановой (придерживающихся датировки: 1568–1576 гг.) и различными более ранними датировками, отстаиваемыми Д.Н. Альшицем, А.А. Зиминым, Р.Г. Скрынниковым, Н.Е. Андреевым, С.М. Каштановым (обычно — в диапазоне с 1540-х гг. до середины 1570-х гг.). См.: **Альшиц**. 1947: 251–289; **Протасьева**. 1974: 271–285; **Шмидт**. 1975: 305–310; **Амосов**. 1988: 31–144; **Морозов**. 2005: 41–86; **Каштанов**. 2014: 57–79; **Уханова**. 2011: 382–402; **Клосс**. 2018: 213–273; *Die Illustrierte Chronikhandschrift*. 2021.

похожими миниатюрами и ряд близких к Своду литературных памятников). Завершение работ над основным объемом сказаний по истории современности в Лицевом своде не могло состояться ранее августа 1567 г. (поток сообщений обрывается на этой дате), а в целом — ранее погребения князя Василия Владимировича Старицкого в Кремлевском Архангельском соборе около 1574 г. (упомянутого на л. 679-681 Шумиловского тома Лицевого свода и изображенного миниатюристами без явных «швов» внутри памятника)³. Работы над историей современности так и не были завершены, о чем говорят как дублирующиеся забракованные и обновленные миниатюры в последних двух «летописных» томах свода — в Царственной книге и Синодальном томе (за 1536–1542 гг.) и доведенное до 1585 г. продолжение Александро-Невской и Лебедевской летописей, сохранивших тексты Лицевого свода (в том числе ныне утраченные)⁴.

Изображения в Лицевом своде условны, выработаны в большой артели мастеров и представляют мир на особом изобразительном языке, в котором реалии переданы при помощи условных обозначений, на основе предшествующих миниатюр и визуальных источников, в том числе европейского происхождения, и лишь изредка — на основе реалистичных репрезентаций. В первоначальном виде объем Свода охватывал более 16 тыс. сюжетов. Конвенции изображения царственных поездок на миниатюрах Лицевого свода позволяют представить функции монарха и его семьи во время путешествий⁵. Мы

3 Сизов. 1974: 126–140; Морозов. 2005: 237, 239.

4 Морозов. 2005: 37–40.

5 Ссылки приводятся по научному изданию Лицевого свода: **МС**. Т. 15–23. В скобках указываем номера листов по названию томов: Г — Голицынский (ОР РНБ. ОСПК. F.IV.225), С — Синодальный (ОР ГИМ. Син. № 962), Ш —

остановимся на художественной программе миниатюристов в прямой связи с задачей репрезентировать при помощи формализованных иконических образов позаимствованные из различных нарративных источников события летописи. Особенности композиционного построения миниатюр, цветовых решений и техники изображений для нас носят подчиненный характер. Основное внимание будет уделено гендерным аспектам истории в восприятии миниатюристов, а в частности — образам путешествующих женщин и детей, семейной жизни, отношениям между полами, социальным конвенциям мужского и женского. Этой стороне жизни московского общества XV–XVII в. уделено уже немало внимания, однако визуальные источники изучены в этой связи еще недостаточно.

Круг проблем, с которыми сталкивается исследователь, когда обращается к гендерным вопросам, помимо объема информации в подобных нарративных и визуальных источниках, неизменно крайне слабо освещающих жизнь «женской половины» двора, достаточно широк, и при ответе на эти вопросы возникает перспектива социокультурной интерпретации, во многом коррелирующая с нарративными моделями, которые визуализировались на миниатюрах.

- Какими видами транспорта пользовались?
- Как различались в путешествии женские и мужские роли?
- Как различались «свои» и «чужие» женщины?
- Допустимо ли изображение детей в поездке?
- Менялись ли предписания в изображении женщин и детей?

При анализе мы будем придерживаться того аналитического языка, который разработан в исследованиях

Шумиловский (ОР РНБ. ОСПК. F.IV.232), Ц — Царственная книга (ОР ГИМ. Син. № 149).

А.В. Арциховского, О.И. Подобедовой, С.О. Шмидта, А.А. Амосова и В.В. Морозова. Миниатюра — целостный исторический источник, требующий комплексного подхода для изучения семантики транслируемых ею образов. Значение в изобразительной программе миниатюриста задействует все изобразительные средства, включая композицию, движение сюжета в рамках каждой миниатюры, цвет, графические компоненты и референции как к нарративным источникам, так и к предшествующим визуальным традициям, а также событийное наполнение образов и статистику использования тех или иных изобразительных элементов (учитывая огромный масштаб работ над Сводом)⁶.

А.А. Амосов на основе анализа более чем 1 тыс. миниатюр показал, как при помощи концентрации цвета (синий — красный — зеленый и выпадающий из иерархий желтый) художники создавали особую иерархическую систему, в рамках которой мыслились эпохи развития мира и становления царств⁷. О.И. Подобедова и В.В. Морозова говорят о специфическом языке миниатюр, который подчиняется своим визуальным логикам в референции к изображаемому миру. Как отмечает В.В. Морозов, в настоящее время рано говорить о комплексе средств каждого отдельного художника в артели Лицевого свода, однако в интерпретации художественного мира миниатюр еще предстоит выявить не только общее, характерное для всех мастеров, но и стиль каждого из них по отдельности: «Тогда у нас появится возможность дать характеристику конкретного мастера, а также выявить именно ему присущую трактовку текста и круг его знаний, книжных и

6 Общие оценки миниатюр Лицевого свода в контексте развития мирового и русского искусства см.: Арциховский. 2004; Подобедова. 1965; Kämpfer. 1978; Преображенский. 2010.

7 Амосов. 1998: 286–287.

практических, выполнение им требований этикетности искусства и отражение известных ему реальностей окружающей действительности»⁸.

В нашей работе акцент будет сделан на общей программе миниатюристов и ее особенностях в репрезентации гендерного мира XV–XVI вв., как его видели придворные художники в эпоху Ивана Грозного в непосредственной близости от высших властей Российского царства.

НА ЧЕМ ЕЗДИЛИ В XVI В. ЦАРСТВЕННЫЕ МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ?

В переездах монархов XVI в. по Российскому государству и за его пределы происходили заметные перемены по сравнению с предшествующим столетием. Миниатюры Лицевого свода отражают конные церемонии во главе с великим князем и царем, перенос его, в худшем для него случае, на носилках, поездки на четырехколесных колясках-колымагах в конных упряжках⁹. Причем Иван III, Василий III или Иван Грозный иногда едут на коне отдельно от супруги и детей, но в ряде случаев изображены непосредственно рядом с членами семьи в коляске, в коляске рядом со слугами, в отдельной коляске или санях (тогда как жена и дети едут в другой)¹⁰.

8 Морозов. 2005: 185.

9 Носилки («носили») использовались в случае тяжелой болезни, однако это считалось для великих и удельных князей крайне нежелательным средством передвижения. Об этом прямо писал в апреле — начале мая 1537 г. кн. Андрей Старицкий, оправдывая свой отказ явиться к Елене Глинской болезнью: «И по нас посылаеш неотложно, — пишет дядя великого князя племяннику, — а преже сего, господарь, того не бывало, что нас к вам, господарем, на носилах волочили» (РГАДА. Ф. 375. Оп. 1. № 1. Л. 6а, 9).

10 А.В. Арциховский отмечает, что мужчины на миниатюрах «сидят обычно верхом на упряжных лошадях», а в повозках «перевозят женщин, детей и грузы» (Арциховский. 2004: 138–139). В целом, это верный взгляд на изобразительную программу миниатюристов, однако на практике в источнике немало исключений из этих правил. См. ряд миниатюр о болезни Василия III в Царственной книге (Ц, л. 17 об., 19–19 об., 23 об.–24, 27 об.–28, 32).

Подобным же образом и удельные князья сопровождают свои семьи на конях, когда те находятся в санях или в повозках¹¹.

Упряжки с телегами или санями указывают на датировку событий осенне-зимними или весенне-летними месяцами¹². На миниатюрах Лицевого свода свита окружает коляски и сани. Нередко за собой великий князь и царь возил не только семью, отряды воинов, духовенство, но и нянь и кормилиц, музыкантов и шутов¹³.

С поздней весны по осень (вплоть до зимы и в распутицу) поездки осуществлялись на конях, в запряженных телегах («на подводах»), в колясках («в колымагах»). На подводах путешествовал великий князь по городам, монастырям и селам в 1545 и 1546 гг. Когда в августе 1583 г. «встречю» английскому послу Джереми Боусу в Ярославль направился «князь Григорей Бельской», он получил колымагу, «а в колымагу дано с господаревы конюшни десять меринов», с князем поехали пять человек детей боярских, «а с колымагою и с санники три человек конюхов»¹⁴. Колымага была особым пожалованием московского царя английскому послу, о чем ему было объявлено торжественно перед тем, как его препроводили в Москву¹⁵.

---

11 См., например, сцены посещения князем Борисом Васильевичем Волоцким его брата князя Андрея Васильевича Углицкого в Угличе: **ЛС.** (16): 417–420 (Ш, л. 319–320 об.).

12 Впрочем, тяжелобольную царицу Анастасию Романовну в сообщении о московских пожарах в июле 1560 г. миниатюрист изображает лежащей на санях. См.: **ЛС.** (23): 240 (С, л. 485 об.).

13 В годы Ливонской войны и Московских походов Стефана Батория по Европе кружили слухи, что царь держит при себе и множество «жен и девиц», служащих для удовлетворения его похоти. Возможно, в этих слухах отразилось представление о военных обозах московских войск, особенно в кампаниях, возглавляемых лично Иваном IV.

14 **СИРИО.** (38): 76–77.

15 **СИРИО.** (38): 77.

Снежной зимой царь разъезжал на санях, в том числе между городами. Образ такого путешествия (укутавшись в шубу полулежа в санях, в окружении лыжников) хорошо передан на гравюрах А. Хиршфогеля, созданных в 1544–1547 гг. для «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна (1-е изд. — 1549 г.)¹⁶. Яркое свидетельство встречи царя из саней оставил П. Юстен¹⁷. Венчание Ивана Грозного с Анной Васильчиковой состоялось зимой 7083 (1574/75) г. К Покровской церкви на венчание царь ехал на своем коне, а его невеста («царевна и великая княжна») и кто-то из свах — на отдельных санях:

А как приѣхал царь и великий князь и его царица к церквѣ, и того берегли накрепко, чтоб меж господарева коня и царицыных санѣй не проходил ништо, а с царевною и великою княжною ѣхали к церквѣ свахи болшие, а сидѣли в тѣх же санѣх, а другие свахи сидѣли в опишонных санѣх... Да как царь и великий княз, приѣхав от церкви, сшел с коня, а царица и великая княгиня Анна вышла ис санѣй и цар и великий князь взял царицу и великую княгиню за руку, да пошел с нею вмѣсте, а в тѣ поры того берегли накрѣпко, чтоб мѣж господаря и господарыни и промѣж всякого чину не проходил ништо, да отпустил господарь царицу в свои хоромы, а сам господарь пошел к завтраку в столовую избу¹⁸.

Переход между сезонами от коляски к саням прослеживается в иллюстрациях Лицевого свода к Повести о болезни и смерти Василия III. Здесь осенние сцены вплоть до поездки великокняжеской семьи в Иосифо-Волоколамский монастырь изображены с колесными телегами¹⁹, тогда как

16 **Герберштейн.** 2008. (2): 185. Репродукция в цвете из Венского издания 1557 г. см. на вкладке между с. 144 и 145 (здесь Илл. 5).

17 **Юстен.** 2000: 142–143.

18 **РГАДА.** Ф. 156. Оп. 1. № 5. Л. 7–7 об., 9–9 об.

19 Последняя в этом ряду колесная телега иллюстрирует события начала ноября 1533 г. См.: **ПСРЛ.** (13:2): 411 (далее не указываем номер части данного издания); **ПСРЛ.** (29): 9, 118, 120; **ПСРЛ.** (43): 226–227; **ПСРЛ.** (34): 19, 166; **Жуков.** 2012: 426–427; **МС.** (19): 260–271 (Ц, л. 17 об.–23).

возвращение Василия III с семьей и свитой в Москву в конце ноября 1533 г. — уже с санями²⁰.

Еще один иностранный современник, опричный воин Г. Штаден рассказал в своих записках о том, как царь перестроил коммуникации в стране с ямского принципа на посошный:

Обычно, когда великий князь выезжал верхом по стране или на войну, тогда его подклетные села должны были обеспечивать всякий провиант. Теперь всем должны обеспечивать его сохи²¹.

Речь идет о переводе в 1540-е — 1560-е гг. с подводной повинности населения на особую службу «ямских охотников». Это была не одномоментная перемена. По словам И.Я. Гурлянда, «раньше, чем где-нибудь, она должна была произойти по ямской дороге между Москвой и Новгородом»²².

По водным просторам приходилось путешествовать на кораблях и лодках, которые обустривались со всем тщанием. Продолжатель Русского Хронографа отмечает, что весной 1547 г. царь планировал поход на Казань «в судех», но из-за засухи Москва-река обмелела: «А суды великого князя на Москве-реке обсушило, а на судех были деланы избы с комнатами»²³. Уже в июне того же года во время пожара эти «суды погорели»²⁴. На обратном пути из покоренной Казани 11–12 октября 1552 г. царь плыл по Волге до Свяжска «в судех» и «в ушулах», а затем «в лодях» к Василь-граду и Нижнему Новгороду²⁵. Во время долгого паломничества 1553 г., от

---

20 ПСРЛ. (8): 285; ПСРЛ. (20): 419; ПСРЛ. (13): 75, 411–413; ПСРЛ. (29): 9, 120; ПСРЛ. (43): 227; ПСРЛ. (34): 19–20, 166; Шмидт. 1951: 285; Жуков. 2012: 427; ЛС. (19): 277–290 (Ц, л. 26–32 об.).

21 Штаден. 2008. (1): 154–155.

22 Гурлянд. 1900: 85 и сл.

23 Шмидт. 1951: 291–292.

24 Шмидт. 1951: 292.

25 Морозов. 2005: 220. Рис. 48.

которого, согласно «Истории» кн. А.М. Курбского, Ивана IV отговаривали советники и Максим Грек, на р. Шексне погиб первенец царя Дмитрий. По р. Яхроме и Шексне царь также плыл на «судах», заранее приготовленных «ко плаванию»²⁶. Когда на Русь в мае 1571 г. пришло войско Девлет-Гирея, царь на Вологде предпринял строительство судов, на которых собирався, по некоторым поздним свидетельствам, плыть из России «в Поморские страны»:

...и того ради строены лодыи и другия суды многия к путному шествию; и тогда были вологжанам великия налоги от строения града и судов²⁷.

Это сообщение подтверждается английским посланником Дж. Горсеем, который видел у Вологды около двадцати хорошо оснащенных судов и барок необыкновенных размеров и удивительной красоты (с изображениями львов, драконов, орлов, слонов, единорогов, украшенных золотом, серебром и яркой живописью), «чтобы в случае необходимости отправить свою казну в Соловецкий монастырь на Северном море — прямом пути в Англию»²⁸.

Современные источники называли долгие отсутствия царя в столице «объездами», которые совершались по «господареву делу» или «для прохлады» («на свои прохлады»). И оба эти определения характеризовали не только различные цели поездок, но и несходные модели властвования. «Свое дело» царя предполагало взгляд на властвующую персону со стороны служащих (холопов и сирот). В этом понятии — недостижимость правящей воли монарха, и «дело земское» в таких случаях даже не упоминается. Выезд царя за пределы Москвы

---

26 Курбский. 2015: 68–69.

27 ПСРА. (37): 197.

28 Горсей. 1990: 59, 72–74, 169.

представляет чрезвычайное событие, которое не подлежит оценке со стороны управляемых им и наделяет царское «дело» предельной властью, сопоставимой с нуждами всей страны (т.е. с прижившимся в делопроизводственной риторике «земским делом»).

Помимо репрезентаций «деловых» путешествий, миниатюристы Лицевого свода располагали различными символическими средствами для изображения досуга властвующих особ и применяли их в библейской, античной и раннехристианской истории. Однако в русской исторической памяти XVI в. подобных ресурсов было явно недостаточно, и как будет показано ниже в этой работе, не только обособленные поездки великих князей и Ивана IV, но и их богомолья художникам приходилось обходить стороной.

Царские «прохлады» вызвали ряд резких литературных филиппик еще при жизни Ивана IV, и это было свидетельством того, что в таких поездках современники видели угрозу стабильности страны, тем самым намечая и готовность к сопротивлению царской воле. Против излишеств скоморошества и царской охоты выступают составители «Стоглава», «Летописца начала царства», «Степенной книги», Третьей Псковской летописи. Резкие характеристики царским играм в детстве и юности давали кн. А.М. Курбский в своей «Истории о делах великого князя московского»²⁹ и Дж. Горсей в рассказе о затравленных медведями в Александровской (Великой) слободе семи монахах Троице-Сергиева монастыря³⁰. Царь оправдывался в Первом послании Курбскому, обещая замолить свои «игры» перед Богом, тогда как призывы

29 Курбский. 2015: 518. Примеч. 8–7 (авторы — А.С. Усачев, К.Ю. Ерусалимский).

30 Горсей. 1990: 66–68.

кн. А.М. Курбского и его сторонников, наставляющих царя, по словам Ивана IV, на телесную «чистоту», на отказ от телесных празднеств, ведут к «Навацкой ереси». Взгляд царя на поездки формировался под влиянием этих взаимных упреков³¹. Оно сказывалось на его отношении к своей власти и на стремлении реже бывать в Москве, наметившемся к концу 1550-х гг., окрепшем в годы опричнины и выросшем в новый образ жизни после разорения Москвы 24 мая 1571 г. крымским войском.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ РОЛЕЙ В МИНИАТЮРАХ ЛЛС

Особенность «женских» изображений в ЛЛС в том, что женщине в рамках этой художественной программы не пристало заниматься чем-то помимо рождения, поездок для венчания или после венчания, богомолий, сопровождения княгини или царицы, встречи икон, встреч и прощаний с супругом, родов, пострижений, заботы об умирающем муже-правителе, болезней и преставления на смертном одре. Нередки изображения пассивности и слабости. На миниатюрах встречаются сцены пленения и избиения женщин саблями в осадах, а также их понуждение к смене веры. Это не противоречит христианскому идеалу «сестры-жены» мужчины в его служении Богу при патриархальном господстве в семье мужа, которому следовало бессловесно повиноваться («не муж создан для жены, но жена для мужа» (1 Кор. 11:8-9))³².

Редкая иная активность женщин, а особенно политическая, видится миниатюристам ненормальным и аномальным проявлением. Скажем, пир Ивана III 28 декабря 1475 г. в Великом Новгороде «на Городище у Настасии, Ивановы Григориевы, да у сына ее Юрья» необычен, но миниатюрист изображает

31 Ерусалимский. 2022: 409-432.

32 Белякова, Белякова, Емченко. 2011: 29-33.

Настасью все же в верхней правой части композиции, не у стола, а как бы в отдельном окошке в отдалении от пирующих, хотя она хозяйка пира (Илл. 1)³³. В этом можно видеть не аргумент *ex silentio*, а вполне осмысленный при помощи художественного инструментария путь к модерной патриархальности.

По аналогии с новгородской боярыней Настасьей изображена, правда слева в окошке и в царском венце, Софья Палеолог в сцене приема римского посольства в Москве. На другой миниатюре князь Федор Иванович Бельский, перейдя на сторону Ивана III в 1481 г., покинул в Великом княжестве Литовском свою жену, княжну Ганну Семеновну Кобринскую (позднее он женился на великой княгине Анне Васильевне Рязанской). На миниатюре ЛЛС княгиня Ганна Бельская показана в окошке в глухом покрове (как бы оправдывая последующий новый брак мужа своим монашеским облачением), ее левая рука поднята к лицу в знак скорби по оставившему ее мужу³⁴. Миниатюра с изображением жены бежавшего, наоборот, из Российского царства к польскому королю кн. Андрея Михайловича Курбского — в том же ключе представляет женщину: в верхней части изображения она бездействует в одиночестве, в нераскрашенном убрусе³⁵.

Эти изображения не выбиваются из общей художественной программы миниатюриста, а наоборот, ее полнее раскрывают. Женщинам и детям ничего не остается, только плакать, если они покинуты мужьями или попадают в опалу к правителю и своему господину. Софья Палеолог и ее сын Василий в декабре 1497 г. попадают в опалу, и на миниатюре они оба, сидя в теремной палате, держат руку у лица — т.е. утирают

33 МС. (16): 76 (Ш, л. 148 об.). См.: ПСРЛ. (12): 156.

34 МС. (16): 513 (Ш, л. 367).

35 МС. (23): 350 (С, л. 540 об.).

слезы на лице, наблюдая как рубят головы их сторонникам³⁶. Позднее утирают слезы в похожем антураже великая княгиня Елена Стефановна Волошанка (она в царском венце) и ее сын, внук Ивана III, венчанный великий князь Дмитрий Иванович (он в княжеской шапке), когда Иван III опалается на них³⁷.

В рамках этой же изобразительной программы миниатюрист представляет дочь Ивана III великую княгиню литовскую Елену Ивановну плачущей, когда ее супруг великий князь литовский Александр Казимирович пытается обратить ее в католицизм. Он рядом с ней на изображении и простирает к ней руку («учал нудити... от греческаго закона к римскому закону»), но поза Елены показывает, что ситуация не диалогическая: она унижена своим мужем и прикладывает руку к лицу (Илл. 2)³⁸.

Как и наставляет «Кормчая книга» (и в этом православие и католичество были едины), летописная женщина не участвует в крещении своего младенца, поскольку семья стремится как можно скорее крестить новорожденного, а роженице полагается 40 дней после родов восстанавливать свою чистоту. Согласно летописям, 1-4 сентября 1530 г. состоялась поездка Василия III в Троице-Сергиев монастырь на крещение новорожденного мальчика. В памяти об этих событиях по-разному перечислялись участники и восприемники, однако источники едины в том, что Елена Глинская в поездке не участвовала. Василий III был один, в окружении избранных придворных и духовных лиц, и после обряда, «мало покоснѣв, устремися в путь свой и прииде на Москву». Согласно житию Корнилия Комельского, после рождения сына Василий III сначала отправился на молитву без

36 МС. (17): 358 (Ш, л. 552 об.).

37 МС. (17): 489–490 (Ш, л. 619–619 об.).

38 МС. (17): 419 (Ш, л. 583). См. также: Корзинин. 2023: 322–324.

жены и сына и послал в Москву пришедшего к нему в монастырь блаженного Корнилия «да шед благословит и великую княгиню, и Богом дарованнаго има сына» (вскоре после чего Василий III и сам вернулся «в пресловущий град Москву»). По житию Кассиана Босого, за святым был направлен в Иосифо-Волоколамский монастырь Тихон Зворыкин. Кассиан приехал сначала в Москву, а затем вместе с княжичем Иваном и Василием III отправился в Троице-Сергиев монастырь к иг. Иоасафу (Иасафу), где великий князь Иван Васильевич и был крещен³⁹. Миниатюры ЛЛС также не показывают Елену Глинскую в коляске, направляющейся с новорожденным Иваном Васильевичем в Троице-Сергиев монастырь. По крайней мере, не показывают ее в обычном венце. Княжич — на коленях у обычной женщины в убрусе. Рядом с ним едет в коляске мужчина в княжеском плаще, хотя и в обычной шапке. Как представляется, это и есть великий князь, в противном случае в коляске по принятой в ЛЛС схеме изобразили бы только женщин. Впрочем, если придерживаться этой логики, то было бы логично предположить и то, что оба родителя смиренно сняли с себя царственные облачения — Елена Глинская без венца, Василий III без шапки Мономаха. И в таком случае перед нам уникальное изображение, во-первых, представляющее в путешествии великого князя, великую княгиню и новорожденного княжича в одной коляске, а во-вторых, убеждающее читателя в том, что Елена Глинская лично участвовала в обряде крещения своего сына⁴⁰. Впрочем, такое прочтение визуального ряда крайне маловероятно, далее в тексте прям говорится о возвращении в Москву:

39 ПСРЛ. (8): 273–274; ПСРЛ. (13): 48, 49–52; ПСРЛ. (20): 407; ПСРЛ. (34): 16; ПСРЛ. (26): 314; ПСРЛ. (45): 117; ПСРЛ. (31): 128; ПЛ. (1): 105; Шмидт. 1951: 284; ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1444. Л. 746–746 об.; БЛДР. (13): 326–327 (Житие Корнилия), 422–423, 424–425 (Житие Кассиана).

40 ЛС. (19): 31 (Ш, л. 889).

И в той час вельнием самодръжца поидоша со благородным отро-
чатем во царствующий град Москву к любимей матери, не терпи
бо любочядная мати надолзе быти лишена своего чада⁴¹.

Роженица в крещении участия не принимала. Это озна-
чало бы, что в коляске с новорожденным ехал один великий
князь, а княжича держали на руках няни. Однако возможно и
другое понимание первой миниатюры крещения: великий
князь в шапке, больше напоминающей шапку Мономаха, ска-
чет в Троицу во втором ряду сверху. В таком случае в коляске
советник и няня держат на руках царственного младенца. К
такому предположению подталкивает приведенная ниже ми-
ниатюра, на которой вся семья направляется в Троицу и изоб-
ражены все члены семьи. В коляске Елена Глинская в венце,
на руках у няни младенец в венце, а сверху во втором или тре-
тьем ряду во главе свиты мужчина, которого можно иденти-
фицировать как самого великого князя (Илл. 3)⁴². Начиная с
сентября 1533 г. поездки в Троицу старательно иллюстриру-
ются в ЛЛС, хотя они и остались нераскрашенными, по-
скольку проект ЛЛС был забракован и заброшен. Наброски
подчиняются общей программе, о которой говорил еще А.В.
Арциховский: великая княгиня или царица в венце сидит в
коляске, у нее и ее нянь на руках княжичи Иван и Юрий. Выше
них на коне впереди свиты скачет великий князь⁴³.

Большая поездка царицы Анастасии Романовны вместе с
мужем и новорожденным сыном в апреле — июне 1553 г. за-
кончилась трагедией, что и было изображено на миниатюрах
ЛЛС. В отличие, например, от пешего паломничества Софьи
Палеолог в Троице-Сергиев монастырь ради зачатия

---

41 МС. (19): 39 (Ш, л. 893).

42 МС. (19): 62 (Ш, л. 904 об.).

43 МС. (19): 227–229 (Ц, л. 1–2).

будущего Василия III, царица едет в Кирилло-Белозерский монастырь и по Шексне без ясной цели, а как бы просто вместе с царем «для прохлады», и поездка явно отличается от богомолья Василия III и Елены Глинской осенью 1531 г., когда Ивану Васильевичу было чуть больше, чем в мае — июне 1553 г. было Дмитрию Ивановичу. Вероятнее, что поездку на Шексну следует рассматривать в контексте политической борьбы вокруг умирающего в марте 1553 г. Ивана Грозного. Это было бегство на продолжительное время от «бояр», и многие в окружении царя считали решение отправиться в столь далекий путь с женой, сыном и избранными советниками неблагоразумным. В Троице-Сергиевом монастыре об этом прямо сказал царю Максим Грек, если верить князю Андрею Курбскому. По мнению Курбского, на месте Ивана IV правильно было бы вернуться в Москву и налаживать жизнь вдов и сирот только что закончившегося Казанского похода. По всей видимости (учитывая позднейшие декларации Ивана Грозного, этот вывод также напрашивается), царь возложил вину за гибель сына Дмитрия на Шексне не на двор жены, хотя вина была именно на няньке, уронившей младенца в холодную воду. Но и не на себя — а на советников, которые побудили его бежать на время из столицы.

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» ЖЕНЩИНЫ

Вызов общепринятой морали — это мужеподобное поведение женщин. Обычно в этом видели дурное влияние чуждых религий. Казанский хан Мухаммед-Амин выезжает из своей столицы вместе с царицей, своей матерью Нур-Султан, и она изображена на миниатюре ЛЛС скачущей на коне рядом

с сыном (Илл. 4)⁴⁴. Позднее она вновь приедет в Москву вместе с сыном крымского хана Менгли-Гирея, они оба, царица и Сахиб-Гирей-Салтан, изображены в царских венцах, на конях⁴⁵. И вновь она на коне на первом плане еще чуть позже при въезде и выезде из Москвы⁴⁶. Сходным образом изображена одна из супруг Шах-Али⁴⁷, а уже в конце правления Василия III — казанская царица, выезжающая из Казани к ногаям⁴⁸. Русские женщины себе такого не позволяют (и исключение, как мы увидим, лишь в пользу этого правила)⁴⁹. Вскоре после миниатюры с наездницей Нур-Султан в ЛЛС появляется изображение Соломонии Сабуровой, которая по тексту едет за своим супругом Василием III в Переславль, но в композиции на картине ей отведено место только у левого края изображения рядом с советником, обращающимся к ней без головного убора. Ее поездка при этом никак не отражена⁵⁰. И видимо, изображать приезд татарской царицы к великой княгине в таких формах было бы неприлично, поэтому сцена приезда Фатьма-Салтан к Елене Глинской не содержит конных женских образов — Фатьма-Салтан сидит в привычных для русских женщин зимних санях⁵¹. Две царственные женщины затем еще на двух миниатюрах торжественно встречаются в Кремле, и лишь на третьей — появляется великий князь, тоже

44 **МС.** (17): 316 (Ш, л. 531 об.). На миниатюре конь у царицы заметен справа — его уши и самый низ морды. На следующей миниатюре конь незаметен, но вероятно, что въезжает крымско-казанская царица в Москву также на коне (**МС.** Т. 17: 317 (Ш, л. 532)).

45 **МС.** (18): 174–175 (Ш, л. 709 об.–710).

46 **МС.** (18): 187, 190 (Ш, л. 716, 717 об.).

47 **МС.** (18): 419 (Ш, л. 831).

48 **МС.** (19): 71 (Ш, л. 909).

49 Ср.: **Шапиро.** 2021: 25–174.

50 **МС.** (18): 177 (Ш, л. 711).

51 **МС.** (19): 479 (Ц, л. 127).

в царском венце, почтив царицу приветствием по-татарски: «Табугсалам» (т.е. *таусалам*, обозначавшее уважительное приветствие с поклоном)⁵². Следующая торжественная встреча царя с татарскими царицами произойдет совсем в иных обстоятельствах. В Москву привезут астраханских цариц, и они будут встречены в Москве не как пленницы, а как свободные («почтити не плѣнниц, якоже бы свободных»). В контексте изображения возникает даже необычная, но допустимая для замысла иллюстраторов ЛЛС интерпретация: татарским царицам, которых было принято изображать на коне, оказана честь благодаря тому, что они изображены, едва ли не впервые за историю русско-татарских отношений, в коляске⁵³.

Единственный случай, когда мы видим русскую женщину верхом на коне — это миниатюра с изображением подавления новгородской крамолы. Согласно официальной московской летописи, 7 февраля 1478 г. по велению великого князя в Великом Новгороде была поймана «Марфа Исакова со внуком» (Борецкая, жена Исаака Андреевича Борецкого, и ее внук Василий Федорович Исаков). На миниатюре она в зеленом убрусе верхом возглавляет всадников, скачущих из Новгорода в Москву⁵⁴. «Изменница» одним этим изображением подвержена отчуждению, включена в круг неместных женщин, что, вероятно, соотносено с обвинениями в адрес повстанцев, что они пытались возвести на новгородский престол короля Казимира IV.

На миниатюрах Лицевого свода свита окружает коляски, сани, сопровождает великих князей и княгинь в лодках. В

52 **ЛС.** (19): 481–486 (Ц, л. 128–130 об.). См.: **Зайцев.** 2011: 180–187, здесь на с. 182.

53 **ЛС.** (22): 153 (С, л. 170).

54 **ЛС.** (16): 323 (Ш, л. 272). См. также: **ПСРА.** Т. 12: 188.

кораблях, изображенных на миниатюрах как небольшая флотилия, отправилось из Руси на Фряжскую землю посольство Ивана Фрязина за Софьей Палеолог⁵⁵. Сразу за сообщениями о путешествии Ивана в Италию летописец обращается к Казанскому походу, и миниатюристы «нарезали» сообщение о речной рати на краткие фрагменты, чтобы представить перед читателем настоящий «список кораблей» из различных регионов Русского государства, соединяющегося в единое войско для похода на Казанское царство⁵⁶. Особого вида корабли с дощатыми бортами и под парусом изображены на миниатюрах, представляющих походы Шах-Али по приказу Василия III на Казань⁵⁷.

Приезд Софьи Палеолог в Россию передан достоверно как перемещение по ландшафту на четырехколесной коляске, а затем от Любека (Любческ) на корабликах и от Таллинна (Колывани) с 1 октября — вновь на коляске, 8 октября в Пскове — спешившись и затем у Москвы вновь в коляске, и даже еще под 12 ноября Софья въезжает на коляске в Москву⁵⁸. Софья Палеолог — чемпион среди женщин в ЛЛС по количеству изображений, освещающих ее путешествие:

- 5 изображений посольства за нею (на трех из них ее образ)⁵⁹;
- 7 миниатюр с ее колесницей на пути из Рима в Москву⁶⁰;
- 2 миниатюры с изображением ее морского путешествия⁶¹;

---

55 **МС.** (15): 101 (Г, л. 928).

56 **МС.** (15): 102–150 (Г, л. 928 об.–952 об.).

57 **МС.** (18): 466 (Ш, л. 854 об.), 470 (Ш, л. 856 об.), 473 (Ш, л. 858), 476 (Ш, л. 859 об.).

58 Фактический ход событий пересмотрен в кн.: **Матасова.** 2017: 107–110.

59 **МС.** (15): 97–101 (Г, л. 926–928).

60 **МС.** (15): 360–361, 363, 402, 410, 412, 417 (Ш, л. 48 об.–49, 50, 69 об., 73 об., 74 об., 77).

61 **МС.** (15): 403 (Ш, л. 70), 409 (Ш, л. 73).

1 миниатюра с идущей пешком во Псков Софьей⁶²;

1 миниатюра, на которой Софья изображена в шатре у Москвы⁶³.

К этому списку можно было бы добавить 10 миниатюр с выездом (точнее — пешим выходом) Софьи Фоминичны на молебен и крещением новорожденного в Сказании о зачатию Василия III (в основе данной повести — сведения Никоновской летописи и Степенной книги)⁶⁴. В целом, по подсчетам Т.А. Матасовой, Софья изображена в Своде на 61 или 62 миниатюрах, тогда как следующая за ней по числу упоминаний Мария Ярославна — на 54 (в Степенной книге об обеих царицах сообщают по 12 известий, а в Никоновской летописи, соответственно, 26 и 25)⁶⁵.

Миниатюрист придерживается упрощений и при изображении других женских поездок:

великая княгиня Анна Васильевна — в Москву на коляске (летопись датирует ее поездку августом, поэтому изображение точно передает время года), затем в Рязань на санях («по Крещении», на другой миниатюре с санями чета рязанских великих князей отправилась в путь в день Трех Святителей, т.е. 30 января, в зимнее время)⁶⁶;

великая княгиня Мария Ярославна (в царском венце) — в Ростов на коляске (ниже она больная в Ростове — в позе полужелеза, которая указывает в ЛЛС на нездоровье)⁶⁷;

---

62 МС. (15): 411 (Ш, л. 74).

63 МС. (15): 416 (Ш, л. 76 об.).

64 МС. (16): 347–356 (Ш, л. 284–288 об.). См.: Сиренов. 2010: 148–149; Матасова. 2023: 265; Матасова. 2023а: 130–131.

65 Матасова. 2023а: 131–132.

66 МС. (17): 355–357 (Ш, л. 551–552).

67 МС. (15): 381 (Ш, л. 59), 404 (Ш, л. 70 об.).

две миниатюры с выездом княжны Елены Ивановны в Литву на санях (что также достоверно — отправление из Москвы относится к 13 января)⁶⁸;

две нераскрашенные миниатюры о том, как княгиня Евфросиния Андреевна Старицкая уезжает на коляске вслед за своим мужем кн. Андреем Ивановичем Старицким и его войском (достоверно с точки зрения сезона — это события 2 мая)⁶⁹.

В этих изображениях показательно, что все путешествующие владычицы изображаются в царских венцах вне зависимости от их статуса. Анна Рязанская и Мария Ярославна были на момент изображения великими княгинями, а Софья Палеолог — царевной, но еще не великой княгиней. Это отражает особую программу миниатюристов, отличную от той, которой приходилось пользоваться для изображения царственных и княжаших мужчин. Можно предположить, что истоки этой программы, усиливающей царственность российских правительниц, кроются в политических амбициях Софьи Палеолог. На миниатюре, изображающей приезд Елены Ивановны к Александру Казимировичу в Великое княжество Литовское, дочь великого князя Ивана III (он в шапке Мономаха) и царицы Софьи (она в царском венце) изображена в царском венце, как и ее мать, что заметно принижает статус ее будущего мужа, изображенного в обычной княжеской шапке. Позднее на миниатюре Александр Казимирович так и останется в княжеской шапке, и читатель должен был быть возмущен тем, как вражеский великий князь заставляет свою супругу-царицу перейти в католицизм⁷⁰, держит ее в тереме или заточении, пока посольство Ивана III пытается уладить

68 МС. (17): 278–279 (Ш, л. 512 об.–513).

69 МС. (19): 536, 538 (Ц, л. 155 об., 156 об.).

70 МС. (17): 419 (Ш, л. 583).

конфликт⁷¹; великий князь литовский подсылает к жене вероотступников и монахов-бенедиктинцев⁷²; а еще позже царица Елена Ивановна умирает в заточении, куда муж отправил ее за отказ от конфирмации⁷³. Образ царицы Софьи Фоминичны не отвечает даже привычной патриархальности миниатюриста. Ему приходится изобразить ее в окружении фрейлин и советников-мужчин, когда Иван III, отправившись в Великий Новгород, оставляет супругу на управлении в Москве⁷⁴. Похожим образом ведет себя и сестра Ивана III Анна Рязанская. Она едет в Москву к брату с фрейлинами в коляске, но в окружении мужчин в конной и пешей свите, затем на приеме и на «отпуске» у великого князя также она в сопровождении мужчин и женщин⁷⁵.

Таким образом, грань между «своими» и «чужими» женщинами лишь отчасти проходима. Иноземка (мусульманка или православная изменница) может приехать верхом на коне, как мужчина, — но так не ведут себя русские женщины. Замужество из чужой земли не приводит к нарушениям изобразительной программы, однако в случае Софьи Палеолог сама частотность ее образа на миниатюрах — доказательство ее особого статуса. Царский венец не отличает ее от русских женщин — царицы-матери, царицы-великой княгини рязанской, царицы-дочери волошского царя. Это было наследие династических споров конца XV — начала XVI в., на которые наложился сюжет «зачатьевских» молебнов, демонстрирующий особую избранность плода от чрева Софьи

71 МС. (17): 420–421 (Ш, л. 583 об.–584).

72 МС. (17): 423 (Ш, л. 585).

73 МС. (18): 205 (Ш, л. 725).

74 МС. (17): 298 (Ш, л. 522 об.).

75 МС. (17): 355–357 (Ш, л. 551–552).

Палеолог, судя по всему — перед лицом семьи Ивана Ивановича Молодого с Еленой Волошанкой и их потомства. Для периода, в которой составлялся ЛЛС, эти споры могли быть архаикой, однако программа миниатюристов в данном случае отражала давнишние летописные баталии. Если женщина уезжала в брак за границу, то миниатюрист передавал ее обособленность от неправославного окружения и при помощи визуальных решений показывал благочестивый образ жизни своей героини.

ЦАРИЦЫ, ЦАРЕВИЧИ И ЦАРЕВНЫ НА МИНИАТЮРАХ

Ответив на вопрос об отличии «своих» женщин в самознании миниатюристов, обратимся к статусу цариц и царских детей в Российском государстве и к тому, как эти особенности воплощены в программе Лицевого свода. Удельные права царевичей и царевен признавались в России XV — начала XVII в. по умолчанию. Царицы имели свой двор, обособленный от великокняжеского и царского. Узнав об изгнании новгородцами своих наместников перед битвой на р. Шелони, Иван III обращается к своему окружению с речью, в которой выражен взгляд на властные права над Великим Новгородом со времен Рюрика. На этой миниатюре мать великого князя Мария Ярославна в царском венце изображена в окружении других женщин ближе остальных по правую руку от Ивана III, великая княгиня стоит впереди всех в «советнической» позе⁷⁶. Свой двор царицы обозначен и на миниатюре ЛЛС, посвященной возвращению Ивана III из Великого Новгорода в Москву, где его встречала великая княгиня-мать Мария Ярославна⁷⁷. За спиной у великого князя — мужчины-советники, за спиной

76 МС. (15): 180 (Г, л. 967 об.).

77 Этот же принцип сохранен: МС. (16): 345 (Ш, л. 283).

великой княгини — женщины из ее окружения. Это раздвоение является «общим местом» и принято художниками как конвенция, хотя оно далеко от политической жизни России XV–XVI вв., поскольку двор великих княгинь и цариц состоял далеко не только из женщин. Уже в XV в. в окружении великих княгинь были слуги-мужчины, дьяки, придворные чины и служилые люди. Участие боярынь в ведущих церемониях с женской стороны доказывает московскую практику соразмерности мужской и женской власти, а также особую возможность властных женщин бороться за придворной статус и влияние на царицу, а при определенных обстоятельствах — и на царя.

Женины, а особенно вдовьи дворы располагали и особыми чинами, однако их функции могут вызывать вопросы. Например, во время похода Ивана III на Великий Новгород, великий князь, согласно неофициальному своду 1480-х гг., выпросил у великой княгини-матери ее дьяка Стефана Бородатого, о котором говорится диковинно для своего времени, что он умел «говорити [вариант: «воротити». – *К.Е.*] по летописцом русским: егда, рече, придуть, и он въспоминаеть ему [т.е. великому князю. – *К.Е.*] говорити противу их измены давные, кое изменяли великим князем в давняя времена, отцем его и дедом, и прадедом»⁷⁸. Стефан поддерживал связи с Великим Новгородом и, например, присылал книги софийскому казначею Феодору⁷⁹. А.Г. Бобров (развивая гипотезу А.В. Севальнева) связывал с деятельностью Стефана Бородатого появление промосковских исправлений в Синодальном списке Новгородской Первой летописи⁸⁰. Ряд известий приписывает

78 ПСРА. (20: 1): 282; ПЛ. (2): 172. См. также: Лурье. 1989: 416–417; Пономарева. 2012: 120–128; Савосичев. 2015. (1): 93–94, 102, 190, 209–211.

79 Анисимова. 2009: 88–93; Новикова. 2017: 39–51.

80 Бобров. 2016: 140–163.

этому дьяку знакомство со знаменами на рождение Василия II Темного и организацию убийства князя (и великого князя) Дмитрия Шемяки, а с 1468 г. его имя встречается в актовых источниках в качестве дьяка Марии Ярославны⁸¹.

Поскольку неясно, с какого времени Стефан Бородатый служил у Марии Ярославны, нельзя исключать, что и память о нем складывалась под влиянием представлений о женских ролях во власти. Слуге великой княгини-матери приписывали невероятный цинизм, поручали составлять экзотические сказания и осуществлять злостные убийства. Эти крайние методы вступали в силу как джокер в разнообразных ситуациях, среди которых летописцы охотно намекали на подговор великого князя великой княгиней к убийству братьев. Берсень Беклемишев в 1520-е гг. язвительно говорил Максиму Греку, что из-за чужеземки Софьи Палеолог и ее пришедших с нею его соотечественников-«греков» «наша земля замешалась и пришли нестроения великие»⁸². Кн. А.М. Курбский обвинял великокняжеских жен-чужестранок — прежде всего, Софью Палеолог, но также Елену Глинскую и, возможно, завуалированно Марию Темрюковну — в «кровопийстве» и подговоре их мужей к уничтожению удельных князей и в целом — князей и верных слуг⁸³. Монашествующим царицам-вдовам в 1598 и 1605 гг., а затем еще раз в 1606 г. была предоставлена функция передачи власти, признания и непризнания царствующей особы, которая решала судьбу трона, как позднее — конфликт царственных дочерей и вдовы Алексея Михайловича, речи царевны Софьи Алексеевны перед стрельцами и др. Во всех названных выше случаях высказываниями

---

81 Корзинин. 2023: 242–243.

82 Матасова. 2023: 273.

83 Курбский. 2015: 481–482. Примеч. 1 об. – 1 (автор — К.Ю. Ерусалимский).

управляли «мужские» дискурсы, а говорящие допускали женскую роль во власти, но ответственность цариц за ошибку превышала любую меру «нормальной» мужской политики.

В то же время права детей, и прежде всего, княжичей и царевичей были защищены тремя различными формами соглашений: во-первых, завещанием правящего родителя; во-вторых, устным соглашением умершей матери с отцом; в-третьих, специальными крестоцеловальными записями ребенка с отцом. Внутренние конфликты в правящем доме не отменяли единства дипломатических контактов, в которых правящий дом выступал как единая корпорация. Показательно полное отсутствие дипломатических отношений удельных князей в первой половине XVI в. Маленькие сыновья царя Ивана IV в дипломатии не участвовали вплоть до октября 1564 г., когда Иван Иванович вместе с отцом «отпустил» из Москвы служилого татарина в Крым (в посольской книге специально указано на присутствие при этом царя, хотя сам «отпуск» представлен как решение царевича)⁸⁴. В сентябре — декабре 1572 г. царь отправился в Ливонский поход («ходил в Ливонскую землю») под Пайду вместе с царевичами Иваном Ивановичем и Федором Ивановичем⁸⁵. На посольских приемах царевич Иван Иванович нередко церемониально восседал по правую руку от отца. Этим утверждался не принцип династического правления, а избирательное соучастие в правлении наследника престола. При этом младший сын к правлению не готовился и в церемониях участия не принимал (не по причине умственной отсталости, а по воле отца).

84 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. № 11. Л. 144; **Виноградов**. 2022: 29.

85 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. № 3. Л. 6 об.-7, пб.: **СИРИО**. (129): 227–228; **ПЛ**. (2): 261 («на зимъ» 7081 г.); **РК 1636**. (1): 202 (л. 103 об.).

Судя по летописным данным и изображениям в Лицевом своде, оба царевича сопровождали отца только на богомолья, в увеселительные поездки и на церковные всенародные церемонии. На детских изображениях княжичей Ивана и Юрия Васильевичей они оба сначала в пеленках. Затем — Иван уже в год в венце на путешествии в коляске с родителями в Троице-Сергиев монастырь, на Волок и в Можайск в сентябре — ноябре 1531 г.⁸⁶ Позднее Иван — мальчик в толпе на церемониях, а Юрий все еще при матери. Наконец, они оба вместе стоят на церемониях, однако Иван всегда впереди как правящий великий князь и царь.

Крайне редко княжич изображается в тех сценах, которые в нарративном источнике миниатюры его не упоминают. Однако такие примеры есть, и они заслуживают особого внимания. На изображении поставления во епископы смоленские Саввы (Слепушкина) великий князь присутствует в левом верхнем углу миниатюры. Текст летописи и приведенный в ЛЛС отрывок из нее для такого решения оснований не дает, однако участие великого князя в церемонии возможно. Впрочем, в раскрашенной версии этой же сцены великого князя нет⁸⁷. В разметке миниатюры на поставление архиеп. Великого Новгорода и Пскова Феодосия 18 июня 1542 г. также выступает великий князь Иван Васильевич в верхнем правом углу (и вновь не на первых ролях), тогда как в летописном тексте упоминаний о нем нет (Илл. 5)⁸⁸. Почему? Многие другие сообщения о хиротониях в правление Ивана Грозного его самого не упоминают, и миниатюристы ориентируются на

86 ПСРЛ. (8): 276; ПСРЛ. (13): 56; ПСРЛ. (20): 409; ЛС. (19): 62–64 (Ш, л. 904 об.–905 об.).

87 ЛС. (19): 492 (Ц, л. 133 об.) (20 февраля 1536 г.).

88 ЛС. (20): 206 (Ц, л. 219 об.) (18 июня 1542 г.).

текст⁸⁹. Возможно, именно эти два упоминания отложились в памяти заказчиков свода или его мастеров.

Царицы в дипломатии имели еще более ограниченный круг обязанностей. Они получали поздравления от иерархов и в редких случаях (например, в миссии Антонио Поссевино весной — летом 1581 г. в Россию) выслушивали просьбу посодействовать мирным инициативам. Этот обычай нарушила царица Ирина Федоровна, впервые, насколько это известно, обменивавшаяся письмами с суверенными женщинами других государств по всему миру — в частности, с грузинской (кахетинской) царицей Тинатин («Тинатидой Иверской») и с Елизаветой Тюдор (возможно, подобная корреспонденция существовала в большем объеме, но не сохранилась). Впрочем, первая была монашествовавшей матерью царя (Александра II), а вторую в России титуловали «королевой», т.е. за глаза не признавали полноправной монархиней (не говоря уже о памятных в России и Англии грубоватых шутках Ивана Грозного в адрес «королевы» Елизаветы). Формальный обмен письмами между младшими представителями правящих династий наметился в XVI в. лишь в отношениях со степными ордами. К официальной европейской дипломатии вплоть до Федора Годунова никто из царственных сыновей в Москве допущен не был.

Мастерам, работавшим над иллюстрированием летописи, было хорошо известно, что фактическую власть в детство царя Ивана Васильевича осуществляла его мать. Однако и в этом составители ЛЛС стараются проявлять осторожность. Миниатюрист, иллюстрируя события декабря 1533 г., предпочел не оставлять Елену Глинскую в одиночестве и пририсовал при

---

89 ЛС. (20): 209 (Ц, л. 221), 230 (Ц, л. 246 об.), 245 (Ц, л. 254), 246 (Ц, л. 254 об.), 322 (Ц, л. 292 об.), 375 (Ц, л. 319), 388 (Ц, л. 325 об.), 389 (Ц, л. 326), 483 (Ц, л. 369), 484 (Ц, л. 369 об.)

ней совсем маленького Ивана Васильевича, хотя переговоры с боярами и заточение дяди великого князя, кн. Юрия Ивановича, источник ЛЛС приписывает ей одной⁹⁰.

Рождение, а затем смерть и погребение дочерей Ивана Грозного подробно иллюстрируются миниатюристами. Для царя в 1560-е годы, как свидетельствуют слова из Первого послания Курбскому, это будет значимый фактор в его конфликте с придворными. Сыновья Ивана Грозного после гибели царевича Дмитрия Ивановича предстают, как ранее их отец Иван и дядя Юрий, в облике двух мальчиков разного роста, из которых первый — наследник престола при отце Иван Иванович, а второй — богомольный Федор Иванович.

Менялись ли предписания в изображении женщин и детей?

Для рисовальщиков, создавших ЛЛС, царствование Ивана Грозного было не отдаленной во времени «пред-современностью», а непосредственным опытом, и они понимали, что выбор сюжетов для миниатюры из нарративного источника может вызвать эмоции у многих живых и действующих участников представляемых в «лицах» событий. Как мы уже отмечали, царские «прохлады» вызвали ряд назиданий, вошедших в исторический нарратив и отраженных в Лицевом своде. При этом миниатюристы одну за другой пропускают благочестивые поездки юного княжича, а затем царя Ивана Васильевича и не рисуют их, несмотря на прямое упоминание этих поездок в приводимых тут же нарративных источниках. Так пропущены поездки: сентября 1541 г. в Троице-Сергиев

90 ПСРЛ. (8): 286; ПСРЛ. (13): 77–78, 419; ПСРЛ. (29): 127–128; ПСРЛ. (20): 420–422; ПСРЛ. (26): 315; ПСРЛ. (34): 24, 167, 177; Тихомиров. 1979: 221, 226; Шмидт. 1951: 285; Новикова. 2008: 201, 229, 234; Новикова. 2001: 243; Жуков. 2012: 428–429; РК 1605. (1:2): 243 (л. 164 об.); ЛЛС. (19): 374–377 (Ц, л. 74 об.–76). См. также: Юрганов. 2019: 61–74; Кром. 2010: 85–93.

монастырь⁹¹, мая 1542 г. в Троицу⁹², сентября 1542 г. в Троицу⁹³, марта 1544 г. в Калязинский Троицкий монастырь, Заболотье и Троице-Сергиев монастырь⁹⁴, мая 1545 г. в Троице-Сергиев монастырь⁹⁵, мая — (июля) 1545 г. в Троицу, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологду и по северным монастырям⁹⁶, сентября — декабря 1546 г. в Троицу, Великий Новгород и Псков и по монастырям и городам к северу от Москвы⁹⁷, октября 1554 г. в Можайск и к кн. Владимиру Андреевичу Старицкому⁹⁸, мая 1556 г. в Троицу⁹⁹. Решение о таком отборе информации, как представляется, не могло быть принято спонтанно и в отношении каждой поездки по-отдельности. Вероятнее другое предположение — миниатюристы

-
- 91 ПСРЛ. (13): 140, 438–439; ПСРЛ. (29). С. 41, 140; ПСРЛ. Т. 20: 459; ЛС. (20): 3–4 (Ц, л. 217–217 об.), 186–187 (С, л. 85 об.–86) (миниатюр на этот выезд нет); Мельник. 2018: 63.
- 92 ПСРЛ. (13): 142; ПСРЛ. (29): 43, 142; ПСРЛ. (20): 460; ЛС. (20): 205–206 (Ц, л. 219–219 об., миниатюры к этим событиям нет); Мельник. 2018: 63.
- 93 ПСРЛ. (13). С. 143, 442; ПСРЛ. (29): 44, 143; ПСРЛ. (20): 462; ЛС. (20): 221–222 (Ц, л. 242–242 об., нет миниатюры к этим событиям); Мельник. 2018: 63.
- 94 ПСРЛ. (13): 146, 445; ПСРЛ. (29): 46, 145; ПСРЛ. (20): 464; ЛС. (20): 246–247 (Ц, л. 254 об.–255, миниатюры к этим событиям нет); Мельник. 2018: 63–64.
- 95 ПСРЛ. (13): 147, 446; ПСРЛ. (29): 47, 145–146; ПСРЛ. (20): 465; ЛС. (20): 260–261 (Ц, л. 261 об.–262, миниатюры к этим событиям нет); Мельник. 2018: 64.
- 96 ПСРЛ. (13): 147, 446; ПСРЛ. (29): 47, 145–146; ПСРЛ. (20): 465; Шмидт. 1951: 290; ЛС. (20): 230–231 (миниатюры к этим событиям нет); Мельник. 2018: 64; Белов. 2023: 77–78.
- 97 ПСРЛ. (13): 149–150, 449–450; ПСРЛ. (29): 49, 148; ПСРЛ. (20): 467–468; ПСРЛ. (30): 149. Примеч. и; С. 177, 201; ПСРЛ. (45): 122; ПСРЛ. (34): 28; Новикова. 2001: 244; ПЛ. (1): 112, 116; ПЛ. (2): 230–231; Шмидт. 1951: 291; ЛС. (20): 287–288 (Ц, л. 275–275 об., миниатюры к этим событиям нет), 288–289 (Ц, л. 275 об.–276, проезд казанского посольства), 290 (Ц, л. 276 об., проезд послов от горной черемисы); Тихомиров. 1979: 227; РК 1605. (1:2): 320 (л. 217 об.); Мельник. 2018: 64.
- 98 ПСРЛ. (13): 252; ПСРЛ. (29): 236; ПСРЛ. (20): 557–558; ЛС. (22): 151 (С, л. 169, миниатюры к этим событиям нет).
- 99 ПСРЛ. (13): 270; ПСРЛ. (29): 247; ПСРЛ. (20): 572; ЛС. (22): 308 (С, л. 247 об., миниатюры к данному сообщению нет); Мельник. 2018: 68.

придерживались табу на иллюстрирование поездок молодого княжича и царя. Почему — мы не знаем. Но можем предположить, что эти поездки вызывали неоднозначное отношение у составителей и заказчиков Лицевого свода. На всех этих миниатюрах «современность» в полном смысле еще не началась. Царь — безбород, окружен влиятельными советниками, дорогая царю как свое личное решение Ливонская война еще не началась. Поездка с больной царицей в Можайск осенью 1559 г. будет для него первым отрывом от своего окружения.

События января-марта 1547 г. так и не стали переломным моментом в истории царства, хотя на это были нацелены изначальные усилия заказчиков ЛЛС. Впервые в 1547 г. венчанный царь изображен верхом на коне на пути в Троице-Сергиев монастырь¹⁰⁰. Затем он женится на Анастасии Романовне, открывая династическую перспективу царства, и 17 февраля идет вновь вместе с женой в обитель святого Сергия Радонежского «пѣш». Это читается не во всех летописях: в Летописце начала царства этого слова нет, но оно есть во Львовской летописи, донесшей Свод 1560 г., и в ЛЛС. О том, как направляется в монастырь царица Анастасия, ничего в летописях не сказано, однако на миниатюрах ЛЛС она изображена на первой — идущей вместе с царем пешком, на второй — возвращающейся из путешествия, но в сторону монастыря, а не от монастыря, и уже в коляске¹⁰¹. Учитывая программу миниатюриста, когда царь воссел на коня, то этим показал не только свою царственность (и в известном смысле — суверенитет), но и зрелость (зрелость для самостоятельного правления). Хотя вплоть до 1558 г. еще один признак взрослого

100 ПСРЛ. (13): 151, 453; ПСРЛ. (29): 50–51, 150–151; ПСРЛ. (20): 469; МС. (20): 320–321 (Ц, л. 291 об.–292); Мельник. 2018: 64–65.

101 МС. (20): 325–326 (Ц, л. 294–294 об.).

мужчины на изображениях отсутствует — царь долгое время изображается безбородым¹⁰².

Это показательный визуальный демарш, наверняка санкционированный самим царем и связанный с полемикой его времени о бороде¹⁰³. С другой стороны, судя по решению (исходящему явно от царя или его ближайшего окружения) о выработке всей подборки миниатюр за 1533-1547 гг. из-за отсутствия у младенца и юноши Ивана IV царского венца на голове, ему важно было в рамках разросшейся к 1570-м гг. мифологии царства доказывать *urbi et orbi*, что он наследственный царь, и вся доктрина «взросления к царствованию» при этом оказалась под вопросом. 1547 год в восприятии царя последних лет его правления перестал быть поворотным моментом, не будучи ни точкой его возмужания (ношения бороды), ни началом царствования (которое было переосмыслено как передача царского престола от отца). Таким образом, развернувшаяся на миниатюрах Лицевого свода борьба за историю взросления обернулась роковой для Свода победой царя, доказавшего приписками на его полях, запретами на миниатюры «начала царства» и частичной перелицовкой ранней московской истории свое понимание «освобождения» от окружавших царя навязчивых моралистов к концу 1550-х гг. К этому же времени переворот в сознании Ивана Грозного относят и такие дискуссионные источники, как Первое послание Ивана Грозного князю Андрею Курбскому и «История о князя великого московского делех» того же кн. А.М. Курбского.

Исследователи давно обратили внимание на сюжетное и эмоциональное сходство между приписками к ЛЛС и Первым

---

102 **ЛМС.** (22): 471–472 (С, л. 330–330 об.) (1 марта 1558 г., Иван IV на двух миниатюрах без бороды). Ср.: **ЛМС.** (22): 475 (С, л. 332) (Вскоре после 1 марта 1558 г., Иван IV в бороде).

103 **Акельев.** 2022.

посланием Ивана Грозного Курбскому. На близости между этими двумя источниками было бы важно для нашей работы показать восприятие художниками XVI в. перемен в жизни Российского государства, вызванных опричным переворотом и последующими потрясениями. «Опричный» переворот был вызван не только изменившимися представлениями царя о своих правах и власти, но и существенными переменами в семейной жизни Ивана Грозного после смерти царицы Анастасии Романовны в августе 1560 г.

Двор цариц и царевичей жил в XVI в. по своим правилам, которые великие князья и цари не стремились нарушить, хотя и вносили в них коррективы. Рождение царственных детей было подчинено не слишком строгим распорядкам молебнов, разрешенных дней зачатия, крещения и оберегания ребенка. В «зачатьевских» молебнах будущий отец участвовал вместе с супругой, и поездки по монастырям совершались ими в таких случаях вместе. Миниатюрист перед Повестью о рождении Ивана Васильевича создает «благодарение и похвалу» в честь его рождения необычный образ, на котором Елена Глинская встречает «фрейлин», ниже справа на миниатюре великий князь с обнаженной головой молится у иконы Спаса Нерукотворного, а снизу слева тот же Василий III уже в шапке получает от трех людей в нерусских шапках какой-то мешок. Этим мешком, видимо, и объясняется последующее избавление великого князя от одержимости «неплодствия» и рождение в великокняжеской семье наследника¹⁰⁴.

В период семейной разлуки великие князья вели переписку. Впрочем, письма Василия III Соломонии Сабуровой и Елене Глинской не были частью великокняжеского обихода — о подобной переписке Ивана IV и последующих монархов

---

104 МС. (19): 23–24 (Ш, л. 884–884 об.).

рубежа XVI–XVII вв. не осталось сведений. Отсутствие государя и его семьи во время поездок не было самоочевидным решением. Выезд на войну предполагал временное разделение функций власти и передачу земских структур на время «господарева дела» в руки соборных земских властей, состоявших из высших духовных лиц, первых удельных князей и всего боярского совета, а также представителей царской семьи. Символическим заместителем царя в различных обстоятельствах мог оказаться один из названных, причем необязательно наследник престола, но это заставляет задуматься, не был ли неоднократный обход полномочий царевича Ивана Ивановича после 1560 г. в пользу князя Владимира Андреевича Старицкого, боярина Ивана Петровича Федорова, Симеона Бекбулатовича осмысленным демаршем, принижавшим значение наследника престола. Царь забирал его с собой, но сохранял за ним статус правителя в земских делах на правах соучастия с отцом. Оставление царевича в Москве в момент выезда царя превращало того в наместника. Этот принцип был настолько принят в правление Ивана Грозного, что царь утрировал его, чтобы расценивать свой выезд как оставление престола. Это влекло за собой как конфликты, так и прагматичные решения и, возможно, представляло инструмент дезинформации. По крайней мере, когда двое сыновей боярских в апреле 1577 г. давали показания ливонским властям в Дюнабурге, они представили выезд царя как смену власти и интронизацию царевича Ивана Ивановича: «Он не хочет также править в Москве, но хочет в Александровой Слободе» („Will auch nicht viellmher herr Muschkaw haushaltenn, sondernn zurr Alexandrowa Sloboda“)¹⁰⁵.

«Опричные» владения великих княгинь и цариц не были игровым и шутовским компонентом российской

---

105 Бессуднова. 2016: 41–42.

политической жизни, как нередко изображали историки XIX–XX вв. переоблачения Ивана Грозного. Оставляя за старшим сыном «вдовый надел» своей первой супруги и сохраняя его статус наследника престола, Иван Грозный вторгался в прерогативы женского двора, который требовал обозначения границ для опричнины новой супруги, особенно после того, как в 1563 г. умер княжич Василий Иванович, наследник царя от второй жены, Марии Темрюковны. У нас почти нет данных о внутренней жизни в семье царя, если не считать Первое послание царя Курбскому, демонстративно прикрывающее обиду царя на окружение старшего сына обвинениями в адрес изменников, якобы доведших до смерти первую жену царя. И самые драматичные высказывания, на которые Иван Грозный срывается в письме — обвинения в адрес князя Курлятева, что его дочери живы, когда все дочери самого царя умерли, а также знаменитые слова о путешествии в Можайск, с которого начались политические «странствия» царя. В эту поездку взяли больную царицу и маленьких княжичей. Эмоции настолько захватывают царя, что невозможно даже понять, в чем именно он хочет упрекнуть Сильвестра и Адашева — в том, что они призвали тогда царя возвращаться в Москву по непогоде и бездорожью, или в том, что вообще заставили в эту поездку взять больную царицу Анастасию.

Выезд за пределы Москвы вновь в воспоминаниях царя связан с потрясением. Когда началась Ливонская война, он вместе с царицей был на богомолье, во время которого предпринял вынужденный переезд из Можайска в Москву, за который корил Сильвестра и Адашева:

Како же убо вспомяну, еже во царьствующий град с нашею царицею Анастасеею с немощною от Можайска немилостивное путное прихождение [варианты в списках: А: прохождение; Т: прехождение; В: шествие]? Единого ради мала[го] слова [и] непотребна!

Молитвы же убо и прехождения [варианты в списках: Б: прехоженія; В: прохождѣнія] [пустым мѣстам] [в списках читается: АТВХр: по святым мѣстом; Б: творяше по святым местом] [...] ниже помянути тогда бяше¹⁰⁶.

Можно только догадываться, откуда в списках такое разнообразие чтений в данном месте Послания. Нельзя исключать, что исходными были более одной версий, поскольку царь спешно диктовал письмо своему «изменнику» и писцы понимали его иногда с точностью до наоборот: пустые места или святые места? Царь, говоря о событиях осени 1559 г., подразумевал молитвенные обращения в посещаемых храмах и монастырях, однако сам контекст этих слов позволял услышать, что царь недоволен поездкой из Можайска по «пустым местам», бессмысленной из-за сделавшегося неожиданно «немилостивного» бездорожья.

Поездка царской семьи в Можайск относится к октябрю 1559 г. Судя по чередѣ летописных записей, царь в Можайске не только молился и развлекался («в монастыри помолитя и по селам прохладитя»), но и расположился для ведения государственных дел, и только поражение в Ливонии заставило его окружение настаивать на спешном возвращении в Москву. Летопись отразила ответное возмущение царя:

А царь господарь хотѣл ѣхати вскорѣ к Москвѣ, да невозможно было ни верхом, ни в санех: безпута была кромѣ обычая на много время. А се грѣх ради наших царицы не домогла¹⁰⁷.

Между этими словами и сообщением о возвращении царской семьи в Москву 1 декабря в летописи краткая заметка, что ливонский магистр и архиепископ рижский пришли с

---

106 ПИГАК: 33, ср. с. 81 (реконструкция цитаты проведена нами на основе первоисточников данной публикации).

107 ПСРА. (13): 320.

войском на Юрьев. Из слов Первого послания можно догадываться, что советники царя воспользовались внешней угрозой, чтобы уговорить царя ехать в обратный путь.

На миниатюре ЛЛС в этом месте неопределенный разговор между царем и его советником, скорее всего — «пря». За их спиной слегка наклонившаяся на спину царица. Вероятно, это знак того, что она больна (Илл. 6)¹⁰⁸. Можно предположить, что невнимание миниатюристов к поездкам «начала царства» связано было еще и с гневом царя, вызванным обстоятельствами конфликта 1559 г., который царь невнятно для переписчиков припоминал еще пять лет спустя своим боярам. Они адресаты Первого послания в гораздо большей мере, чем уехавший в эмиграцию князь Андрей Курбский.

Не прошло и года, как царица умерла. Тяжелобольную Анастасию Романовну в сообщении о московских пожарах июля 1560 г. миниатюрист изображает лежащей на санях¹⁰⁹. Умерла царица в среду на память св. Деомида «в 5 час дни». Неясно, где — возможно, уже в Коломенском, куда и направился кортеж с царицей. Царь мог добраться в Коломенское вслед за супругой в течение того же дня. Перенос тела был затруднен из-за многолюдности («и от множества народу в улицах едва могли тѣло ея отнести в монастырь»). Царь едва шел в процессии от скорби (его «от великого стенания и от жалости сердца едва под ружь ведяху»)¹¹⁰.

108 **ЛС.** (23): 178 (С, л. 454 об.).

109 **ЛС.** (23): 248 (С, л. 489 об.).

110 Погребение состоялось в Кремле в Вознесенском Девичьем мн. «в городъ у Фроловских ворот». На погребении были царь, вся царская семья, митр. всея Руси Макарий и др. На саркофаге царицы сказано: «Лет 7068 месяца августа в 7 ден в среду на память преподобнаго мученика Дометияна в 5 час дни преставис благоверная царица великая кнеини Анастасия Ивана Василевич всея Руси». См.: **ПСРЛ.** (13): 328; **ПСРЛ.** (29): 287–288; **ПСРЛ.** (34): 189; **ПСРЛ.** Т. 37: 173; **Панова.** 2002: 30. № 81; **Некрополь.** 2018. (3: 1): 230-291 (здесь на с. 275 ошибочное прочтение годичной даты на саркофаге).

Возможно, на миниатюре ЛЛС отражены как реальные обстоятельства, так и представления о смерти, превращающие летнюю поездку умирающей царицы в возлежание на санях. Однако вернемся к точности визуальных воплощений саней и колясок по временам года в этом источнике и отметим еще один сбой как раз за период правления Ивана Грозного. Здесь иллюстрация выезда митрополита Макария из горящей Москвы в июне 1547 г. представлена картинкой с санями на фоне горящего города. Это лишь черновой набросок, и возможно, мастера уточнили композицию при раскрашивании¹¹¹. На цветной версии — Анастасия возлегает на санях-носилках, и это смертный одр, который несут ее советники, а за одром в окружении советников шествует царь.

Возможно, самое удивительное в истории Первого послания Ивана Грозного Курбскому в том, что оно целиком посвящено разоблачению преступлений, относящихся к первому супружеству царя, хотя между теми событиями и побегом Курбском прошло к моменту составления письма уже три-четыре года. Вряд ли бы такое послание понравилось Марии Темрюковне, оно испещрено высказываниями, которые в целом сводятся к той мысли, что при первой жене царю жилось прекрасно и жилось бы дальше, если бы злые советники не «извели» во цвете лет цареву юницу. Царь не просто отводил изменникам место в земщине. Исследователи проигнорировали все названные обстоятельства и отказывались видеть в событиях лета-осени 1564 г. то, что прямо следует из письма. Царь, согласно его письму, отвел «изменным боярам» место в первом опричном дворе — т.е. в окружении царевичей, которые формально оказались в опричнине своей умершей матери, Анастасии Романовны, и обрekli царя на необходимость заключить особый договор с первой супругой перед ее кончиной. Высший аппарат

---

111 МС. (20): 337 (Ц, л. 300).

управления, контролировавшийся многие годы Юрьевыми и их клиентами, был переосмыслен как объединение земского дела с опричниной первой семьи и ее отпрысков.

Опричнина нового образца не была лишь конкуренцией двух опричных дворов, причем шутовской элемент лишь прикрывал подлинное положение дел. При этой системе «земское дело» предполагало диархию царя и старшего наследника-царевича, опирающуюся на договор с царицей Анастасией Романовной от начала августа 1560 г. Полнота власти царя заметно снижалась клановыми связями и влиянием в высшем управлении Захарьиных-Юрьевых и их сторонников, на тот момент фактически управителей и гарантов опричного двора царевичей Ивана Ивановича и Федора Ивановича. Вырваться из своих обязательств перед ними Иван IV не мог и только усиливал двусмысленность договоренностей импульсивным и деспотическим контролем за двором сыновей. Ни о каком пересеченном влиянии между опричными дворами царевичей от первого брака и опричниной Марии Темрюковны нет известий, а следовательно, можно полагать, что опричнина 1565–1572 гг. потеряла свой основной политический источник уже в сентябре 1569 г., когда царица Мария умерла. Показательно, что умерла она в Александровской слободе, оставшись там на обратном пути из разъездов без мужа. Это было не просто опричное владение царя, а именно ее опричнина, гарантированная царем благодаря введению так называемой царской опричнины. Земские функции у опричнины формировались не просто в оппозиции к государственным учреждениям в Москве, а прежде всего, в оппозиции к тем учреждениям, которые находились в соправлении царя Ивана Васильевича и царевича Ивана Ивановича и тем самым оказывались единством земских структур и опричнины старших наследников.

У одра умирающей царицы Анастасии Романовны он дал обязательство сохранить престол за ее детьми. Царица не

напрасно тревожилась за судьбу сыновей, помня о династическом конфликте, приведшем к власти отца Ивана Грозного, и понимая, что после ее смерти царь долго не останется вдовцом. Выделенные дворы для Ивана и Федора Ивановичей в 1564–1565 гг. были специально описаны при участии служащих Посольского приказа, а Старицкие князя перезаключили договор с правящей династией, присягнув в верности царю и его наследникам и трижды в канун и в первые годы опричнины поступившись своими уделами и дворами. Это сочетание фактов крайне необычно и в то же время недостаточно документировано для детальных выводов. В Описи Посольского приказа 1614 г. отмечена хранившаяся на тот момент в архиве книга:

Книга, а в ней писано приказал царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии околичному и постелничему Василью Федоровичю Наумову да дяку Василию Колзакову описати в царевичеве Иванове и в царевичеве Федорове казнъ образы и кресты, и плате всякое, и всю казну детей своих в 7073-м году¹¹².

Как известно, 7073 год начинается 1 сентября 1564 г. и заканчивается 31 августа 1565 г. Сведения об описании казны царевичей — образов, крестов и платья находят прямую параллель за этот год в сообщении о сборах царя из Москвы в канун учреждения опричнины.

Но почему этим вопросом заведовал Посольский приказ? Можно предположить, что сборы царя и выезд в Коломенское 3–6 декабря 1564 г. вместе с царицей Марией и детьми от первого брака камуфлировали разделение опричных дворов, а само учреждение опричнины предполагало создание «вдовьего надела» Марии Темрюковны, тогда как сыновья Ивана Грозного либо лишались своей опричнины, входя в совместное

---

112 Описи. 1960: 49.

правление с отцом (и в таком случае описание их казны было реквизицией опричных владений в пользу единого земского государства), либо описание устанавливало две опричнины, и в таком случае совместный выезд устанавливал границы между ними, а заодно демонстрировал власть отца над детьми. Последний объезд царя на миниатюрах Лицевого свода подводит к тому раздвоению, которое сложилось в опричной России, и органичность раздвоения на изображениях — это изобразительный эффект. Объезды 1560-х гг. отличаются от поездок предшествующих десятилетий именно тем, что перед нами царский двор, разъезжающий на конях обособленно от царицы и царевичей. На двух миниатюрах, изображающих поездку царя в апреле-мае 1566 г. в Козельск, Белев, Болхов, Алексин и другие южные города («в ыные в украинные мѣста от крымские украины»), в Шаровкин монастырь и оттуда «к Москвѣ», на одной показан царь во главе конного отряда переговаривающихся между собой молодых и бородатых советников (Илл. 7), а на другой — привычная сцена путешествующей в коляске царицы Марии в окружении женщин и с женской свитой поодаль, а рядом с ее коляской едут царевичи в венцах потемнее и посветлее — Иван и Федор (Илл. 8). В отличие от Ивана Грозного, его «женская» половина и царственные дети едут 1 мая в Александровскую слободу¹¹³.

Выводы и заключительные ремарки

Ряд неизменных конвенций обнаружен и изучен выше в этой работе. Сведем их воедино, прежде чем задуматься, как мог повлиять миниатюрист на изображение недавних событий.

1) Царственные женщины выполняют определенные «исторические» функции, которые упоминаются в нарративном источнике миниатюристов. Эти функции неизменны и

---

113 МС. (23): 438–439 (С, л. 584 об.–585).

сводятся к репродуктивным способностям и широко понимаемой семейной жизни. Женщина в рамках данной программы не проявляет активность и не сопротивляется насилию, а покорно выполняет возложенные на нее миссии, выказывая скорбь (поднятая к лицу рука), если ее господин бросает ее, опалается или совершает против нее нечто противозаконное (например, пытается обратить ее в иную веру). Женщина в борьбе за власть во многом отвечает усилиям летописцев, поддержанных миниатюристами, показать опасность гендерного равенства. Образ богомольной «гиподинамичной» женщины создан в ЛЛС осознанно на основе летописного канона, превратившего мятежную Марфу Борецкую в нечестивую наездницу, а ее поведение в своеобразную политическую анти-норму.

2) Статус женских образов с XV в. создает противовес мужским образам в головных уборах: правящие царицы изображаются в венце, тогда как мужчины — в шапке Мономаха, великокняжеских, княжеских, королевских и царских шапках. Эта программа наталкивается на конфликт внутри рабочей артели Лицевого свода, и под влиянием высших светских и, возможно, церковных властей переработке подвергаются избранные миниатюры за конец XV — начало XVI в., а часть новейшей истории после смерти Василия III и воцарения Ивана IV в конце 1533 г. была выбракована и полностью пересмотрена в этом художественном элементе (свидетельством чему стали дубликаты миниатюр, на которых великокняжеская шапка еще до венчания на царство заменялась на царский венец).

3) «Свои» и «чужие» женщины изображены с соблюдением культурной границы, одновременно непроходимой и уважительно соблюдаемой. Татарские женщины ездят верхом, русские — никогда. В отличие от своих мужей-наездников, царственные женщины путешествуют главным образом

в колясках и санях, хотя иногда ходят в «пешие» паломничества вместе с ними. В целом, для той визуальной доктрины, которая воплощена в Лицевом своде, образ царственной женщины, идущей куда-то самостоятельно или в окружении своей свиты, не характерен или даже табуирован.

5) Дети при царствующих особах изображаются в порядке старшинства, различаясь между собой ростом, который в данном случае напрямую указывает не только на разницу в возрасте, но и на старшинство в праве на престолонаследие. Несанкционированное (не оговоренное в нарративном источнике) появление ребенка на изображении — знак персональной памяти, переданной участником событий или самой царственной особой (причем ребенок и в этом случае не выходит на первый план в иллюстрируемом действе).

Нарушение канонов выступает в Лицевом своде в единстве с их оформлением. С одной стороны, только возникает образ богомольной поездки царской семьи, с другой — миниатюрист старательно обходит стороной изображение целого ряда таких поездок за 1541–1556 гг. С одной стороны, был создан визуальный инструмент для изображения взрослеющего монарха, с другой — этот компонент становится камнем преткновения и вызывает бурные разногласия между царем (или его ближайшим окружением) и миниатюристами. С одной стороны, визуализация избегала опричного раздвоения в государстве, с другой — само существование опричных дворов царевича Ивана Ивановича и царицы Марии Темрюковны канонизировано традицией изображать «двор» великих княгинь и царицы как отдельную визуальную структуру, и на миниатюрах Лицевого свода так до последних дней истории и выступают отдельные дворы царя и цариц как прообраз опричнины и земщины.

В этом смысле Лицевой свод объединяет сразу несколько стратегий репрезентации прошлого и настоящего.

1) В этом памятнике получают воплощение художественные ожидания от достижений мировой истории. Причем ее высший момент, т.е. правление Ивана IV, вызывает противоречия среди миниатюристов и у артели с духовными и светскими властями. Полемика о качествах идеального царя отражается на художественной программе — царь, по мнению артели миниатюристов, достигает вершины своей славы в год венчания на царство. Однако властная рука внесла в этот визуальный код роковое дополнение — заставив сменить шапку Мономаха на царский венец на изображениях до 1547 г., носитель власти перенес акцент с событий 1547 г. на 1558–1559 гг., когда царь повзрослел (по версии миниатюриста, тогда он отпустил бороду) и вступил в прямое столкновение с советниками, оспаривая у них право решать, куда и когда ему ехать с царицей.

2) Смена оснований власти в ближайшие к миниатюристам десятилетия представляется им как переход царского венца от своих женщин и зарубежных властей к мужчинам, носителям княжеских шапок или шапки Мономаха. Первыми визуализированными царями в венцах в русской истории были царицы — великая княгиня Мария Ярославна, Елена Стефановна Волошанка, Софья Фоминична Палеолог. Это решение создает как бы особую интерпретацию истории, выводящую вопрос о венчаниях на цесарство и царство в России в конкурентные отношения с «мужской» историей престолонаследия.

3) Программа репрезентации миниатюр, дополняемая особыми композиционными решениями, не терпит «женской власти», устраняет женщин из сюжетных линий повествований, помещает поодаль от основных событий, моделируя эти формы неучастия композиционными расположениями на

перифериях изображений и максимально «обездвиживая» женские образы. Это решение не противоречит нарративным источникам, однако подчиняет их интерпретации, которая заметно переиначивает взгляд на гендерный баланс в мировой истории (учитывая в прошлом женские образы, начиная с ветхозаветной истории и вплоть до событий конца XV в.).

4) Воссоздавая отношения между детьми и царем, миниатюристы придерживаются оценки, сформированной в начале 1560-х гг. после смерти царицы Анастасии. Летопись содержит диалог между Иваном Грозным и умирающей женой, в котором определяются обязательства царя перед сыновьями от первого брака. Однако во втором браке царь ожидает рождения наследника, и разъединение «опричных» (царевича Ивана Ивановича и царицы Марии Темрюковны) показано миниатюристом при помощи обособления царя и его «двора» от царицы с детьми (от первого брака) и «двора» царицы. Визуальные структуры Лицевого свода в данном случае не содержали ничего, что противоречило бы его нарративным источникам. Лицевой свод отражает конфликт между теми «дворами», которые репрезентировались в более ранней истории как обособленные друг от друга политические единства, только на этот раз конфликт между ними пришлось визуализировать, разъединив первоначально единый образ путешествия, надолго выпавший из истории в программе миниатюристов по непонятным ныне причинам и вновь проявившийся уже в том разъединенном виде, которое он приобрел в опричной России 1566 г.

Список источников и литературы

Акельев. 2022 — Акельев Е.В. Русский Мисопогон. Петр I, брадобритие и десять миллионов «москвитов». М.: НЛО, 2022.

Альшиц. 1947 — Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. М.: Институт истории АН СССР, 1947. Т. 23. С. 251–289.

Амосов. 1998 — Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1998.

Анисимова. 2009 — Анисимова Т.В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М.: Индрик, 2009.

Арциховский. 2004 — Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004.

Белов. 2023 — Белов Н.В. «Они же собрашася, и поидоша Волгою...»: Казанский поход князя Семена Микулинского глазами русского воина XVI века // Московский журнал. История государства Российского. 2023. № 2 (386). С. 67–79.

Белякова, Белякова, Емченко. 2011 — Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011.

Бессуднова. 2016 — Бессуднова М.Б. Реалии Ливонской войны в показаниях русских военнопленных. Дюнабург, год 1577 // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1 (19). С. 38–45. DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.104.

БЛДР. (13) — Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. Т. 13.

Бобров. 2016 — Бобров А.Г. «Рука Москвы»: Правка текста в Синоподальном списке Новгородской первой летописи // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 140–163.

Виноградов. 2022 — Виноградов А.В. Путивль в сношениях России с Крымским ханством в XVI в.: (по материалам Посольского приказа) // Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.): сборник статей и материалов / ред.-сост. А.И. Раздорский; редколл.: В.Н. Захаров и др. М.: Старая Басманная, 2022. С. 18–45.

Герберштейн. 2008. (2) — Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / пер. с лат. и нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко; под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 2.

Горсей. 1990 — Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. / под ред. В.Л. Янина; пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Гурлянд. 1900 — Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль: Типография Губернского правления, 1900.

Ерусалимский. 2022 — Ерусалимский К.Ю. Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому: от рукописной традиции к биографии царя // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 56 (2022): Issue 4 (Nov 2022): Special Issue: “Enrich and Enlighten Them All the More by the Precision of Your Speech”: A Collection of Articles in Honour of Boris N. Morozov. Part 1. P. 409–432. <https://doi.org/10.30965/22102396-05604004>

Жуков. 2012 — Жуков А.Е. Временник русский по степеням // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012 / ред. О.Л. Новикова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 275–448.

Зайцев. 2011 — Зайцев И.В. «Таусалам»: из истории золотоордынского дипломатического церемониала // Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / под ред. С.Г. Кляшторного и др. М.: «Восточная литература» РАН, 2011. С. 180–187.

Каштанов. 2014 — Каштанов С.М. К изучению лицевого летописного свода Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 2011 год. М.: Наука, 2014. С. 57–79.

Клосс. 2018 — Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018.

Корзинин. 2023 — Корзинин А.Л. Великая княгиня Литовская и королева Польская Елена Ивановна (1495–1513) и ее двор // Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках / под ред. А.Л. Корзинина. М.; СПб.: Наука, 2023. С. 316–377.

Кром. 2010 — Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI в. М.: НЛО, 2010.

Курбский. 2015 — Курбский А.М. История о делах великого князя московского / отв. ред. Ю.Д. Рыков; сост. К.Ю. Ерусалимский; пер. с древнерусского А.А. Алексеев. М.: Наука, 2015.

ЛЛС. (15–23) — Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история / подг. транслитерации, пер. с древнерус. яз. Е.Н. Казакова, М.М. Панкова, Е.И. Серебрякова, В.В. Морозов; концепция изд. Х.Х. Мустафин. Кн. 15. 1460–1474 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014; Кн. 16. 1475–1482 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014; Кн. 17. 1483–1502 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014; Кн. 18. 1503–1527 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014; Кн. 19. 1528–1541 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014; Кн. 20. 1541–1551 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014; Кн. 21. 1551–1553 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014; Кн. 22. 1553–1557 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014; Кн. 23. 1557–1567 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014.

Лурье. 1989 — Лурье Я.С. Стефан Бородатый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Л.: Наука, 1989. С. 416–417.

Матасова. 2017 — Матасова Т.А. Софья Палеолог. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2017.

Матасова. 2023 — Матасова Т.А. Великая княгиня Московская Софья Палеолог (1472–1503) и ее окружение // Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках / под ред. А.Л. Корзинина. М.; СПб.: Наука, 2023.

Матасова. 2023а — Матасова Т.А. Образ Софьи Палеолог в памятниках XVI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2. С. 126–139. DOI 10.25986/IRI.2023.92.2.011

Мельник. 2018 — Мельник А.Г. Богомолья царя Ивана Грозного // Сообщения Ростовского музея. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2018. Вып. 23. С. 61–70.

Морозов. 2005 — Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М.: Индрик, 2005.

Некрополь. 2018. (3:1) – Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований: В 4 т. Т. 3. Погребения XVI — начала XVII века. Ч. 1 / отв. ред. Т.Д. Панова. М.: ФГБУК «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», 2018.

Новикова. 2001 — Новикова О.Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 214–254.

Новикова. 2008 — Новикова О.Л. Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в. //

Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 172–234.

Новикова. 2017 — Новикова О.Л. «Хроника Георгия Синкелла» в произведениях русских авторов второй половины XV — начала XVI века // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2017. Вып. 20. С. 39–51.

Описи. 1960 — Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 588 (М.П. Погодин). Оп. 2. № 1444.

Панова. 2002 — Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М.: ФГУ «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”, 2002.

ПИГАК — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / отв. ред. Д.С. Лихачев; подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1993.

ПЛ. (1-2) — Псковские летописи. Вып. 1-2 / пригот. к печати А.Н. Насонов. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941, 1955.

Подобедова. 1965 — Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: к истории русского лицевого летописания. М.: Наука, 1965.

Пономарева. 2012 — Пономарева И.Г. Великокняжеский дьяк Стефан Никифорович Бородатый // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 120–128.

Преображенский. 2010 — Преображенский А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI — начало XVI века. М.: Северный паломник, 2010.

Протасьева. 1974 — Протасьева Т.Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи. (Син. № 962) // Летописи и хроники: Сборник статей 1973 г. Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова. М.: Наука, 1974. С. 271–285.

ПСЛР. (8, 12, 13, 20, 26, 29, 31, 34, 37, 43, 45) — Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. Т. 8; СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. Т. 12; СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. Т. 13. Ч. 2; М.: ЯСК, 2005. Т. 20; М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 26; М.: Наука, 1965. Т. 29; М.: Наука, 1968. Т. 31; М.: Наука, 1978. Т. 34; Л.: Наука, 1982. Т. 37; М.: ЯСК, 2004. Т. 43; СПб.:

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. Т. 45.

Пушкарева, Белова, Мицюк. 2021 — Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А. Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: НЛО, 2021.

РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. № 11 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. № 11.

РГАДА. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. № 5 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. № 5.

РГАДА. Ф. 375 (Исторические сочинения). Оп. 1. № 1. — Российский государственный архив древних актов. Ф. 375 (Исторические сочинения). Оп. 1. № 1.

РГАДА. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Оп. 1. № 3. — Российский государственный архив древних актов. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Оп. 1. № 3.

РК 1605. (1: 2) — Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н.Г. Савич, Л.Ф. Кузьмина; под ред. и с предисл. В.И. Буганова, Н.М. Рогожина. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1977. Т. 1. Ч. 2.

РК 1636. (1) — Разрядная книга 1550–1636 гг. / сост. Л.Ф. Кузьмина. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1975. Т. 1.

Савосичев. 2015. (1) — Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи. Дисс... д.и.н. Орел, 2015. Т. 1.

Сизов. 1974 — Сизов Е.С. К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М.: Наука, 1974. С. 126–140.

Сиренов. 2010 — Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010.

СИРИО. (38, 129) — Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1883. Т. 38; СПб.: Товарищество “Печатня С.П. Яковлева”, 1910. Т. 129.

Тихомиров. 1979 — Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979.

Уханова. 2010 — Уханова Е.В. Водяные знаки Лицевого летописного свода // Лицевой летописный свод XVI века. Русская

летописная история. Сопроводительный том. М.: ООО Фирма «АК-ТЕОН», 2010. С. 382–402.

Шапиро. 2021 — Шапиро Б.Л. Русский всадник в парадигме власти. М.: НЛО, 2021.

Шмидт. 1951 — Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 7. С. 254–299.

Шмидт. 1975 — Шмидт С.О. О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л.В. Черепнина. М.: Наука, 1975. С. 305–310.

Штаден. 2008. (1) — Штаден Г. Записки о Московии / публ. нем. текста Е.Е. Рычаловский; перев. С.Н. Фердинанд; ред. перевода Е.Е. Рычаловский, при участии А.Л. Хорошкевич. М.: Древлехранилище, 2008. Т. 1.

Юрганов. 2019 — Юрганов А.Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской: (1533–1538 гг.). М.: Квадрига, 2019.

Юстен. 2000 — Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. / пер. с фин. Л.Э. Николаева. СПб.: ИЦ «Блиц», 2000.

Die Illustrierte Chronikhandschrift. 2021 — Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit / hrsg. R. Frötschner. Frank und Timme GmbH, 2021.

Kämpfer. 1978 — Kämpfer F. Das russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen: Bongers, 1978.

REFERENCES

Akelyev, Eugene. *Russian Misopogon. Peter I, barbering and 10 million "Muscovites"*. Moscow: NLO, 2022. (in Russian).

Alshits, Daniil. "Ivan the Terrible and glossae to the Illustrated chronicles of the period". In *Istoricheskiye zapiski*. Vol. 23, 251–289. Moscow: Institut istorii AN SSSR, 1947. (in Russian).

Amosov, Aleksander. *Ivan the Terrible's Great Illustrated Chronicle. Complex codicological research*. Moscow: Editorial URSS, 1998. (in Russian).

Anisimova, Tatyana. *George Hamartolos chronicle in the 14th–17th Centuries Old-Russian copies*. Moscow: Indrik, 2009. (in Russian).

Artsikhovskii, Artemiy. *Old-Russian miniatures as historical sources*. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers, 2004. (in Russian).

Belov, Nikita. “They assembled, and they went along the Volga...’: The Kazan campaign of Prince Semen Mikulinskii in the eyes of a Russian warrior in the 16th century”. In *Moskovskii Journal. History of the Russian state*, no. 2 (386) (2023): 67–79. (in Russian).

Belyakova, Elena, Belyakova, Nadezhda, Emchenko, Elena. *Woman in Orthodox Church: Canonical law and its Russian practice*. Moscow: Kuchkovo pole, 2011. (in Russian).

Bessudnova, Marina. “The realities of the Livonian War. Dünaburg, 1577”. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no 1 (19) (2016): 38–45. DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.104. (in Russian).

Bobrov, Aleksander. “The hand of Moscow”: Editorial interventions in the Synod copy of the First Novgorodian chronicle”. In *Trudy ot dela drevnerusskoi literatury*. Vol. 64, 140–163. Saint Petersburg: Rostok, 2016. (in Russian).

Erusalimskii, Konstantin. “Ivan Groznyi's First Letter to Andrei Kurbskii: From the Manuscript Tradition to the Tsar's Biography”. In *Canadian-American Slavic Studies*, vol. 56 (2022): Issue 4 (Nov 2022): Special Issue: “Enrich and Enlighten Them All the More by the Precision of Your Speech”: A Collection of Articles in Honour of Boris N. Morozov. Part 1: 409–432. <https://doi.org/10.30965/22102396-05604004> (in Russian).

Frötschner, Reinhard, Hg. *Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyi. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Frank und Timme GmbH, 2021. (in German).

Gurlyand, Ilya. *Post service in Muscovite state until the end of the 17th century*. Yaroslavl: Tipografiia Gubernskogo pravleniia, 1900. (in Russian).

Herberstein, Sigismund. *Rerum moscoviticarum commentarii*. In 2 vol., ed. By Anna Khoroshkevich, transl. from German and Latin to Russian by Aleksander Malein, Aleksander Nazarenko. Vol. 2. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2008. (in Russian).

Horsey, Jerome. *On Russia, 16th and early 17th centuries*, transl. from English to Russian by Alla Sevastyanova; ed by Valentin Yanin. Moscow: Izd. MGU, 1990. (in Russian).

Juusten, Paavali. *Embassy to Muscovy, 1569–1672*, transl. from Finnish to Russian by Lev Nikolaev. Saint Peterburg: Blitz, 2000. (in Russian, Finnish).

Kämpfer, Frank. *Das russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen*. Recklinghausen: Bongers, 1978. (in German).

Kashtanov, Sergei. "A Study of Ivan the Terrible's Great Illustrated Chronicle". In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2011 god*, 57–79. Moscow: Nauka, 2014. (in Russian).

Kloss, Boris. *Nikon Chronicle and Russian annals, 16th–17th centuries*. Moscow: Kwadriga, 2018. (in Russian).

Korzinin, Aleksander. "Great Princess of Lithuania and Queen of Poland Elena Ivanovna and her court, 1495–1513". In *Russian princesses and their courts in 11th–16th centuries*, ed. by Aleksander Korzinin, 316–377. Moscow; Saint Petersburg: Nauka, 2023. (in Russian).

Krom, Mikhail. "*Widowed tsardom*": *Political crisis in Russia in 1530s — 1540s*. Moscow: NLO, 2010. (in Russian).

Kurbskii, Andrei. *History of Great Duke of Moscow's deeds*, ed. by Yurii Rykov, Konstantin Erusalimskii; transl. from Old-Russian to Russian by Anatolii Alekseev. Moscow: Nauka, 2015. (in Russian).

Lurje, Yakov. "*Stefan Borodatyi*", *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Part 2: Second half of the 14th–16th centuries, 416–417. Leningrad: Nauka, 1989. (in Russian).

Matasova, Tatyana. "Image of Sofia Palaiologina in the monuments of the 16th century". In *Drevniia Rus'. Voprosy medievistiki*, no 2 (2023): 126–139. DOI 10.25986/IRI.2023.92.2.011 (in Russian).

Matasova, Tatyana. Great Princess of Moscow Sofia Paleolog (1472–1503) and her circle, In *Russian princesses and their courts in 11th–16th centuries*, ed. by Aleksander Korzinin, 262–315. Moscow; Saint Petersburg: Nauka, 2023. (in Russian).

Matasova, Tatyana. *Sofya Paleolog*, 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiia, 2017. (in Russian).

Melnik, Aleksander. "Tsar Ivan the Terrible's pilgrimages". In *Soobshcheniia Rostovskogo muzeia*. Vyp. 23, 61–70. Rostov: Rostovskii Kreml, 2018. (in Russian).

Morozov, Valentin. *The Great Illustrated Chronicle in the context of the 16th century*. Moscow: Indrik, 2005. (in Russian).

Novikova, Olga. "'George Syncellus Chronicle' in the works of Russian authors of the second half of the 15th — early 16th centuries". In *Vestnik "Alians-Arkheo"*. Vyp. 20, 39–51. Moscow; Saint Petersburg, 2017. (in Russian).

Novikova, Olga. "Cell annalistic at the Cyrill Beloozero monastery in the first half of the 16th century". In *Letopisi i khroniki. Nove issledovaniia*. 2008, 172–234. Moscow; Saint Petersburg: Alians-Arkheo, 2008. (in Russian).

Novikova, Olga. "On the second version of the so called Solovetskii chronicle". In *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi. Solovetskii monastyr'*, 214–254. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001. (in Russian).

Panova, Tatyana, ed. *Necropolis of Russian Grand Princesses and Tsarinas at the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin. Research materials*. In 4 vol. Vol. 3. The 16th — early 17th centuries burials. Part 1. Moscow: Moskovskii Kreml, 2018. (in Russian).

Panova, Tatyana. *Necropolis of the Moscow Kremlin*. Moscow: Moskovskii Kreml, 2002. (in Russian).

Podobedova, Olga. *Miniatures of the Russian historical manuscripts: A study of Russian illustrated chronicles*. Moscow: Nauka, 1965. (in Russian).

Ponomareva, Irina. "The dyak of Great Prince, Stefan Nikiforovich Borodatyi". In *Voprosy istorii*, no 3 (2012): 120–128. (in Russian).

Preobrazhenskii, Aleksander. *Donor portraits of Medieval Russia: 11th — early 16th centuries*. Moscow: Severnyi palomnik, 2010. (in Russian).

Protasieva, Tatyana. "On the miniatures of the Nikon chronicle: (Synod coll. No 962)". In *Letopisi i khroniki. Sbornik statei 1973 g. Posviashchen pamiati Arseniia Nikolaevicha Nasonova*, 271–285. Moscow: Nauka, 1974. (in Russian).

Pushkareva, Natalia, Belova, Anna, Mitsiuk, Natalia. *Sweeping away the prohibitions. Essays in Russian sexual culture, 11th–20th centuries*. Moscow: NLO, 2021. (in Russian).

Savosichev, Andrei. *Scribes and clerks in the 14th–16th centuries: origins and social relations*. Doctor of historical sciences dissertation. Orel, 2015. Vol. 1. (in Russian).

Schmidt, Sigurd, ed. *Inventory of the 16th century Tsar's archive, and the Inventory of the Posolskii prikaz, 1614*. Moscow: Izd. Vostochnoi literatury, 1960. (in Russian).

Schmidt, Sigurd. "On the date of the editorial corrections of the Great Illustrated Chronicle". In *Obshchestvo i gosudarstvo feodalnoi Rossii. Sbornik statei, posviashchennyi 70-letiiu akademika L.V. Cherepnina*, 305–310. Moscow: Nauka, 1975. (in Russian).

Schmidt, Sigurd. "The continuation of the Chronicle of 1512". In *Istoricheskii arkhiv*. Vol. 7, 254–299. Moscow: Izd. AN SSSR, 1951. (in Russian).

Shapiro, Bella. *Russian equestrian in the paradigm of power*. Moscow: NLO, 2021. (in Russian).

Sirenov, Alexei. *The book of the grades and Russian historical thought in the 16th–18th centuries*. Moscow; Saint Petersburg: Alians-Arkheo, 2010. (in Russian).

Sizov, Eugene. "On the date of the Shumilov volume of the Great Illustrated Chronicle of the 16th century". In *Problems of paleography and codicology in USSR*, 126–140. Moscow: Nauka, 1974. (in Russian).

Staden, Heinrich von. *On Muscovy*, ed. By Evgenii Rychalovskii, transl. from German to Russian by Svetlana Ferdinand. Vol. 1. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. (in Russian).

Tikhomirov, Mikhail. *Russian chronicles*. Moscow: Nauka, 1979. (in Russian).

Ukhanova, Elena. "Watermarks of the Great Illustrated chronicle". In *Litsevoi letopisnyi svod 16-go veka. Russkaia letopisnaia istoriia. Soprovoditelnyi tom*, 382–402. Moscow: Akteon, 2010. (in Russian).

Vinogradov, Aleksander. "Putivl in the Russian — Crimean relations in the 16th century according to the documents of the Posolskii prikaz". In *Putivl and Putivlians in Russian history and culture, 1500–1925: A collection of articles and materials*, edited by Aleksey Razdorskii et al, 18–45. Moscow: Staraya Basmannaya, 2022. (in Russian).

Yurganov, Andrei. *Political contest during the reign of Elena Glin-skaia, 1533–1538*. Moscow: Kwadriga, 2019. (in Russian).

Zaytsev, Ilya. "'Tausalam': Remarks on history of the Golden Horde diplomatic ceremonies", In *Turkologicheskii sbornik 2009–2010. Turk peoples of Eurasia in Ancient times and Middle Ages*, ed. by Sergei Klyash-tornyi et al, 180–187. Moscow: "Vostochnaya literatura" RAN, 2011. (in Russian).

Zhukov, Artem. "Vremennik russkii in grades". In *Annales and chronicles. New studies. 2011–2012*, ed. by Olga Novikova, 275–448. Moscow; Saint Petersburg, 2012. (in Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси.

ЛЛС — Лицевой летописный свод XVI века.

ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ОСРК — Основное собрание рукописной книги.

ПИГАК — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.

ПЛ — Псковские летописи.

ПСЛР — Полное собрание русских летописей.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РК 1605 — Разрядная книга 1475–1605 гг.

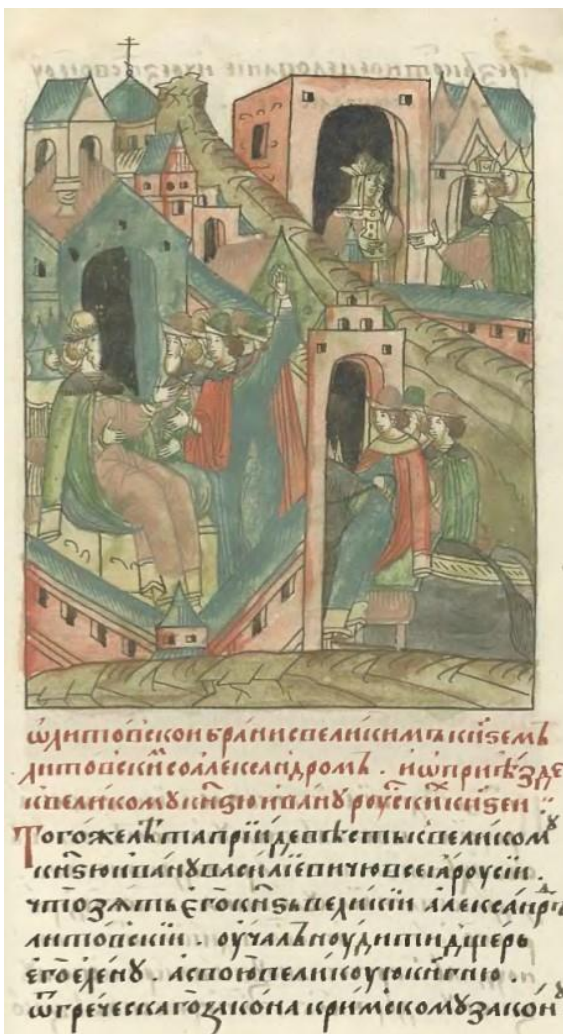
РК 1636 — Разрядная книга 1550–1636 гг.

СИРИО — Сборник Императорского Русского Исторического Общества.

Иллюстрации

Илл. 1. Лицевой свод. Шумиловский том. Л. 148 об. (ЛС. (16): 76.)
Great Illustrated Chronicle. Shumilov volume. F. 148v.

Илл. 2. Лицевой свод. Шумиловский том. Л. 583. (ЛС. (17): 419.)
Great Illustrated Chronicle. Shumilov volume. F. 583.

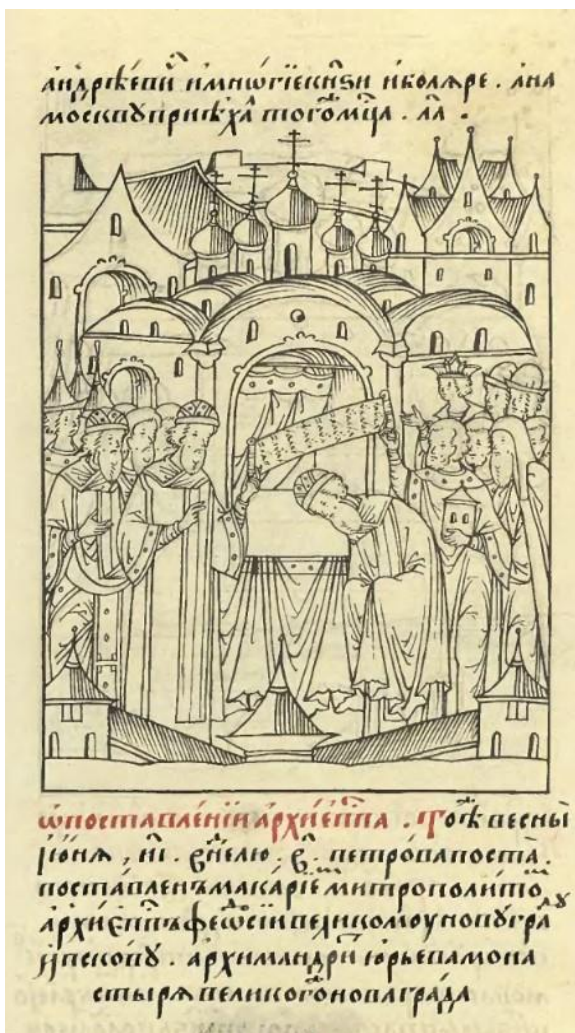

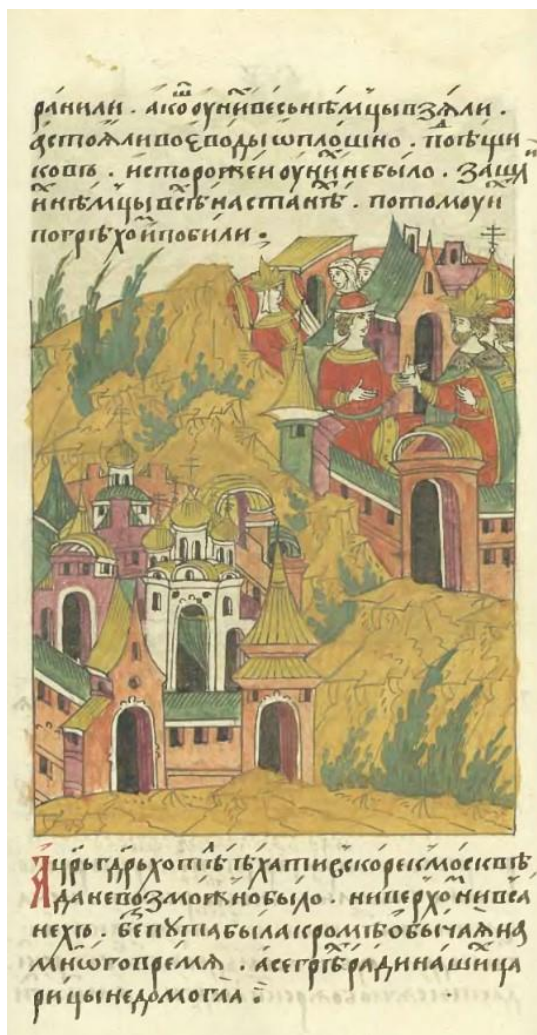
Илл. 3. Лицевой свод. Шумиловский том. Л. 904 об. (ЛС. (19): 62.)
Great Illustrated Chronicle. Shumilov volume. F. 904v.

Илл. 4. Лицевой свод. Шумиловский том. Л. 531 об. (ЛС. (17): 316.)
Great Illustrated Chronicle. Shumilov volume. F. 531v.

Илл. 5. Лицевой свод. Царственная книга. Л. 219 об. (ЛС. (20): 206.)
Great Illustrated Chronicle. Tsar Book. F. 219v.

Илл. 6. Лицевой свод. Синодальный том. Л. 454 об. (МС. (23): 178.)
Great Illustrated Chronicle. Synod volume. F. 454v.

Илл. 7. Лицевой свод. Синодальный том. Л. 584 об. (ЛМС. (23): 438.)
Great Illustrated Chronicle. Synod volume. F. 584v.

Илл. 8. Лицевой свод. Синодальный том. Л. 585. (МС. (23): 439.)
Great Illustrated Chronicle. Synod volume. F. 585.

БЭКОНИАНСКИЙ ДИСКУРС В ВООБРАЖАЕМЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ МАРГАРЕТ КАВЕНДИШ И АФРЫ БЕН

Ключевые слова: «Бэкониианский травелог», воображаемые путешествия, женский травелог, Маргарет Кавендиш, Афра Бен, натуральная философия, бэкониианство.

Аннотация: На протяжении XVII в. в Англии прослеживаются две традиции описания пространства в формате истории графств. Одна восходит к антикварианизму, в котором описание осуществляется за счет наполнения пространства образами прошлого; вторая — к бэкониианству, сторонники которого фиксируют в первую очередь объекты физического мира. Обе традиции описывают передвижение в пространстве в контексте его познания. Однако зачастую отсутствие возможности совершить путешествие в физической реальности вынуждало авторов и в первую очередь женщин, перемещать своих героев в реальность «романтическую». Подобные странствия в вымышленных мирах можно выделить в творчестве Маргарет Кавендиш. Множественность культурных моделей реализована в творчестве М. Кавендиш в образе путешественника, преодолевающего барьеры между мирами, отправляясь к центру Земли в рассказе «Странствующие духи» или попадая в Парадайз в фантастическом романе-утопии «Пылающий мир». Невозможность публикации «бэкониианского травелога» сподвигло и английскую писательницу Афру Бен описать путешествие своей героини в экзотическую страну в виде приключенческого романа «Оруноко». Натурфилософские зарисовки Суринама вплетаются в ее сочинение, знакомя тем самым читателя с устройством этой колонии и демонстрируя авторскую осведомленность о ее природных характеристиках.

Для цитирования: Шпак Г. В. Бэкониианский дискурс в воображаемых путешествиях Маргарет Кавендиш и Афры Бен // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 110–133. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-110-133

G.V. Shpak

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Russian State University for the Humanities
ORCID ID 0000-0001-7669-078X
geo.shpak@gmail.com

BACONIAN DISCOURSE IN THE IMAGINARY TRAVELS OF MARGARET CAVENDISH AND APHRA BEHN

Keywords: "Baconian travelogue", imaginary travel, women's travelogue, Margaret Cavendish, Aphra Behn, natural philosophy, Baconianism.

Abstract: Throughout the 17th century in England, two traditions of describing space in the format of county history can be traced. One goes back to antiquarianism, in which description is carried out by filling space with images of the past; the second – to Baconianism, which primarily fixes the objects of the physical world. Both traditions describe movement in space in the context of its knowledge. However, often the lack of the opportunity to travel in physical reality forced authors, and especially women, to move their heroes into a “romantic” reality. Such wanderings in fictional worlds can be distinguished in the work of Margaret Cavendish, who paid great attention to the problem of the multiplicity of worlds and overcoming boundaries. A demonstration of the plurality of cultural models is realized in the work of M. Cavendish through the image of a traveler who, by his own will or by the will of fate, overcomes the barriers between worlds, going to the center of the Earth in the story “The Travelling Spirits” or ending up in Paradise in the fantasy utopian novel “The Blazing World”. Travel in her work serves as a tool for overcoming imposed behavioral stereotypes, and also acts as a rhetorical device for revealing her natural philosophical and identification models. The impossibility of publishing a “baconian travelogue” prompted the English writer Aphra Behn to describe her heroine’s journey to an exotic country in the form of an adventure story “Orunoko”. Natural philosophical sketches of Suriname are integrated into her work, thereby introducing the reader to the structure of this colony and demonstrating the author's awareness of its natural characteristics.

To cite this article: Shpak, Georgii. “Baconian Discourse in the Imaginary Travels of Margaret Cavendish and Aphra Behn”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 110–133. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-110-133

Received: September 29, 2023

Accepted: October 3, 2023

Традиция травелографических описаний пространства в Англии восходит к середине XVI в., когда выпускнику Кембриджского университета Джону Лиланду (ок. 1503–1552 гг.) было поручено совершить путешествие по Англии, составляя опись хранящихся в монастырских библиотеках книг. Во время поездок он вел записи, где описывал как собственные наблюдения, так и сведения из книг, а также информацию, полученную от местных жителей. Последующие авторы будут называть тетради Лиланда отправной точкой в традиции британской истории графств. Однако они будут изданы только в XVIII в., так что корректнее историю опубликованных травелографических описаний возводить к работе Уильяма Ламбарда (1536–1601 гг.) «Путешествие по Кенту», увидевшей свет в 1576 г. В дальнейшем многие авторы, относящие себя к антиквариям, будут брать путешествие У. Ламбарда за образец, проводя этимологические разборы наименований топонимов, описывая различные полезные ресурсы, социальный состав населения и пр. В подобном ключе будут составлены работы Джона Нордена, Дж. Стоу, Ричарда Кэрю и пр.

Антикварий Уильям Бертон в «Описании Лестершира» (1622 г.) о своих предшественниках напишет:

Я решился восстановить должное достоинство своей страны, прежде окутанной мраком, вдохновившись примером мудрых и совершенных, таких как наимудрейший и достойный восхищения антиквар, Уильям Камден, эсквайр, герольдмейстер Кларансе, составивший общий отчет об этом острове; трудолюбивый и достойнейший мистер Джон Спид, который в своей объемной и подробной «Истории Англии» тщательно описал каждое графство и путем многих путешествий и больших затрат украсил их картами и планами каждого из городов, чего никто не предпринимал прежде; и многие другие, описавшие ряд графств — серьезный и мудрый адвокат Уильям Ламбард, эсквайр Линкольнс-Инна, доставший из глубины древности на поверхность графство Кент; красноречивый и благородный джентльмен Ричард Кэрю, тщательно обследовавший Корнуолл; превосходный геодезист Джон Норден, джентльмен,

описавший графства Мидлсекс и Хартфордшир, составивший картографические таблицы некоторых западных графств и прекрасную перспективу лондонского Сити¹.

Как мы видим, в этом перечислении нет ни одного женского имени.

Географические открытия второй половины XVI — начала XVII вв. внесут свою лепту в восприятие травелографического текста, как оперирующего эмпирическими фактами, что бросит вызов традиционному представлению о превосходстве текстов прошлого в познании мира над персональными наблюдениями. Эвристический потенциал путешествий будет отмечен в заметках британских философов О. Фэлтхама и Ф. Бэкона. Оуэн Фэлтхам в 1620 г. в эссе «О путешествии» напишет: «Нет карты, подобной личному осмотру страны. Опыт — лучший советчик, и одно путешествие может дать человеку больше, чем любые описания»². Суждение о превосходстве эмпирического знания соотносится с знаменитым утверждением Ф. Бэкона:

Разве можно не считаться с тем, что дальние плавания и путешествия, которые так участились в наше время, открыли и показали в природе множество вещей, проливающих новый свет на философию. И конечно, было бы стыдно, если бы, в то время как границы материального мира — земли, моря и звезд — так широко раздвинулись, разум продолжал оставаться в тесных пределах того, что было открыто древними³.

В заметке Ф. Бэкона «О путешествии» (1625 г.) превосходство эмпирического познания реальности будет выражена столь же явно⁴.

---

1 **Burton.** 1777: III.

2 **Faltham.** 1840: 195.

3 **Бэкон.** 1977: 19.

4 **Бэкон.** 1978: 390–391.

Заступаясь за изыскания в области натурфилософии и их практическое назначение, М. Кавендиш в произведении «Олио мира» (1655 г.), использует метафору путешествия. Она вспоминает открытия мореплавателей, которые, несмотря на критику и насмешки современников, смогли открыть новые земли. Этот общеизвестный факт позволяет ей предположить, что в природе есть еще много скрытого: «Но невежественные и неокрепшие умы считают все неизвестное им — невозможным»⁵. Путешествие столь прочно ассоциируется с познанием, что в некоторых аллегориях писательница буквально сопоставляет путешественника со странствующей мыслью. В «Аллегории XVIII» в «Олио Мира» Маргарет Кавендиш сравнивает мозг с лесом, по которому странствуют мысли:

Мозг подобен лесу, а мысли — путникам, странствующим по нему, прокладывая пути и дороги. Когда мозг очень сух из-за горячих паров печени, возникает такая пыль пустых фантазмов, что затуманивает взор истины. Когда мозг влажен из-за холодных паров, происходящих из-за плохо работающего желудка, образуется такое болото невежества, что мысли тонут в нем и с трудом могут выбраться. Но когда погода здоровья хорошая, тогда есть и удовольствие, и восторг⁶.

Подобная аллегория встречается и в ее более раннем стихотворении 1653 г. «О странствующей мысли», в котором мысль для совершенствования своих знаний отправляется в путешествие по регионам мозга. М. Кавендиш использует риторические приемы травелога, аллегорически обыгрывая отдельные феномены: обувь путешественника — надежда, головной убор — любопытство, плащ — терпение, а также соотносит реальные образы и эпистемические добродетели —

---

5 Cavendish. 1655.

6 Ibid.

разбитая дорога ведет к заблуждениям, леса предвещают забвение и т. д.⁷.

Несмотря на то, что в жизни М. Кавендиш приходилось менять города и страны, мы не найдем в ее опубликованных работах документальных путевых заметок, хотя она и рассуждает о трудностях, с которыми приходится сталкиваться женщинам во время путешествий. В одном из «Общественных писем», опубликованных в 1664 г. и адресованных воображаемой собеседнице, М. Кавендиш высказывает свои суждения касательно женских путешествий. Она замечает, что ее эпоха намного более располагает к женским путешествиям чем предыдущая, но все же женщины во всем зависят в них от своих мужей:

Мадам, я слышала, что многие благородные лорды со своими дамами отправились в Ф. Это показывает, что в нашу эпоху есть много добрых мужей, потому что обычно, когда мужья путешествуют, они оставляют жен дома, считая их обузой в путешествиях, а хлопоты, связанные с ними большими, чем удовольствие от их компании⁸.

Однако она не считает, что в других странах условия столь же хороши:

Я полагаю, что женские путешествия существуют только в этой стране, а не у других наций, поскольку наши соотечественники становятся более добрыми мужьями, чем мужчины других наций⁹.

Женский пол все еще зависим от покровителей — супругов или братьев. Однако политические невзгоды вынудили многих женщин самостоятельно распоряжаться своей судьбой:

После наших войн некоторые были вынуждены путешествовать в дальние страны, будучи изгнанными из своей родной, а жены

---

7 Cavendish. 1653.

8 Cavendish. 2012: 107.

9 Ibidem.

изгнанных мужчин вынуждены были путешествовать к своим семьям и обратно в поисках средств к существованию¹⁰.

Маргарет Кавендиш, будучи супругой Уильяма Кавендиша, лично претерпела подобные невзгоды, ведь ей пришлось оставлять его и отправляться в Лондон, пытаясь уладить дела с поместьями. Тем не менее в ее письме звучит идея прогресса, воплощенная в доступности путешествий для женщин, ведь в ее век «больше женщин путешествуют из-за моды (*Fashions sake*), чем по нужде; для развития (*breeding*), а не в поиске хлеба; за компанию, а не по необходимости. Они больше тратят на праздные путешествия, чтобы увидеть чужие народы, чем иные могут заработать¹¹.

И все же она признает, что все еще большое количество женщин не могут себе позволить этого. К ним относятся «путешествующие на свою родину и к близким родственникам, ведь они путешествуют не ради наблюдений, а в поисках пропитания, не для веселья, а в слезах, их умы затуманены печалью, пока они плывут по опасному морю на барках или деревянных кораблях, гонимых порывистым ветром, рискуя жизнью не ради развлечения и моды, а ради любви и милости»¹².

И хотя ни в одном из своих произведений М. Кавендиш не приводит автобиографических подробностей своих путешествий, персонажи ее сочинений отправляются в самые труднодоступные места мира, а путешественники размышляют над своей судьбой. В 1662 г. из печати вышел сборник воображаемых речей М. Кавендиш. В «Речи о зарубежных путешествиях молодых джентльменов» она пишет о плюсах и минусах странствий, утверждая, что далеко не всем путешествие

---

10 Ibidem.

11 Ibidem.

12 Ibidem.

может принести пользу. Обращаясь к благородным гражданам, она осуждает предвзятое мнение о том, что их сыновья останутся неучами, если не отправить их в путешествие, «чтобы они могли увидеть и понять моды, обычаи и нравы мира, с помощью которых они смогут лучше познать самих себя и научиться судить других»¹³. Однако, по ее словам, «наши молодые люди в этом веке не получают от своих путешествий ничего кроме тщеславия и порока, делающего их дураками»¹⁴. Основную проблему зарубежных путешествий М. Кавендиш видит в том, что они развращают молодежь:

правда в том, что они уходят из своей собственной страны благовоспитанными людьми, а возвращаются грубыми животными, такими как обезьяны, козы и свиньи, а некоторые возвращаются лисами, их путешествия превращают их из людей в животных; а что касается изучения других языков, позвольте заметить, что они узнают больше слов, чем смысла, из-за чего они говорят много, но не хорошо¹⁵.

Отмечая, как редко в действительности путешествие приносит пользу, М. Кавендиш предлагает поставить его под контроль:

по этой причине я считаю наиболее необходимым и уместным, чтобы никто не путешествовал без разрешения государственного или общественного совета, а по возвращении должен был отчитываться перед государственным и общественным советом о своих поездках и преимуществах, которые они извлекли. Таким образом, их путешествия были бы выгодны как им самим, так и их стране, став яслями и школой для воспитания молодежи¹⁶.

Сложно однозначно сказать, насколько серьезна была М. Кавендиш, рассуждая о необходимости контроля над

---

13 Cavendish. 1662: 74.

14 Ibidem.

15 Ibidem.

16 Ibid: 75.

молодыми путешественниками. В своих воображаемых речах она вполне могла иронично обыгрывать современные ей клише. По крайней мере она не скрывала своей иронии в пьесах и рассказах.

В одной из речей, включенной в тот же сборник 1662 г., она обыгрывает «предсмертную речь иностранного путешественника», добавляя в нее театральности:

Дорогие друзья, я путешествовал в дальние края, видел многое в мире, объехал весь свет, но теперь я отправлюсь в путешествие за пределы мира, откуда я не принесу никаких вестей, и не вернусь, чтобы рассказать свою историю¹⁷.

Перед лицом божественного суда путешественнику приходится оправдывать свое увлечение, которое многие, по его словам, могут посчитать атеистическим. Герой заявляет о бесстрашии путешественников, которые «не боятся смерти, иначе они не рисковали бы своей жизнью так часто»¹⁸. Путешественники мужественны как войны, предельно честны и справедливы, «если только они не торговцы»¹⁹. Об отношении их с Богом сказано, что «из всех людей путешественники имеют больше всего причин поклоняться Богу, и делать это усерднее всех, потому что они видят большинство его чудесных творений, свидетельствующих о его могуществе, мудрости и величии, которые заставляют его творения восхищаться им, восхвалять его, и бояться его»²⁰. В этой речи слышен близкий протестантской этике дух, превозносящий утилитаризм знания и индивидуализм религиозного созерцания.

---

17 Ibid: 136.

18 Ibid: 137.

19 Ibidem.

20 Ibidem.

Отсутствие реальных путевых заметок в творчестве Маргарет Кавендиш с лихвой компенсируют воображаемые путешествия, которые служили и для выражения эпистемологических представлений автора. Герой ее небольшой новеллы «Странствующие духи», включенной в сборник «Картины природы» (1656 г.), отправляется к центру Земли, оставив свое тело спящим в доме ведьмы. В центре Земли ему встречается некий старик, называющий себя братом Адама, который рассказывает о различных природных явлениях — подземных водах, морской соли, происхождении золота и пр., критикуя усилия химиков, пытающихся создать Философский камень²¹.

Героини отправляются в путешествие и в фантастическом романе М. Кавендиш «Пылающий мир» (1666 г.). В произведении путем диалогов представителей научных сообществ с императрицей показаны натурфилософские представления того времени на самые разнообразные темы. В одном из эпизодов души двух героинь отправляются из утопического мира в родной мир автора «так же легко, как две мысли и, что примечательно, в одно мгновение они увидели все его части и все действия всех населяющих его существ»²². Императрица стремилась во время путешествия зафиксировать все важные детали:

Душа Императрицы особенно много внимания уделяла действиям людей различных наций и частей мира, и дивилась, что у всех людей существует так много разных наций, правительств, законов, религий, мнений и т.д., но все они схожи в своем честолюбии, гордости, самонадеянности, тщеславии, расточительности, лживости,

---

21 Перевод см. в приложении.

22 Cavendish. 1668.

завистливости, злонамеренности, несправедливости, мстительности, нерелигиозности, враждебности и т.д.²³

Героини посещают Лондон и здание театра, владения супруга М. Кавендиш Уильяма, а также некоторые объекты природы:

Проходя Шервудский лес, душа Императрицы была ужасно довольна, так как это было сухое, равнинное и лесистое место, в котором очень приятно путешествовать как зимой, так и летом, потому что оно никогда не бывает ни грязным, ни пыльным²⁴.

Описания путешествий, акцентирующие внимание на объектах живого мира, будут широко представлены в виде естественных историй графств. Начало этой традиции было заложено Джошуа Чилдреем в 1660 г., опубликовавшим работу «*Britannia Vasconica*». В предисловии Д. Чилдрея сказано:

Моя цель — служить Содружеству ученых (*Commonweath of Learning*), нуждающемуся в том, чтобы такие истории были написаны, став надежным фундаментом для выстраивания аксиом, делающих нас настоящими учеными (*true Schollars*) и сведущими в философии людьми. Насколько мог, я следовал заветам моего учителя, лорда Бэкона, и в знак признательности за свет, озаривший начало моего пути, дал книге название «*Britannia Vasconica*», к тому же этот труд послужит дополнением к общему каталогу историй, о котором идет речь в конце его «Нового Органона»²⁵.

В данной традиции будут написаны истории графств Р. Плота, Дж. Обри и др. А Роберт Бойль составит инструкцию с алгоритмом фиксации образов реальности в бэкониианском ключе.

Ни М. Кавендиш, ни А. Бен не опубликовали подобной истории графства с натурфилософскими описаниями, однако включали их в свои воображаемые путешествия. Примером

---

23 Ibid.

24 Ibid.

25 Childrey. 1662.

может служить приключенческий колониальный роман Афры Бен «Оруноко», опубликованный в 1688 г. Писательница рассказывает нам о судьбе чернокожего принца Оруноко, доставленного в британскую колонию Суринам и поднявшего восстание рабов, сражаясь за свою свободу. Потерпев поражение, он был вынужден умертвить свою беременную супругу и, не имея сил поступить также с собой, попал в руки белых колонизаторов, которые подло казнили его, что и являлось окончанием произведения. В обращении к Лорду Мэйтленду А. Бен утверждает, что ее произведение полностью достоверно:

Если какие-то вещи и покажутся вам сказочными (*Romantick*), умоляю, Ваша светлость, учесть, что эти страны во многом настолько отличны от наших, что тут встречаются невероятные чудеса, по крайней мере, такими они предстали перед нами в своей новизне и необычности²⁶.

Героиня подробно расписывает географические и природные характеристики Суринама. Она сообщает, что хотя размеры этой страны в точности неизвестны, одни говорят, что она простирается вплоть до Китая, другие, что до Перу. О погоде она пишет — «всегда весна, всегда апрель, май, июнь», с чем связано обильное плодородие этой земли: «померанцы, лимоны, цитроны, фиги, мускатные орехи и благородные ароматические деревья»²⁷.

Она описывает свойства древесины и возможности ее использования. Смола идет на производство свечей, из кедра строятся дома и т.д. В духе бэконинского травелога она описывает и животных. О встретившимся ей броненосце (*an Armadilly*), она пишет:

---

26 Ben. 1688,

27 Ibid: 150.

я могу сравнить его разве что с носорогом, поскольку на нем белая броня, прилегающая так, что он может двигаться свободно, будто на нем совсем ничего нет. Величиной же он с шестинедельную свинью²⁸.

Она сообщает нам и о других обитателях этой страны. Говоря о том, что колонисты выменивают у жителей этой страны рыбу, дичь, буйволиные шкуры и небольшие диковины (*little Rarities*), она приводит описания обезьянки-мармозетки (*Marmosets*): «разновидность обезьян размером с крысу или с хорька, но гораздо деликатнее, а лицом и ручками напоминает человека»; кушери — «зверек, внешне подобный льву, но размером с котенка, сложенный так же, как царь зверей, но только меньше»²⁹, упоминает необычных птиц, гигантских змей, насекомых, цветы всевозможных оттенков и пр. Автор приводит и натурфилософские описания необычных феноменов. Так, она рассказывает об электрическом угре (*a Numb Eel*), электрические свойства которого были на тот момент еще неизвестны. Она сообщает о том, что любой, кто пытается его схватить цепенеет и может упасть замертво. Причину этого она видит в том, что он «так холоден (*has a quality so Cold*), что стоит ему только коснуться наживки, как оцепенение находит на рыбака любого пола, даже использующего удилице с длинной леской, и он временно лишается чувств»³⁰. Не меньший интерес представляют и ее описания индейцев и их языка, который, согласно словарям, соответствовал реальному языку их общения³¹.

Из-за обилия травелогографических зарисовок образов природы некоторые исследователи предполагают, что в описаниях А. Бен опиралась на инструкцию для

---

28 Ibid: 151.

29 Ibid: 4.

30 Ibid: 164.

31 Бен. 2023.

путешественников, опубликованную Р. Бойлем³². Джуди Хайден пишет, что издание документального отчета о путешествии для женщин этого времени в связи с низким статусом в академическом сообществе было невозможным, что и обусловило выбор данной формы:

Это и мемуары, и во многих смыслах — роман, но это и травелог, в котором дана натуральная история Суринама. Научные описания встроены в текст как строительный раствор между кирпичами истории³³.

Таким образом, и в травелографических описаниях М. Кавендиш и в романе А. Бен мы видим черты бэконского травелога. Отчасти это связано с отсутствием жестких дискурсивных рамок научного текста. Описания могли быть представлены в виде стихов, пьес, травелогов, утопий и пр., но именно ассоциация с документальностью, достоверностью и эмпирическим опытом, позволяла женщинам использовать жанр воображаемого (fiction) травелога для фиксации элементов собственных эпистемологических программ.

---

32 Инструкция для путешественников-натуралистов и последователей Бэкона, устанавливающая в какой последовательности следует фиксировать природные объекты, была опубликована Робертом Бойлем в 1665 г. в журнале «Философские труды Королевского общества». (Boyle. 1665).

33 Hayden. 2013: 123.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бен. 2023 — Бен А. Оруноко, или история царственного раба / перевод и вступ. ст. А. Серебренников // *Иностранная литература*, No. 9. 2023. С. 3–72.

Бэкон. 1977 — Бэкон Ф. Сочинения: в 2 томах / Ф. Бэкон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль. 1977. Т. 1. 567 с.

Бэкон. 1979 — Бэкон Ф. Сочинения: в 2 томах / Ф. Бэкон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль. 1978. Т. 2. 575 с.

Ben. 1668 — Ben A. Oroonoko, or, The royal slave: a true history. London: Printed for Will. Canning ..., 1688. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A27305.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> (12.09.2023).

Boyle. 1665. — Boyle R. General Heads for a Natural History of a COUNTRY, Great or Small, Imparted Likewise by Mr. Boyle // *Philosophical Transactions*, 1665. Vol. 1. P. 186–189.

Burton. 1777 — Burton W. The Description of Leicestershire: Containing Matters of Antiquity, History, Armoury, and Genealogy. W. Whittingham, 1777. 298 p.

Cavendish. 1653 — Cavendish M. Of a Traveling Thought // *Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition*. Ed. Lisa Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/05/02/of-a-traveling-thought/> (07.09.2023).

Cavendish. 1655 — Cavendish M. An Epistle to the Unbelieving Readers in Natural Philosophy / *The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle*. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls ChurchYard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (10.09.2023).

Cavendish. 1662 — Cavendish M. Orations of Divers Sorts Accommodated to Divers Places Written by the Lady Marchioness of Newcastle. London: [s.n.], 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A53051.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> (07.09.2023).

Cavendish. 1668 — Cavendish M. The Description of a New World, Called the Blazing-World. London: Printed by A. Maxwell, 1668. URL: <https://digital.library.upenn.edu/women/newcastle/blazing/blazing.html> (10.09.2023).

Cavendish. 1671 — Cavendish M. Natures picture drawn by fancies pencil to the life being several feigned stories, comical, tragical, tragicomical, poetical, romanical, philosophical, historical, and moral: some in verse, some in prose, some mixt, and some by dialogues / written by ... the Duchess of Newcastle. London: Printed by A. Maxwell, 1671. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-index?c=eebo;idno=A53048.0001.001> (12.09.2023).

Cavendish. 2012 — Cavendish M. Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by James Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. 229 p.

Childrey. 1662 — Childrey J. Britannia Baconica: or, The Natural Rarities of England, Scotland, & Wales. London: Printed for the author, and are to be sold by H. E. at the sign of the Grey-hound in St. Pauls Church-yard, 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A32843.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext> (10.09.2023).

Faltham. 1840 — Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political. London: Pickering, 1840. P. 194–196.

Hayden. 2013 — Hayden J. A Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1750. Farnham: Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 256 p.

REFERENCES

Bacon, Francis. *Works in two vols.* trans. N. Fedorovoy, Ja. Borovskiy. Moscow: Mysl. 1977. Vol. 1. (In Russian).

Bacon, Francis. *Works in two vols.* trans. N. Fedorovoy, Ja. Borovskiy. Moscow: Mysl. 1978. Vol. 2. (In Russian).

Ben, Aphra. “Oroonoko, or, The royal slave: a true history” In *Foreign literature*. Trans. by A. Serebrennikov. No. 9 (2023): 3-72. (In Russian).

Ben, Aphra. “Oroonoko, or, The royal slave: a true history”. London: Printed for Will. Canning (1688), <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A27305.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext>

Boyle, Robert. “General Heads for a Natural History of a Countrey, Great or Small, Imparted Likewise by Mr. Boyle” In *Philosophical Transactions*, Vol. 1, 1665: 186–189.

Burton, William. "The Description of Leicestershire: Containing Matters of Antiquity, History, Armoury, and Genealogy". W. Whittingham, 1777.

Cavendish, Margaret. "Of a Traveling Thought". *Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition*. Ed. by Liza Blake, <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/05/02/of-a-traveling-thought/>

Cavendish, Margaret. "An Epistle to the Unbelieving Readers in Natural Philosophy" In *The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle*. London, printed for J. Martin and J. Allestrye at *The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655*, <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/>

Cavendish, Margaret. "Orations of Divers Sorts Accommodated to Divers Places Written by the Lady Marchioness of Newcastle" London, [s.n.], 1662, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A53051.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext>

Cavendish, Margaret. "The Description of a New World, Called the Blazing-World". London, printed by A. Maxwell, 1668, <https://digital.library.upenn.edu/women/newcastle/blazing/blazing.html>

Cavendish, Margaret. "Natures picture drawn by fancies pencil to the life being several feigned stories, comical, tragical, tragi-comical, poetical, romanical, philosophical, historical, and moral: some in verse, some in prose, some mixt, and some by dialogues". London, printed by A. Maxwell, 1671, <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/textidx?c=eebo;idno=A53048.0001.001>

Cavendish, Margaret. "Sociable Letters". Abingon, NY: Routledge, 2012. 229 p.

Childrey, Joshua. "Britannia Baconica: or, The Natural Rarities of England, Scotland, & Wales", printed for the author, and are to be sold by H. E. at the sign of the Grey-hound in St. Pauls Church-yard, 1662, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A32843.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext>

Faltham, Owen. "Resolves, Divine Moral and Political". London: Pickering, 1840: 194–196.

Hayden, Judy. "A Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1750". Farnham: Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 256 p.

Приложение

Кавендиш М. Странствующие духи³⁴.

Один человек обратился к ведьме, умоляя ее помочь, поскольку ему очень хотелось путешествовать (*have a curiosity to travel*): «я хотел бы отправиться туда, куда мне не попасть без Вашей помощи». «Что это за место?» — спросила ведьма. «Мне хочется попасть на Луну» — ответил он. «Но, — возразила ведьма, — только натурфилософы способны на это, ведь они путешествуют по всем планетам, тщательно изучая природу и так усердно и преданно служа ей, что презирают нашего великого учителя Дьявола, и очень сильно мешают нам на нашем пути, однако в основном они путешествуют посредством рассуждений».

«В этом случае, — сказал он, — я хочу отправиться в Рай». «Честно говоря, — сказала она, — я не смогу проводить Вас туда, ведь я так же неопытна в этих вопросах и так же слабо разбираюсь в них, как и натурфилософы, поскольку они верят, что такого царства не существует. Но если Вы так желаете попасть в это царство, Вам следует отправиться к богословам (*the Divines*), которые являются единственными возможными проводниками. Однако следует быть осторожным в их выборе. Одни проведут Вас по очень длинному и труднопроходимому пути, другие — по короткому, но очень прямому и узкому, третьи — по более приятному и легкому. Вы обнаружите, что не только у натурфилософов, но и у богословов бывают споры и разногласия, являющиеся большим препятствием и проблемой для путников. Они показывают, что

---

34 Перевод с издания: Cavendish. 1671: 249-258.

богословы сами не столь совершенны в своих путях. Многие путешественники проходят — кто-то четверть, кто-то половину, а кто-то треть пути, прежде чем повернуть назад и сменить проводника, и это повторяется от гида к гиду, пока они не пройдут их всех, или пока не выбьются из сил. Но в конце концов им придется искать свой путь с того же места, с которого они впервые отправились в путешествие».

«В таком случае, — сказал человек, — доставь меня в Ад». «По правде, — призналась ведьма, — я всего лишь выдающаяся слуга (*but a Servant extraordinary*), не имеющая силы, чтобы отправиться в королевство своего хозяина прежде своей смерти. Хотя путь туда открыт и просторен, а проводники надежны. Тем не менее, будучи прислужницей дьявола (*the Devil's Factor*), оказывающей ему услуги на земле, я могу вызвать оттуда любого, даже самого короля». «В таком случае, — взмолился человек, — проводи меня к центру Земли». «На это я способна, — ответила она, — причем сделаю это так незаметно, что натурфилософы никогда не смогут уследить за нами». Она попросила его войти в дом, так как, по ее словам, перед столь грандиозным путешествием, следовало хорошенько подкрепиться. «Кроме того, — сказала она, — твое тело слишком громоздко, поэтому мы оставим его, чтобы двигаться налегке, став духом». Она вышла, и, вернувшись, принесла блюдо опиума (*a Dish of Opium*), попросив съесть его до конца. Он ел очень усердно, и, когда закончил, его мысли стали настолько тяжелыми, что тело упало в изнеможении, лишившись чувств. Тогда его дух выскользнул, оставив тело спящим.

Так они с ведьмой отправились в путешествие. В пути он обнаружил, что климат был очень неумерен — то слишком жарким, а то, наоборот, чересчур холодным. В пути они встретили много разнообразного. Им попадались чудовищно

громадные горы человеческих и животных костей, лежащих вперемешку друг с другом. Затем он увидел огромное море крови, вытекающей из убитых тел, чьи воды казались очень беспокойными. «В чем причина этого?» — спросил он. «В насильственной смерти», — ответила ведьма. Им попадались и другие моря крови, казавшиеся столь спокойными, что не было ни одной волны. Тогда он спросил: «Отчего море здесь так спокойно?». «Это кровь тех, кто умер мирно», — ответила она. Затем он спросил: «Где кровь других существ, таких как звери, птицы, рыбы и им подобные?». Она ответила: «Среди человеческой крови, ибо земля не знает различий».

Далее они прошли через самое приятное место, являвшееся, по ее словам, хранилищем природы (*the Storehouse of Nature*), где были представлены формы и субстанции всех фруктов, цветов, деревьев и любых овощей, но все они были мутного цвета. Он собрал несколько фруктов, чтобы попробовать их, но они не имели вкуса. Тогда он собрал несколько цветов, но они не имели запаха. «В чем причина этого?» — спросил он. Ведьма ответила, что земля дала им только форму и субстанцию, а единственной причиной их вкуса, запаха и цвета было Солнце.

Дальше по пути они видели огромные шахты, карьеры и ямы, но она, будучи опытным проводником и зная дорогу, избегала их, так что они не могли быть помехой в их путешествии, как это было бы в противном случае.

Чем больше они удалялись от поверхности земли, тем становилось темнее и было все труднее различать простой путь. Тогда он сказал ведьме, что холм столь ужасно крут и настолько темен, что идти дальше очень опасно. «Нет никакой опасности, — возразила она, — ведь здесь нет наших тел, а наши духи настолько легки, что сами поддерживают себя». Они преодолели большое расстояние, прежде чем путь стал

настолько тесным, что начал причинять боль даже духам. Тогда человек сказал ведьме, что даже его дух испытывает боль. Она ответила: «Ему придется это вытерпеть, поскольку центр Земли — всего лишь точка в окружности (*Point in a Circle*)».

Когда он добрался до центра Земли, он увидел сияние, подобное лунному свету. Приблизившись, он увидел, что светящееся кольцо вокруг центра образовано хвостами светлячков, дающих этот свет. В центре же находился старик, который не стоял и не сидел, потому что не на чем было ни стоять, ни сидеть, но будто бы парил в воздухе, никогда не сходя со своего места, поскольку был там с тех пор, как создан мир. Никогда не имевший рядом женщины, способной соблазнить его на грех, он никогда и не умирал. И хотя не мог сдвинуться со своего места, тем не менее, у него была сила призывать к себе все сущее на земле и распоряжаться им по своему усмотрению.

Когда они подошли к старику, ведьма извинилась за их появление и просила не сердиться на них, поскольку они пришли из-за человека, желавшего знаний, и не жалевшего ни сил, ни стараний, чтобы получить их. Тогда он похвалил человека, поприветствовав его, и рассказал ему обо всем, о чем только мог.

Старик спросил его о химиках, живущих на поверхности земли.

Человек ответил: «Они наделали много шума в спорах, потратив множество сил и средств на поиск Философского камня, способного сделать Эликсир, но так и не смогли достичь ни малейшего успеха».

«Увы, — сказал старик, — они слишком непостоянны, чтобы довести свои труды до совершенства, ведь они никогда не придерживаются определенной точки зрения, но всегда проводят новые эксперименты, редко доводя до конца то, что

начали. К тому же, продолжал он, — они живут недостаточно долго, чтобы найти Философский камень, ведь требуется ни один или два века, а много веков, чтобы довести его до совершенства. Но я, — продолжал он, — прожив долгую жизнь и усердно наблюдая за устройством природы (*the course of Nature*), достиг высот этого искусства, так что все золото, добытое когда-либо в рудниках, было обращено мной (*was converted*). Ведь в ранний период мира было найдено очень мало золота, и ни мой брат Адам, ни его потомство на протяжении многих веков не знали ничего подобного. С тех пор, как я достиг совершенства в этом искусстве, я создал так много шахт, что это вынудило все части внешнего мира сплотиться ради него. Но я не буду делать его так много, чтобы им начали гнущаться».

«Что касается моих средств (*Stills*), — сказал он, — то это — поры земли, а воды, которые я дистиллирую, — это сладкие росы. Их маслянистая часть — амбра. Химики не знают, как, откуда и благодаря чему она происходит. Одни говорят, что от деревьев; другие, что это икра какой-то рыбы; так что все считают по-разному. Соленость моря также связана с химией; а пар, исходящий от земли, — это дым, поднимающийся от моих камней. Но, — продолжал он, — мир не будет существовать долго, поскольку я своим искусством превращу все это в стекло. Так же как мой брат Адам своим грехом одних отправил с земли на небеса, а других в ад, я перенесу (*transplant*) мир с земли на стекло, что станет последним химическим действием».

Затем человек заметил поток воды, который со стремительной силой протекал недалеко от центра. «Как здесь оказалась эта вода?» — спросил он. Старик ответил, что это был желоб, по которому текла вода, которую солнце вытягивало из моря и которая снова изливалась на землю, проходя по ее

венам, и снова через центр возвращаясь в море. Все маленькие трубки-вены сходились в центре, иначе мир снова затонул бы, так как было во время Ноева потопа, когда Юпитер повелел этим трубчатым жилам закрыться и только через некоторое время открыться вновь.

«Удивительно, — заметил человек, — что все тяжелые материалы мира не падают Вам на голову и не убивают Вас». «Зачем им это, — возразил старик, — если они лежат все вместе в одной куче. Поскольку каждая вещь состоит из нескольких движений, каждая занимает свое место. Ведь золото и железо никогда не располагаются на земле вместе, и не все виды камней можно найти в одном карьере. При этом не все шахты и карьеры объединены, но находятся в разных местах, равномерно уравнивая вес земли и удерживая ее от падения».

«Вы ведете меланхоличную жизнь, — сказал человек, — и остаетесь самим собой».

«О, — возразил старик, — богатства земли во всем их многообразии окружают меня. Это место — сердце или душа изобилия. Здесь меня окружают милые мышшки-сони, жирные кроты, питательные черви, трудолюбивые муравьи и многие другие, годящиеся в пищу. Здесь не бывает бурь, которые могли бы беспокоить меня, ни волнений, которые могли бы меня смутить, но только тепло, которое ублажает меня, мир и покой, которые утешают и радуют меня. Подземные воды — моя музыка, светлячки — мой свет, а химическое искусство — мое времяпрепровождение».

Когда он завершил свою речь, они ушли, извиняясь за свой внезапный визит и благодаря за приятно проведенное время. Старик просил их беречь себя на обратном пути, поскольку, по его словам, им придется пройти через холодные, сырые и переменчивые, а также горячие, жгучие и смертоносные места, поскольку внутри Земли есть как великая сырость,

так и великий жар и огонь. Однако этот огонь не дает такого света как Солнце, поскольку жар земли подобен огню в углях, а жар Солнца подобен пламени, являющемуся более тонкой частью горящей субстанции, но излучающего меньшее тепло. «Однако Солнце, — продолжал он, — за счет своего быстрого движения дает больше тепла, чем тепло дает движения. И хотя огонь — самый тонкий из всех элементов, тем не менее он становится более или менее активным в зависимости от субстанции, на которую воздействует, так как огонь менее активен на твердых телах, чем на легких и тонких».

Ведьма и дух молодого человека поблагодарили его и ушли. Но обратный путь оказался гораздо менее приятным. Одни дороги были глубокими и грязными, другие труднопроходимыми и глинистыми, некоторые — болотистыми и песчаными, а некоторые — сухими и пыльными. Воды были широкими, горы — высокими и каменистыми, а некоторые склоны были полны мела и известняка.

Но наконец, добравшись до места, откуда они начали путь, человек нашел там свое тело, и, надев его, как одежду, поблагодарил ведьму и отправился домой, чтобы дать отдых своему утомленному духу (*his weary Spirits*).

О ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ ЖЕН РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ РУБЕЖА III–IV ВВ.

Ключевые слова: Валерия, Галерия, Фауста, Констанция, августы, Константин Великий, Диоклетиан, Галерий, Лициний, Поздняя Римская империя, римские императоры.

Аннотация: Римская империя на рубеже III–IV вв. находилась под одновременным управлением нескольких императоров, вначале — соправителей, а затем и противников. Каждый из императоров этого периода в рамках борьбы с внешними и внутренними угрозами должен был интенсивно перемещаться. Источники уделяют меньшее внимание семьям императоров, и особенно их женам. Однако, их жены также не могли себе позволить постоянного пребывания в одной резиденции, но путешествовали, заботясь о семьях и выполняя представительские функции. В статье на примере Валерии, Фаусты и Констанции, жен трех римских императоров этого времени (Галерия, Константина Великого и Лициния соответственно) рассматривается, чем были обусловлены перемещения дам по территории империи и с какими трудностями они сталкивались в пути. В качестве основной источниковой базы используются данные о маршрутах императоров, а также сообщения авторов (Лактанция и Евсевия) и эпиграфика. Перемещения Фаусты и Констанции сопряжены с противостоянием их мужей, при этом Фауста вынуждена путешествовать с детьми на руках и беременной, а Констанция сталкивается с последствиями поражений своего мужа. Валерия после смерти супруга ищет приюта в условиях враждебного отношения сразу нескольких императоров. В пути императрица могла решать весьма непростые задачи: обеспечение комфорта детям и, как в случае с Валерией, своей матери, а также выстраивание маршрута с учетом не только особенностей ландшафта, но и введущихся внутри империи военных конфликтов.

Для цитирования: Миролюбов И. А. О перемещениях жен римских императоров рубежа III–IV вв. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 134–167. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-134-167

I.A. Miroyubov

Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
ORCID ID 0000-0001-5904-1147
Scopus ID 57219404473
peter-herzog@yandex.ru

JOURNEYS OF ROMAN EMPEROR'S WIVES AT THE TURN OF III–IV c. AD

Keywords: Valeria Galeria, Fausta, Constantia, augustae, Constantine the Great, Diocletian, Galerius, Licinius, Later Roman Empire, roman emperors.

Abstract: Roman Empire at the turn of III-IV centuries. was under the simultaneous control of several emperors at once, first by co-rulers, and then by opponents. Each of the emperors of this period, as part of the fight against external and internal threats, had to intensively move around the territory under their control. Sources pay less attention to the families of emperors, and especially their wives. However, even the august ladies could not afford permanent residence in one place. In the conditions of emperors being busy with military campaigns, their wives also moved extensively, performing representational functions and caring for families. Using the example of Valeria, Fausta and Constantia, the wives of three Roman emperors of that time (Galerius, Constantine the Great and Licinius, respectively), the article examines what caused the movement of the august ladies across the territory of the empire and what difficulties they could encounter along the way. As the main source base, data on the routes of the emperors are used, as well as the reports of the authors (Lactantius and Eusebius) and epigraphy. Each of the itineraria has its own unique properties. Thus, the movements of Fausta and Constance are associated with the confrontation of their husbands, while Fausta is forced to travel with children in her arms and being pregnant, and Constance faces the consequences of her husband's defeats. On the contrary, Valeria actively moves after the death of her husband, seeking shelter in the hostile attitude of several emperors at once. On the way, the empress could solve very difficult tasks: ensuring comfort for children and, as in the case of Valeria, her mother, as well as building a route, taking into account not only the features of the landscape, but also the military conflicts ongoing within the empire.

To cite this article: Miroyubov, Ivan. “Journeys of roman emperor’s wives at the turn of III–IV c. AD”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 134–167. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-134-167

Received: August 17, 2023

Accepted: September 18, 2023

Некоторая неопределенность статуса римского императора, который никогда не был монархом в полном смысле¹, влияла и на статус членов его семьи. Так, супруга императора не могла занимать должностей и не имела формальных рычагов влияния на принятие политических решений. Вместе с тем, она занимала важную позицию с символической точки зрения, в силу уважения римлян к семейным ценностям, а также наделялась почетными титулами, отмечающими ее статусное положение в структуре римского общества и политической системы (например — титул «августа»). Для императоров, тяготевших к династизму, фигура жены играла важную роль в вопросе легитимации своих сыновей как будущих преемников.

На протяжении первых двух веков существования Римской империи императоры большую часть времени проводили в Риме. Давление на границы Римской империи, а также кризис центральной власти в III в., приведший к многочисленным региональным узурпациям, побуждали императоров к частым путешествиям по территории государства. Особенно интенсивны были перемещения императоров рубежа III–IV вв. — времени, когда империя становится ареной борьбы большого количества претендентов на власть². Ис-

- 1 **Машкин.** 1949: 376–408; **Межерицкий.** 1994; **Межерицкий.** 2016: 297–388 (о становлении института императорской власти). Отголоски республиканских институтов сохраняются и в IV в.: существует сенат, а роль «римского народа» выполняет городское население, с которым император может взаимодействовать во время зрелищ; **Миролюбов.** 2020. 166–170. Население представлено «гражданами», но не «подданными».
- 2 Перечень императоров, правивших в это время: **Barnes.** 1982: 3–8. Установленная императором Диоклетианом (284–305 гг.) система подразумевала совместное правление четырех императоров, при этом коллегия подлежала ротации. С его уходом из политики в 305 г. система перешла в фазу кризиса, а число императоров стало расти. Краткие биографические очерки об императорах: **Грант.** 1998.

точники, сосредотачиваясь на фигурах императоров, меньше внимания уделяют их окружению и уж тем более родственникам. Отрывочные данные источников, впрочем, фиксируют присутствие рядом с императорами их жен. Тяготы путешествий совмещались с опасностями: императоры проводили кампании по обороне отдельных участков границ или сталкивались с соперниками в борьбе за сферу влияния. Поездки римских императриц в означенную эпоху могут рассматриваться и в рамках истории повседневной жизни античных женщин, и в рамках политической истории Древнего Рима.

В настоящем очерке мы составим итинерарии³ для трех августейших дам: Валерии Галерии, дочери Диоклетиана (правил в 284–305 гг.⁴) и жены Галерия (правил в 293–311 гг.); Флавии Максимы Фаусты, дочери Максимиана Геркулия (правил в 284–305 гг.) и жены Константина Великого (правил в 306 – 337 гг.); Флавии Юлии Констанции, дочери Констанция Хлора (правил в 293–306 гг.) и жены Лициния (правил в 308–324 гг.). Выбор в рамках данного очерка трех этих женщин объясняется частотой, по сравнению с женами других императоров этого времени, их упоминаний в источниках. Все три августейшие дамы активно перемещались по территории империи по разным причинам. Валерия Галерия искала прибежища после смерти мужа в 311 г.; Флавия Максима Фауста сопровождала мужа во время его многочисленных походов; Флавия Юлия Констанция выступала связующим звеном между братом, Константином Великим, и мужем.

3 Латинский термин, которым в древности обозначали маршрут движения с указанием остановок и расстояний.

4 Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, при указании дат, в том числе вплоть до конкретного числа, ориентируемся на работу: **Barnes**. 1982: 47–87.

ВАЛЕРИЯ ГАЛЕРИЯ

Единственную дочь, Валерию, император Диоклетиан выдал замуж за своего младшего соправителя, императора Галерия⁵ (отсюда и официальное имя, сочетающее фамилии отца и мужа, — Валерия Галерия; далее для удобства именуем ее Валерией). Несмотря на замужество, в Никомедии (совр. Измит, Турция), где располагалась главная резиденция ее отца, для нее был построен дворец⁶ (Lact. De mort. pers. 7.9⁷). В момент начала гонений на христиан весной 303 г. она вместе с мужем должна была находиться при дворе отца, коль скоро ее принуждают подтвердить приверженность язычеству через совершение жертвоприношений (Lact. De mort. pers. 15.1) В 305 г. Диоклетиан отрекся в пользу Галерия. Период самостоятельного правления этого императора (305–311 гг.) был достаточно напряженным: кроме контроля за Дунайской и Персидской границами императору приходилось бороться с многочисленными узурпациями, децентрализующими империю в условиях коллективной императорской власти. Большую часть времени император проводил на Балканах и в Подунавье, а главной его резиденцией в это время является город Фессалоники, где строится дворцовый

---

5 Диоклетиан с 293 г., после учреждения четверной коллегии, в статусе полновластного императора (август) контролировал восточные области Римской империи; Галерий в статусе младшего соправителя (цезаря) не имел четкой сферы контроля, и был задействован в обороне как Дунайского рубежа, так и Персидской границы. После ухода Диоклетиана из политики в 305 г. Галерий, приняв титул августа, стал правителем Римского Востока. Сферой его контроля были Подунавье, Балканы и Малая Азия; Ближний Восток и Египет находились под управлением его родственника и младшего соправителя (цезаря) Максимиана Дазы.

6 Впрочем, и сам Галерий в правление Диоклетиана неоднократно бывал в Никомедии: Barnes. 1982: 64.

7 Пользуемся изданием источника: Laktanz. 2003.

комплекс⁸; можно предположить, что Валерия проживала там же. В Археологическом музее в Салониках представлен фрагмент арочного проема из дворца Галерия, где представлены портреты его самого и, предположительно, его супруги⁹. Вместе с тем, несколько надписей фиксируют наличие у нее почетного титула «мать лагерей» (ILS 9832; IGRRP-IV, 1562). Титул этот может указывать на то, что Валерия сопровождала мужа в военных походах. Однако точно определить степень влияния походной жизни Галерия на его жену невозможно.

В начале мая 311 г. Галерий умирает на своей вилле Felix Romuliana (совр. Гамзиград, Сербия), поручив жену, а также сына Кандиана (от другой женщины) своему старому другу и с 308 г. соправителю Лицинию¹⁰ (Lact. De mort. pers. 25.3). Ритор и христианский апологет Лактанций, единственный наш информатор, сообщает, что при его дворе Валерия не задержалась, а предпочла сразу же после смерти Галерия отправиться на восток, к императору Максимино Дазе. (Lact. De mort. pers. 39). Автор отмечает: «она полагала, что в его (Максимиана Дазы — И.М.) областях ее пребывание будет наиболее безопасно, так как у него была жена». Объяснение столь пристальному вниманию Валерии к семейному положению своего вероятного покровителя лежит в политической плоскости. В условиях разрастающегося кризиса и недостатка легитимности у императоров брак с Валерией мог существенно поднять статус любого претендента на единоличную императорскую власть. Ли-

8 Barnes. 1982: 61–62; Leadbetter. 2009: 233–236.

9 Varner. 2004: 215; Waldron. 2022: 213.

10 Лициний был удостоен титула августа и контролировал Подунавье, однако Галерий в перспективе видел в нем правителя всей западной части Римской империи. О нем: Коптелов. 2008.

циний на тот момент не был женат, но вел переговоры о вступлении в брак с сестрой Константина Великого¹¹ Констанцией. Однако Валерия превосходила статусом эту невесту, так как была дочерью Диоклетиана, считавшегося первенствующим среди императоров того времени. Вероятно, что Лициний позволил себе некоторые намеки, или же Валерия действовала на опережение. Характерно, что она предпочитает отправиться не к отцу, который проживал в Салоне (совр. Сплит, Хорватия)¹², т.е. в сфере контроля и досягаемости Лициния.

Итак, из Придунайских областей Валерия отбывает на восток где-то в мае 311 г. Лактанций фиксирует, что вместе с ней была ее мать Приска (Lact. De mort. pers. 39.5) и свита из знатных женщин (Lact. De mort. pers. 40.1–2). Высокий статус Валерии подразумевал, что она могла пользоваться своими экипажами, а не государственной почтой, с помощью которой Лициний мог бы ее задержать. Впрочем, в случае необходимости спешить, актуальным оставался вопрос о пользовании почтовой службой на предмет перемены лошадей. Путь Валерии подразумевал переправу в районе Византия (совр. Стамбул, Турция). Сложности путешествию добавляло и то, что Максимиан, узнав о смерти Галерия, понадеялся взять его территории под свой контроль. С этой целью он, выступив из Сирии, прошел через Малую Азию, но на берегу Босфора его уже ждал Лициний. Во время встречи на плоту прямо на водах пролива императоры согласовали линию разграничения: за Лицинием остались Балканы, тогда как Малая Азия стала территорией Максимиана (Lact. De mort. pers. 36.1–2). Как эти военные приготовления и дипломати-

11 Константин Великий в данное время контролировал Галлию и Британию и носил титул августа.

12 Князький. 2010: 114; Уильямс. 2014. 268–270.

ческие контакты синхронизировались с путешествием Валерии, мы не знаем. Сообщение Лактанция о том, что Валерия выдвинулась сразу после смерти Галерия, может указывать, что к моменту заключения соглашения она уже находилась в Малой Азии. В качестве пункта назначения ее путешествия можно предположить Никомедию, где у нее был дворец. Сюда же, после соглашения с Лицинием, прибывает и Максими́н: вплоть до начала 312 г. этот город становится его главной резиденцией¹³. Лактанций фиксирует, что между ними произошел сложный разговор: вопреки ее ожиданиям, Максими́н сразу же стал настаивать на браке, обещая разойтись со своей женой¹⁴. Рассерженный отказом, император отдает наместнику Вифинии приказ казнить ряд женщин из свиты Валерии (Lact. De mort. pers. 40.3); сама же она, лишенная имущества, была выслана «в некое пустынное место в Сирии» (Lact. De mort. pers. 41.1). Таким образом, путешествие Валерии продолжилось уже против ее воли. Конкретное место ссылки нам неизвестно, однако пребывание Валерии в Сирии позволяло Максими́ну легче контролировать свою пленницу. Известно, что летом 312 г. он находится в Антиохии (совр. Антакья, Турция), а затем был занят кампанией против Армянского царства¹⁵.

В ссылке Валерия, несмотря на попытки отца вызволить ее (Lact. De mort. pers. 41), оставалась вплоть до июля 313 г., когда Максими́н был разгромлен Лицинием и погиб. Вероят-

13 Barnes. 1982: 66.

14 Лактанций рассказывает о сватовстве Максими́на к Галерии в контексте описания его развратной натуры (De mort. pers. 37–38). В науке сведения воспринимаются как элемент «черной легенды»: Christensen. 2012: 79–80; James. 2016: 104. Оставляем вопрос о реальном нравственном облике Максими́на за скобками, однако сам факт сватовства Максими́на к Галерии отметить невозможно, так как перспектива этого брака, очевидно, имела политическую, а не личностную подоплеку.

15 Barnes. 1983: 66; Kienast. 2014: 288.

но, что Лициний не забыл бегства Валерии летом 311 г., коль скоро после смерти своего противника первым же указом велит казнить именно Валерию (Lact. De mort. pers. 50.2). Ей, однако, удалось бежать. В этот раз сложность перемещения по территории империи состояла в том, что Валерии приходилось действовать в атмосфере секретности. Императором, как уже было указано, был отдан приказ о ее казни; ее пасынок Кандидиан был казнен в Никомедии (Lact. De mort. pers. 50.3); ей пришлось поменять внешность (Lact. De mort. pers. 50.3) и носить простую одежду (Lact. De mort. pers. 51.1). Скитания Валерии и ее матери Приски «по разным провинциям» продолжались в течение 15 месяцев; в итоге она была казнена в Фессалониках, на рубеже осени-зимы 314 года¹⁶ (Lact. De mort. pers. 51.1). Примечательным является то, что ей удалось покинуть Малую Азию и добраться до Фессалоник. Прибытие туда было не очень удачной идеей: бывшую августу, изображения которой, вероятно, были представлены в этом городе, здесь бы легко узнали¹⁷. Надежда на организацию в Фессалониках движения в свою поддержку могла быть тесно увязана лишь с выдвиганием своего претендента на императорскую власть в противовес Лицинию; такой кандидатуры у Валерии не было — ее пасынок Кандидиан погиб. Обращает на себя внимание то, что Лактанций, жестко критикующий императоров-гонителей и видящий в судьбе их семей заслуженную ими участь¹⁸, пишет о Валерии с некоторым сочувствием. Лактанций был близок ко двору Констан-

16 **Christensen.** 1980: 22. Это последнее по хронологии событие, описанное в трактате Лактанция.

17 **Waldron.** 2022: 215–216.

18 Центральная тема трактата Лактанция «О смертях гонителя» — гонения императоров начала IV в. на христиан. Симпатией автора пользуются только Константин Хлор, отличавшийся веротерпимостью, и его сын Константин.

тина¹⁹; таким образом, можно предположить, что Валерия надеялась на убежище при дворе Константина — в этом случае ей предстояло бы добраться до Галлии. Этот император мог быть лично знаком с Валерией: в молодости он жил при дворе Диоклетиана и Галерия, принимая участие в сарматских кампаниях второго²⁰. Неизвестно о каких-то разногласиях между ними. Непростые взаимоотношения Константина с мужем Валерии вряд ли были актуальны по ситуации на 313–314 гг., когда Галерия уже не было в живых. При этом Константин сохранял достаточно уважительное отношение к Диоклетиану на официальном уровне, хотя лично и относился к его фигуре с долей скепсиса²¹.

Итак, перемещения Валерии Галерии показывают нам римскую августу в нестандартной ситуации. Во-первых, не о многих женах римских императоров после смерти их мужей у нас есть столь подробные сведения. Во-вторых, активные перемещения Валерии были вызваны не активностью ее мужа, а ее собственными жизненными трудностями. Обе большие поездки — с запада на восток и с востока на запад — были сопряжены с опасностью: первое путешествие проходило на фоне конфликта двух императоров, а затем конфликта ее самой с императором Максимином; второе — в атмосфере секретности. В условиях обоих путешествий Валерии удавалось заботиться о матери (при этом во время второго путешествия ее ресурсные возможности были сильно ограничены), а также организовывать разные типы пере-

---

19 Константиному посвящено главное сочинение Лактанция — «Божественные установления». Также известно, что он был наставником старшего сына императора, Криспа. Об авторе: **Christensen**. 1980; **Winkelmann**. 2003: 10–14; **Barnes**. 2014: 176–178.

20 Об этом периоде жизни Константина: **Миролюбов**. 2016: 90–95; **Миролюбов**. 2017а: 571–579.

21 **Миролюбов**. 2019: 106–115.

движения — как по суше, так и по воде. Сама организация двух этих путешествий отражает незаурядные организаторские способности Валерии, однако отсутствие поддержки со стороны мужчины (отца и мужа) в конечном итоге приводят к мрачным последствиям.

ФЛАВИЯ МАКСИМА ФАУСТА

Фауста Максима Фауста (далее — Фауста) — супруга императора Константина Великого, чья активность очень подробно зафиксирована источниками. В то же время масштабная фигура Константина заслонила членов его семьи, что отразилось и на фиксации их деятельности в источниках. В ситуации с Фаустой дополнительная сложность состоит в том, что в 326 г. она была казнена, а ее память предана проклятию. *Damnatio memoriae* — практика, которая подразумевала уничтожение портретных изображений и стирание имен из надписей. Соответственно, некоторые категории источников — монеты с портретами Фаусты, надписи в ее честь, — представлены лишь остатками, уцелевшими после уничтожения основной массы подобных предметов. Таким образом, наши сведения о перемещениях Фаусты могут быть во многом основаны на данных об активности Константина.

Константин Великий женился на Фаусте, дочери императора Максимиана Геркулия²², в сентябре 307 г. Свадьба была пышно отмечена в Августе Треверов²³ (совр. Трир, Германия), куда Максимиан Геркулий прибыл из Италии неза-

---

22 Максимиан Геркулий был соправителем Диоклетиана с титулом августа (правил в 285–305 гг.); сферой его контроля были западные области Римской империи (после 293 г. — Италия и Африка). По настоянию Диоклетиана он отрекся вместе с ним в 305 г., однако через некоторое время, когда его сын Максенций поднял мятеж на территории Италии, присоединился к нему.

23 Nixon, Rodgers. 1994: 184–185.

долго до описываемых событий²⁴. Августа Треверов была главной резиденцией Константина в описываемый период, и, вероятно, здесь Фауста и поселилась. Из императорского дворца в этом городе происходит несколько женских портретов, в числе которых исследователи находят и ее возможное изображение²⁵. Впрочем, сам круг ее занятий и место проживания, с учетом активных перемещений Константина²⁶, реконструировать не представляется возможным. В 310 г., когда Константин был занят кампанией против франков, Максимиан Геркулий, живший при дворе зятя на положении почетного гостя, попытался поднять против него мятеж. В качестве базы им была выбрана Массилия (совр. Марсель, Франция) — портовый город на юге Галлии. Источники разноречиво, но все же фиксируют его попытку заручиться поддержкой дочери, а также ее отказ²⁷. Эти данные указывают, что она не присутствовала рядом с отцом в Массилии. Мятеж Максимиана был подавлен, сам он погиб. Далее, вплоть до осени 312 г., Константин не предпринимал каких-то значимых перемещений, которые требовали бы присутствия рядом с ним жены.

---

24 Максимиан выехал из Италии после ссоры с сыном Максенцием. Свадьба его дочери и Константина была выгодна обоим: Максимиан получал поддержку в лице зятя; Константин же в лице Максимиана получал статусную фигуру (бывший соправитель Диоклетиана) для укрепления своего статуса. Датировка свадьбы является предметом научной дискуссии. Исследователями в рамках 307 г. предлагались варианты 31 марта, позднее лето, сентябрь, 25 декабря: **Nixon, Rodgers**. 1994: 180–184; **Kienast**. 2004: 298. Принимаем точку зрения Т.Д. Барнса (сентябрь): **Barnes**. 1982: 307–308.

25 Дискуссия об этих фресках: **Drijvers**. 1992: 25–28.

26 **Barnes**. 1982: 69–70; **Kienast**. 2004: 298–299. В 308 г. Константин осуществляет поход против германского племени бруктеров, а в 310 г. — против франков.

27 **Миролюбов**. 2021: 124–125.

Осенью 312 г. Константин выступил в поход против брата Фаусты, контролировавшего Италию и Африку императора Максенция. 28 октября Константин одержал победу, а на следующий день вступил в Рим. Ни Лактанций (*Lact. De mort. pers.* 44.10–12), ни автор панегирика (*Pan. Lat.* 9.19²⁸), сообщающие о вступлении императора в город, ничего не говорят ни о свите Константина, ни о присутствии рядом с ним его жены. Присутствие Фаусты рядом с Константином во время похода сомнительно: неизвестны ее почетные титулы, указывающих на присутствие в военном лагере (например, «мать лагерей»). Кроме того, сам поход был сопряжен с определенными трудностями: Константину предстояло перейти Альпы, а также до подхода к Риму выдержать серьезное сопротивление превосходящего числом войска противника (*Lact. De mort. pers.* 44.2–3). Однако Фауста могла прибыть в город уже после победы мужа, тем более что в Риме он находился вплоть до января 313 г. Есть аргументы как за, так и против ее приезда в Рим. С одной стороны, падение ее брата широко отмечалось в Риме как сенатом, так и населением; на всеобщее обозрение была выставлена и голова Максенция (*Origo Const. imp.* 5.12²⁹). Эти обстоятельства могли быть дурным фоном для визита Фаусты в город. С другой стороны, Фауста была уроженкой Рима³⁰, что могло помочь Константину укрепить свою связь с «вечным городом». Характерно, что в панегирике по случаю победы Константина над Максенцием оратор отмечает, что поверженный император был не родным, а приемным сыном своего отца: данная

28 Латинские панегирики IV в. с русским переводом и комментариями: **Латинские панегирики**. 2016.

29 «Происхождение императора Константина» – латинская биография императора, написанная в IV в. При работе с ним пользуемся классическим изданием: **Origo Constantini imperatoris**. 1882: 7–11.

30 **Kienast**. 2004: 305.

конфигурация позволяла упрочить репутацию Фаусты (и отчасти реабилитировать ее отца). Кроме того, присутствие рядом жены укрепляло бы репутацию Константина — характерно, что оратор призывает его задуматься о будущем империи и обеспечить государство преемниками. Таким образом, супруга могла сопровождать Константина во время прибытия в Рим, где он удостоился почетного титула «наилучший император» от сената. Прибытие ее в город позже вступления мужа соотносится также и с тем фактом, что голова Максенция была отослана Константином в Африку, которую надлежало убедить в падении этого императора. Некоторым дополнением в пользу пребывания Фаусты в Риме поздней осенью 312 г. является и данные, указывающие на возможное наличие в городе приготовленного для нее дворца. Обычным местом проживания императора в Риме был дворцовый комплекс на Палатине, однако известны случаи, когда императоры выбирали другие точки в городе или даже пригороде. В церковных документах фиксируется, что одно из собраний епископов по вопросам донатистского раскола проходило 2 октября 313 г. в доме некой Фаусты в Латеране. Исследователи в большинстве принимают точку зрения, что данные апартаменты в Латеранском дворце принадлежали именно жене Константина³¹.

Впрочем, безотносительно вопроса о принадлежности Фаусте конкретных апартаментов, она вряд ли могла долго оставаться в Риме. Константин выехал из города в январе 313 г.: в феврале в Медиолане (совр. Милан, Италия) он

31 Принадлежности апартаментов Фаусте: **Curran**. 2002: 93; **Harries**. 2012: 120. Исследователи полагают, что апартаменты принадлежали Фаусте еще со времен, когда Италией правил ее отец. Л. Ричардсон не решается идентифицировать Фаусту, просто фиксируя наличие подобных апартаментов в согласии с источниками: **Richardson**. 1992: 126. Смотри также статью о живописи из этого дома: **McFadden**. 2013: 83–114.

устраивает свадьбу сестры Констанции и императора Лициния, а затем отправляется в Галлию. Фауста наверняка должна была присутствовать на свадьбе, чтобы подчеркнуть статус своего мужа как отца семейства. Ее возвращение в Галлию несомненно, так как вряд ли Константин мог позволить жене жить в Италии обособленно. В Галлии Константин пребывает вплоть до весны 315 г., не предпринимая никакой активности, требующей присутствия супруги.

25 июля 315 г. начался десятый (юбилейный) год правления Константина; это обстоятельство император решил отметить в Риме. Программа мероприятий была весьма масштабной: она включала открытие триумфальной арки³², а также свадьбу другой сестры Константина, Анастасии, с неким Бассианом³³. Торжественность обстановки, вероятно, требовали присутствия супруги, хотя источники вновь молчат. Как и в первый свой приезд, Константин пробыл в Риме некоторое время, затем отправился в Медиолан, откуда вернулся в Галлию. Таким образом, поездка в Италию заняла где-то полгода. В начале 316 г., когда зафиксировано пребывание Константина в Августе Треверов, Фауста должна была быть беременна, так как 7 августа этого года у нее появляется сын, названный Константином³⁴. Родился он Арелате (совр. Арль, Франция), при этом два закона от августа 316 г. фиксируют пребывание Константина в этом городе³⁵. Пребыванию в Арелате предшествуют фиксация присутствия

32 Об арке: **Richardson**. 1992: 24–25; **Holloway**. 2004: 19–53.

33 **Chausson**. 2002: 121–155; **Миролюбов**. 2017b: 90–98.

34 **Kienast**. 2004: 310. В литературе можно встретить утверждение, что Фауста не была матерью Константина; эта точка зрения восходит к исследователю XIX в. О. Зееку, который обосновывал ее сдвигом рождения Константина-мл. на более позднее время: **Seeck**. 1900: 1026–1028. Не разделяем этого утверждения вместе с рядом современных крупных исследователей: **Barnes**. 1982: 43; **Pohlsander**. 2004: 41; **Potter**. 2013: 169.

35 **Barnes**. 1982: 73.

Константина 21 марта в Кабиллине (Шалон-сюр-Сон, Франция), а затем 6 мая в Виенне (совр. Вьен, Франция). Это указывает на тот факт, что супруга могла перемещаться вместе с мужем по территории Галлии, даже будучи беременной. Отсюда логично предположить, что и ранее Августа Треверов не была четко зафиксированным местом ее жительства. Маршрут движения имеет южную направленность: от находящейся близ Рейнского рубежа Августы Треверов Константин перемещается на юг Галлии, поближе к морю. Возможно, что это было связано с желанием обеспечить супруге больший комфорт, а заодно провести осмотр подконтрольных территорий.

Осенью Константин выступает походом против своего соправителя, Лициния. Боевые действия продолжаются на территории Подунавья и Балкан вплоть до февраля 317 г. Первое значимое сражение состоялось 8 октября 316 г. при Кибалах (совр. Винковцы, Хорватия), а уже в декабре Константин вступает в Сердику (совр. София, Болгария). Город этот отныне будет одной из важнейших резиденций Константина. Фауста в начале конфликта должна была заботиться о новорожденном сыне. Можно предположить, что на первое время Константин мог оставить ее в Арелате, который был достаточно комфортным для проживания городом ввиду оживленной торговли и удаленности от территории боевых действий. Однако после первой победы Константин должен был вызвать жену к себе: 7 августа 317 г. она родит второго сына, Констанция, что подразумевает ее присутствие рядом с Константином уже в ноябре и беременность уже в декабре 316 г. Таким образом, на восстановление после родов у Фаусты было менее трех месяцев. Беременность вторым сыном проходила на фоне военного конфликта, который в январе стал приобретать запутанный характер. Харак-

терен эпизод, когда войска противников разминувшись, и войско Лициния оказалось в тылу преследовавшего его войска Константина (Origo Const. imp. 5.18). Фауста в это время, вероятно, проживала в Сердике. По итогам многочисленных перемещений обе армии были изнурены, и в последовавших переговорах Лициний, утративший ряд территорий, был признан проигравшим. После согласования договора 1 марта 317 г. Константин объявляет своих сыновей Криспа (от предыдущего брака с некой Минервиной) и Константина-младше. Инаугурация прошла в Сердике; авторы не указывают, провозглашал ли Константин сыновей *in persona* или заочно, однако торжественность момента требовала их присутствия, а факт нахождения Фаусты рядом с мужем уже в ноябре 316 г. скорее подтверждает, что с ней к Константину прибыли и оба его сына. В ближайшие семь лет двор Константина будет пребывать в Подунавье и на Балканах; основными резиденциями он выберет Сирмий (совр. Сремска Митровица, Сербия), Сердика и Фессалоники (совр. Салоники, Греция)³⁶. Источники фиксируют, что второй сын Константина и Фаусты, Констанций, родившийся 7 августа 317 г., появится на свет именно в Сирмии³⁷, куда двор переедет из Сердики в начале лета того же года³⁸. Соответственно, Фауста учла переезд двора ее мужа и, как и в Галлии, перемещалась между его резиденциями, в том числе — будучи беременной. Этот момент особенно примечателен, тем более что во время пребывания в данном регионе Фауста родит еще одного сына — Константа. Точный год его рождения неизвестен — на основании называемого в источниках возраст

---

36 Barnes. 1982: 73–75.

37 Kienast. 2004: 314.

38 Barnes. 1982: 73.

та, в котором он погиб, называют 320 г. и 323 г.³⁹ Вторая дата более предпочтительна, тогда как первая кажется основанной на округлении возраста⁴⁰. В этом случае беременность этим сыном могла проходить на фоне пограничной кампании Константина против готов⁴¹, ставшей прологом ко второму конфликту с Лицинием.

Вторая кампания Константина против Лициния состоялась в июле–сентябре 324 г. Завершилась она сдачей Лициния на милость победителя Константина 19 сентября. После этого Константин начинает интенсивно укреплять свою власть над востоком Римской империи, где он не был с 305 г. 8 ноября 324 г. в Никомедии он объявляет своего семилетнего сына Констанция цезарем⁴². Как и в случае с его старшими братьями, у нас нет данных, указывающих, что провозглашение произошло *in persona*. Однако само это событие имел большое политическое значение: Константин декларировал, что восток империи находится под властью его дома. В будущем он поручит восточные области именно Констанцию. Соответственно, сам юный цезарь должен был присутствовать на инаугурационных мероприятиях. Вероятно, что он прибыл к отцу вместе с матерью, которая, наряду со своей свекровью Еленой, в это же время получает почетный титула августы⁴³. Пребывание Фаусты рядом с мужем на востоке имело смысл не только в присмотре за детьми. Мать Фаусты, Евтропия, была родом из провинции Сирия⁴⁴. Такая родственная связь дома Константина с восточной провинцией явно не была лишним элементом, потому стоит предполо-

39 Kienast. 2004: 312.

40 Эту точку зрения высказал еще в XIX в. О. Зеек: Seeck. 1900: 948–952.

41 Barnes. 1982: 73; Буданова. 1999: 139–140; Potter. 2013: 211.

42 Kienast. 2004: 314.

43 Kienast. 2004: 304–305; Миролюбов. 2021: 127.

44 Barnes. 1982: 33.

жить, что во время приезда Константина в Антиохию, главный город Римского Востока, в декабре 324 г. его жена и теща находились рядом с ним. В восточных провинциях Константин будет находиться вплоть до марта 326 г. Программа пребывания была достаточно насыщенной: это и основание будущего Константинополя, и проведение Первого Вселенского собора в Никее (май–июнь 325 г.), и начало двадцатого (юбилейного) года правления (25 июля 325 г.). Предыдущий (десятый) юбилейный год Константин начинал в Риме; теперь же торжества должны были в Риме завершиться. Маршрут двора известен скудно: в начале марта император находится в Константинополе, а уже в первых числах апреля — в Аквилее (совр. город с тем же названием в Италии). После посещения Медиолана двор прибыл в Рим 18 июля 326 г. Перечень городов указывает, что Константином была выбрана сухопутная дорога.

В 326 г. в семье Константина произошли некие события, приведшие к казни вначале его старшего сына Криспа, а затем и Фаусты. Сюжет этот никак не прокомментирован ни придворными, ни современными событиями источниками; позднейшие авторы спекулировали на версии о том, что мачеха оговорила Криспа, обвинив в непристойной страсти⁴⁵. Сюжет этот очевидным образом копирует известный в древности миф о Федре и Ипполите, а потому комментировать его излишне. Для нас принципиальный вопрос состоит в том, добралась ли Фауста до Рима, или нет. Источники уверенно отмечают, что казнь Криспа состоялась раньше; называется даже место ее проведения — Пола (совр. Пула, Хорватия). Город этот находится несколько в стороне от маршрута, по

---

45 Подборка сообщений источников: **Pohlsander**. 1984: 99–103; **Woods**. 1998: 70–72;

которому двор двигался в Италию, что может указывать на факт ареста Криспа по время поездки. Снятый с маршрута, Крисп был препровожден в Полу, где и был казнен. Исследователи, на основании такой логики развития событий, датируют его гибель до прибытия двора в Рим — мартом⁴⁶ или маем⁴⁷ 326 г. Вскоре после Криспа была устранена и Фауста. Источники сообщают, что она была то ли задушена, то ли утоплена в жарко-натопленной бане. В этой связи Я.В. Древерс предлагает остроумную по своей дотошности догадку, что наиболее вероятным местом ее казни был Рим, где у нее была резиденция (и, соответственно, баня)⁴⁸. На наш взгляд, баню для августы могли организовать в любом месте остановки двора, а уж в крупных городах, игравших роль императорских резиденций (те же Медиолан и Аквилея), существовали дворцовые комплексы. Потому решить вопрос о том, добралась ли Фауста до Рима, где состоялись торжества по случаю двадцатого года пребывания ее мужа у власти, не представляется возможным.

Подведем итог. Фауста была супругой интенсивно перемещающегося императора; его передвижения, вызванные военной и административной активностью, отражались и на ней. Три поездки фиксируются благодаря данным о ее детях; все эти путешествия выглядят довольно необычно. В первый раз Фауста перемещается по Галлии с севера на юг, будучи беременной первым сыном — поездка эта происходит в

---

46 **Kienast.** 2004: 306.

47 **Barnes** 1984: 84; **Drijvers.** 1992: 506. Впрочем, после посещения Рима Константин вернулся в Константинополь через Медиолан, Аквилею, Сирмий и Фессалоники – **Barnes** 1984: 77. Это побудило исследователей, вероятно, предполагать, что Крисп мог быть снят с маршрута на обратном пути, а потому встречались более поздние датировки его казни — **Pohlsander.** 1984: 99.

48 **Drijvers.** 1992: 506.

мирной обстановке, а среди причин, побудивших императора к перемещению двора, вполне могло быть желание обеспечить супруге большой комфорт в южном Арелате. Второе путешествие проходит на фоне военного конфликта ее мужа с восточным соправителем Лицинием: Фауста едет, недавно оправившись после родов, с маленьким сыном на руках (и, вероятно, с пасынком, который должен был быть в отроческом возрасте). Во время этой поездки вопрос ее комфорта отходит на второй план: мужу, недавно одержавшему победу и надевавшемуся на скорое завершение конфликта, необходимо было присутствие рядом сыновей. Прибыв к мужу, Фауста вновь оказывается в положении, — и в таком состоянии она наблюдает за дальнейшим ходом конфликта, находясь в Сердики, в относительной близости от театра боевых действий. Затем, после завершения конфликта, он, беременная, предпринимает переезд из Сердики в Сирмий, где у нее рождается второй сын. Подобные перемещения должны были требовать от Фаусты крепости физических сил. Очередные поездки связаны с новыми достижениями мужа: Фауста едет в восточные провинции, перешедшие под контроль Константина, с сыном Констанцием, которому на тот момент было семь лет. Эта поездка подразумевала выход в море (при переправе из Фракии в Малую Азию), а также, возможно, достаточно долгий переезд в Антиохию.

Флавия Юлия Констанция

В июле 306 г. Флавия Юлия Констанция (далее — Констанция)⁴⁹ находилась вместе со всей своей семьей в Британии, где ее отец, император Констанций Хлор⁵⁰, вел кампа-

49 Ее биография: **Pohlsander**. 1993: 151–167.

50 В 293 г. Диоклетиан и Максимиан Геркулий присвоили Констанцию титул цезаря (младшего соправителя) и поручили ему контроль над Галлией и

нию против пиктов. 25 июля 306 г. Констанций умирает в Эбораке (совр. Йорк, Великобритания). Епископ Евсевий Кесарийский фиксирует присутствие при нем всех его детей — четырех сыновей и трех дочерей⁵¹ (Euseb. Vita Const. I.21⁵²). Констанций поручил заботу о младших старшему сыну, Константину, который и был провозглашен императором. Во второй половине того же года Константин переезжает в Галлию: вместе с ним, несомненно, отбыли и его родные. Известно, что братья были поселены Константином в Толозе (совр. Тулуза, Франция)⁵³; об обстоятельствах жизни сестер неизвестно ничего, однако вряд ли они покидали Галлию и находились вдалеке от двора старшего брата. Как уже было отмечено выше, основной резиденцией Константина в это время была Августе Треверов, однако, возможно, что для сестер, как и для братьев, выбрали какой-то иной город — тем более, что Августа Треверов находилась вблизи неспокойного Рейнского рубежа.

Учитывая тот факт, что империя в означенный период времени была ареной противостояния сразу нескольких претендентов на титул, Константин ведет активную дипломатическую работу с целью поиска союзников. В 311 г. он входит в контакт с императором Лицинием, контролирувавшим Подунавье и Балканы. В рамках переговоров было согласовано, что два императора должны будут породниться

Британией. Этому предшествует его женитьба на падчерице Максимиана, Феодоре. После отречения обоих императоров в 305 г. Констанций получил титул августа и стал правителем западной области Римской империи, однако предпочел ограничиться привычной сферой контроля. В 305 г. к нему прибывает сын Константин (от его первой супруги Елены), который до того жил при дворе Диоклетиана и Галерия.

51 Любопытный пример того, как вместе с императором, отправившимся в поход, в приграничную провинцию прибыла и вся его семья.

52 Русский перевод этой обстоятельной биографии Константина: **Евсевий**. 1998.

53 **Миролюбов**. 2021: 143.

— сестра Константина, Констанция, станет женой Лициния. Свадьбе предшествовал поход Константина против Максенция и вступление его в Рим в октябре 312 г.; свадьба же состоялась на пути Константина в Галлию, в Медиолане в феврале 313 г. Сразу после нее Лициний, как и Константин, должен был отбыть в подконтрольные ему области, центром которых в это время был Сирмий. Однако безмятежное проживание в этом городе он себе в это время позволить не мог. Правивший восточными областями империи Максимин Даза, пользуясь пребыванием сразу двух императоров в Медиолане, перешел в наступление с целью установить свою власть над сферой контроля Лициния. Лициний сразу же после свадьбы выступил в поход против него и уже к лету одержал убедительную победу. В июне 313 г. он уже находится в Никомедии, а затем перемещается в Антиохию. Источники ничего не говорят о действиях Констанции, однако допущение, что в 313 или 314 гг. Лициний был занят военными действиями на Персидской границе, позволяют предположить, что она также находилась в Антиохии, пребывая невдалеке от мужа.

В июле/августе 315 г. у нее рождается сын Лициний-мл. — император Лициний в это время находится в уже Подунавье, что предполагает рождение сына в этом же регионе (возможно, в Сирмии). Осенью 316 г. между Константином и Лицинием вспыхнул конфликт: в первом же крупном сражении, при Кибалах (8 октября) Лициний потерпел поражение. После этого он устремился в Сирмий, откуда вывез семью и казну (*Origo Const. imp.* 5.17); город же был сдан Константину. После оставления Сирмия Лициний устремляется на восток, в Прибрежную Дакию, где провозглашает своим соправителем местного командующего пограничными войсками

Валента⁵⁴. Произойти это должно было до 4 декабря, когда Константин уже находился в Сердике, так как иначе движение Лициния на юг и юго-восток, в подконтрольные ему балканские и восточные провинции, было бы сильно затруднено. Из Дакии Лициний выдвинулся в Адрианополь (совр. Эдирне, Турция). Вероятно, что здесь Лициний и поселил свою семью, и здесь она дождалась исхода конфликта. По его итогам была закреплена победа Константина — под его контроль перешла значительная часть европейской сферы влияния Лициния. 1 марта 317 г. Константин, наряду со своими двумя сыновьями, провозгласил цезарем также и сына Лициния, своего племянника. Источник указывает, что решение было принято Константином единолично, без участия Лициния (Origo Const. imp. 5.19), однако сам Лициний-мл. мог присутствовать при дворе дяди — сестра могла посетить его для укрепления мира. Во всяком случае, во время переговоров Константин напоминал Лицинию об их родстве, т.е. Констанция воспринималась братом как связующая фигура.

С 317 г. двор Лициния перемещается в Никомедию, однако данных о перемещении императора с этой даты и вплоть до 324 г. чрезвычайно мало, и среди них нет ничего, что указывало бы на перемещения Констанции. В 324 г. конфликт Константина и Лициния возобновился: сражения развернулись как на суше, так и на море⁵⁵. Первоначально театр боевых действий имел место в европейской сфере контроля Лициния, однако Константин вскоре выбил Лициния в Малую Азию, подчинив себе Адрианополь, а затем и Византий. Семья вряд ли сопровождала Лициния во время боевых действий, складывавшихся для него крайне неудачно. Констан-

54 Kienast. 2004: 296–297.

55 Описание конфликта: Коптелов. 2009: 104–118.

ция с сыном должны были проживать в Никомедии, куда Лициний и прибыл 18 сентября после поражения у Хрисополя (совр. Ускюдар, район Стамбула). Осажденный в своей столице, Лициний принял решение сдаться. Пребывание семьи в стенах Никомедии может быть подтверждено зафиксированным в источниках участием Констанции в переговорах между мужем и братом. Сведения эти, впрочем, несколько разноречивы. Констанция либо вела сами переговоры от лица мужа, либо смогла добиться гарантий сохранения мужу жизни уже после его сдачи на милость победителя⁵⁶.

После сдачи Лициний был низложен и стал частным лицом. Фиксируется, что его приглашали на некий пир к Константину (*Origo Const. imp.* 5.28) — вероятно, имеются в виду торжества по случаю двадцатилетия правления императора, которые начались в июле 325 г. на востоке. Все это может указывать на то, что Констанция вместе с мужем принимала участие в поездках своего брата по восточным провинциям в 325 г. Позже, то ли опасаясь попыток Лициния вернуть себе титул, то ли получив информацию о какой-то его активности, Константин принял решение заточить его в Фессалониках — здесь он и был казнен⁵⁷. В 326 г., наряду с Криспом и Фаустой, был казнен также и Лициний-мл.⁵⁸ Констанция, однако, сохранила свое положение. Надпись из Рима (CIL VI.40777) фиксирует ее почетный статус «пресветлой и почитаемой сестры» императора Константина Великого и «тетки цезарей». Возможно, что, проживая при дворе брата, она и путешествовала вместе с ним.

Таким образом, Констанция как путешественница интересна тем, что в пределах одного десятилетия она могла

56 Pohlsonder. 1993: 159.

57 Буданова 1999: 141; Коптелов. 2009: 114–118.

58 Kienast. 2004: 296.

увидеть практически всю империю: в 306 г. она была в Британии; в 307 — 312 гг. проживала предположительно в Галлии; в феврале 313 г. вступила в брак в Медиолане, затем отправилась в Подунавье, откуда во время конфликта между братом и мужем переехала в восточные провинции. Пребывание ее мужа в Антиохии, а также его активность на Персидской границе (313–314 гг.) позволяют предположить, что Констанция добралась и до восточных рубежей Римской империи. С учетом того, в означенную эпоху многовластия не всякий император контролировал или даже имел возможность видеть все части огромного государства, такой пример женского путешествия необычен. Кроме того, как и в случае с Валерией, ее переезд из Подунавья на восток, вначале в Адрианополь, а затем в Никомедию (316–317 гг.) проходил в ситуации военного конфликта. Однако, если Валерия не была прямо связана с враждующими сторонами, а сам ее переезд проходил скорее на фоне конфликта, то Констанция оказалась в эпицентре: муж эвакуировал ее из Сирмия и перевез в Адрианополь. Пример подобный эвакуации уникален: ни Валерия, ни Фауста не сталкивались с такой угрозой своим мужьям.

Итак, подведем итоги. Начало IV в. — достаточно бурный период в истории Римской империи, который отличается одновременным существованием нескольких центров власти в лице императоров (и узурпаторов). Нарративные источники представляют картину этого времени в очень запутанном виде и с большим количеством пробелов (так, уже отмечалось, что лучшим образом зафиксирована деятельность Константина, наиболее яркого персонажа эпохи). Как правило, меньше всего внимания в источниках уделяется семьям императоров, особенно тем их представителям, кто

не имел прямого влияния на принятие политических решений. Это, зачастую, матери, сестры, жены и дочери. Исключение этих персоналий из канвы повествования, между тем, сильно ее упрощает.

В рамках настоящего очерка были рассмотрены итinerарии трех жен римских императоров означенного периода. Высокий статус обеспечивал женам императоров наличие комфортного места жительства в городах, имевших статус императорских резиденций (дворец Валерии в Никомедии, дом Фаусты в Риме). Однако, несмотря на статус и наличие дворцов, жены императоров не могли позволить себе перманентного проживания в одной локации. Активность их мужей, связанная с военными походами и необходимостью контролировать сферу влияния, отражалась и на образе жизни августейших дам. В рамках этих поездок они могли увидеть всю Римскую империю или значительную ее территорию. Путешествия эти не носили идиллического характера. Так, титул Валерии «мать лагерей» указывает на возможное сопровождение мужа в военных походах; перемещение Фаусты и Констанции напрямую увязано с конфликтами их мужей. Примем во внимание и то, что на плечи супруг императоров ложилась забота о детях. Так, к примеру, беременность Фаусты обоими своими старшими сыновьями (в 316 и 317 гг.)⁵⁹ проходит на фоне разъездов, а также военного конфликта, который вел ее муж. Очевидно, что высокий ста-

---

59 Попутно отметим, что казнь Фаусты в 326 г. привела к тому, что ее имя мало упоминается в источниках, соответственно, ее роль в становлении сыновей и дочерей нам известна плохо. Авторы подчеркивают тот факт, что Константин сам возвращал своих сыновей — это утверждение справедливо лишь отчасти: на момент казни Фаусты старшему, Константину-мл., было 10 лет. Однако в более раннем возрасте забота о сыновьях и дочерях лежала на Фаусте; соответственно, некое влияние ее фигуры на них отрицать нельзя.

тус императорских жен обеспечивал им определенный комфорт в дороге. Однако пример Валерии, не только лишившейся своего влияния, но и находившейся под угрозой казни, свидетельствует о том, что жена императора могла действовать и экстремальных ситуациях, при этом обеспечивая еще комфорт для своих близких (с Валерией путешествовала и ее мать, Приска). Все это указывает на то, что повседневная жизнь августейших дам Римской империи является перспективной темой для исследований.

Список источников и литературы

Буданова. 1999 — Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб: Алетейя, 1999.

Грант. 1998 — Грант М. Римские императоры / пер. с англ. М. Гитт. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998.

Евсевий. 1998 — *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

Князький. 2010 — Князький И.О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб.: Алетейя, 2010.

Коптелов. 2008 — Коптелов Б.В. Император Лициний на переломе эпох. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Латинские панегирики. 2016 — Латинские Панегирики / вступительная статья, перевод и комментарии И.Ю. Шабаги. М., 2016.

Машкин. 1949 — Машкин Н.А. Приципат Августа. М.–Л.: Наука, 1949.

Межерицкий. 1994 — Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.–Калуга: Издательство КПКУ, 1994.

Межерицкий. 2016 — Межерицкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.

Миролюбов. 2016 — Миролюбов И.А. Об образовании императора Константина Великого // Аристей. 2016. Т. 13. С. 90–95.

Миролюбов. 2017а — Миролюбов И.А. Константин Великий в клетке со зверем // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. Т. 21. С. 571 — 579.

Миролюбов. 2017b — Миролюбов И.А. Анастасия, сестра Константина Великого, в контексте его династической политики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 3. С. 90–98.

Миролюбов. 2019 — Миролюбов И.А. Диоклетиан и Константин Великий: диалог императоров на фоне кризиса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 1. С. 106–115.

Миролюбов. 2020 — Миролюбов И.А. «Наш господин» и «народ Римский»: зрелища в начале IV века // Восточная Европа в древности и Средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Вып. XXXII. М., 2020. С. 166–169.

Миролюбов. 2021 — Миролюбов И.А. Династическая политика императора Константина Великого. СПб.: Алетейя, 2021.

Уильямс. 2014 — Уильямс С. Диоклетиан: реставратор Римской империи / пер. С англ. И.И. Хазиной. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014.

Barnes. 1982 — Barnes T.D.. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge-London: Harvard University Press, 1982.

Barnes. 2014 — Barnes T.D. Constantine: Dynasty, Religion and Power in the later Roman Empire. Malden-Oxford-Chichester: Wiley Blackwell, 2014.

Chausson. 2002 — Chausson F. Une Sœur de Constantin: Anastasia // “Humana Sapit”: Études d’Antiquité Tardive Offertes à Lellia Cracco Ruggini / ed. J.-M. Carrié et Rita L. Testa. Turnhout: Brepols, 2002. P. 131-155.

Christensen. 1980 — Christensen A.S. Lactantius the Historian. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1980.

Christensen. 2012 — Christensen, T.C. Galerius Valerius Maximinus: Studies in the Politics and Religion of the Roman Empire AD 305-313. Copenhagen: The Theological Faculty of Copenhagen University, 2012.

Curran. 2002 — Curran J.R. Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century. Oxford: Clarendon Press, 2002.

Drijvers. 1992 — Drijvers J.W. Flavia Maxima Fausta: Some Remarks // Historia. 1992. Bd. 41. H. 4. P. 500-506.

Harries. 2012 — Harries J. Imperial Rome AD 284 to 363. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.

Holloway. 2004 — Holloway R.R. Constantine and Rome. New Heaven - London: Yale University Press, 2004.

James. 2016 — James L. Ghosts in the Machine: The Lives and Deaths of Constantinian Imperial Women // Questions of Gender in Byzantine Society / edited by B. Neil, L. Garland. Abingdon-New York: Routledge, 2016. P. 93-113

Kienast. 2014 — Kienast D. Römische Kaisertabelle. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004.

Laktanz. 2003 — Laktanz. Die Todesarten der Verfolger / De Mortibus Persecutorum. Turnhout, 2003.

Leadbetter. 2009 — Leadbetter B. Galerius and the Will of Diocletian. London-New York: Abingdon-New York: Routledge, 2009.

McFadden. 2013 — McFadden S.A. Constantinian Image Program in Rome Rediscovered: The Late Antique Megalographia from the So-Called Domus Faustae // Memoirs of the American Academy in Rome. Vol. 58. 2013. P. 83-114.

Nixon, Rodgers. 1994 — Nixon C.E.V., Rodgers B.S. In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini. Berkley–Los Angeles–Oxford: University of California Press, 1994.

Origo Constantini imperatoris. 1882 — Origo Constantini imperatoris // Mommsen T. (ed.). Chronica minora. Vol. I. 7–11.

Pohlsander. 1984 — Pohlsander H.A. Crispus: Brilliant Career and Tragic End // Historia. Bd. 33, H. 1. P. 79–106.

Pohlsander. 1993 — Pohlsander H.A. Constantia // Ancient Society. Vol. 24. 1993. P. 151–167

Pohlsander. 2004 — Pohlsander H.A. The Emperor Constantine. Abingdon–New York: Routledge, 2004.

Potter. 2013 — Potter D.S. Constantine the Emperor. New York: Oxford University Press, 2013.

Richardson. 1992 — Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. London–Baltimore: The John Hopkins University Press, 1992.

Seeck. 1900 — Seeck O. Constans (3) // Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Bd. IV/7. Stuttgart, 1900. Sp. 948–952.

Seeck. 1900 — Seeck O. Constantinus (3) // Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Bd. IV/7. Stuttgart, 1900. Sp. 1026–1028.

Varner. 2004 — Varner E.R. Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture. Leiden–Boston: Brill, 2004.

Waldron. 2022 — Waldron B. Dynastic politics in the age of Diocletian, AD 284–311. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022

Winkelman. 2003 — Winkelman F. Historiography of the Age of Constantine // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / edited by Gabriele Marasco. Leiden–Boston: Brill, 2003. P. 3–41.

Woods. 1998 — Woods D. On the Death of the Empress Fausta // Greece & Rome. 1998. Vol. 45. № 1. P. 70–86.

REFERENCES

Barnes, Timothy. *The New Empire of Diocletian and Constantine.* Cambridge–London: Harvard University Press, 1982.

Barnes, Timothy. *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the later Roman Empire.* Malden – Oxford–Chichester: Wiley Blackwell, 2014.

Budanova, Vera. *Goths in the Epoch of the Migration Period*. Saint-Petersburg: Aletheia, 1999. (In Russian).

Chausson, Francois. Une Sœur de Constantin: Anastasia. In: *"Humana Sapit": Études d'Antiquité Tardive Offertes à Lellia Cracco Ruggini*, edited by J.-M. Carrié et Rita L. Testa, 131–155. Turnhout: Brepols, 2002. (In French).

Christensen, Arne. *Lactantius the Historian*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1980.

Christensen, Torben. *C. Galerius Valerius Maximinus: Studies in the Politics and Religion of the Roman Empire AD 305–313*. Copenhagen: The Theological Faculty of Copenhagen University, 2012.

Curran, John. *Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century*. Oxford: Clarendon Press, 2002.

Drijvers, Jan. Flavia Maxima Fausta: Some Remarks. *Historia* 41, H. 4 (1992): 500–506.

Harries, Jill. *Imperial Rome AD 284 to 363*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.

Holloway, Ross. *Constantine and Rome*. New Heaven–London: Yale University Press, 2004.

James, Liz. Ghosts in the Machine: The Lives and Deaths of Constantinian Imperial Women. In: *Questions of Gender in Byzantine Society*, edited by B. Neil, L. Garland, 93–113. Abingdon–New York: Routledge, 2016

Kienast, Dietmar. *Römische Kaisertabelle*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. (In German).

Knyazkiy, Igor. *Emperor Diocletian and Decline of the Ancient World*. Saint-Petersburg: Aletheia, 2010. (In Russian).

Koptelov, Boris. *Emperor Licinius at the Turn of the Epochs*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008. (In Russian).

Leadbetter, Bill. *Galerius and the Will of Diocletian*. Abingdon–New York: Routledge, 2009.

Mashkin, Nikolay. *Principate os Augustus*. Moscow–Leningrad: Science, 1949. (In Russian).

McFadden, Susanna. A Constantinian Image Program in Rome Rediscovered: The Late Antique Megalographia from the So-Called Domus Faustae. *Memoirs of the American Academy in Rome* 58. (2013): 83–114.

Mezheritskiy, Jakov. *"The Republican Monarchy": the Metamorphoses of Ideology and Policy of Emperor Augustus*. Moscow–Kaluga: Kaluga State University Press, 1994. (In Russian).

Mezheritskiy, Jakov. *Emperor Augustus' "Restored Republic"*. Moscow: Dmitriy Pozharskiy University Press, 2016. (In Russian).

Miroljubov, Ivan. "Dominus" and «Populus Romanus»: spectacles at the beginning of the IV century AD. *History of Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages* 32 (2020): 166–169. (In Russian).

Miroljubov, Ivan. Constantine the Great in a Cage with a Wild Beast // *Indo-European linguistics and classical philology* 21 (2017): 571–579. (In Russian).

Miroljubov, Ivan. Constantine's the Great sister Anastasia in the Context of his Dynastic Policy. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies* 3 (2017): 106–115. (In Russian).

Miroljubov, Ivan. Diocletian and Constantine the Great: Emperors' Intercommunication. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies* 1 (2019): 106–115. (In Russian).

Miroljubov, Ivan. *Dynastic Policy of Emperor Constantine the Great*. Saint-Petersburg: Aletheia, 2021. (In Russian).

Miroljubov, Ivan. Education of Emperor Constantine the Great. *Aristeas* 13 (2016): 90–95. (In Russian).

Nixon, C.E.V., Rodgers, Barbara. *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkley–Los Angeles–Oxford: University of California Press, 1994.

Pohlsander, Hans. Constantia. *Ancient Society* 24 (1993): 151–167

Pohlsander, Hans. Crispus: Brilliant Career and Tragic End. *Historia* 33, H. 1 (1984): 79–106.

Pohlsander, Hans. *The Emperor Constantine*. Abingdon–New York: Routledge, 2004.

Potter, David. *Constantine the Emperor*. New York: Oxford University Press, 2013.

Richardson L. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. London–Baltimore: The John Hopkins University Press, 1992.

Seeck, Otto. Constans (3). In: *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*, Bd. IV/7, 948–952. Stuttgart, 1900. (In German).

Seeck, Otto. Constantinus (3). In: *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*, Bd. IV/7, 1026–1028. Stuttgart, 1900. (In German).

Varner, Eric. *Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture*. Leiden–Boston: Brill, 2004.

Waldron, Byron. *Dynastic politics in the age of Diocletian, AD 284–311*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022

Williams, Steven. *Diocletian and the Roman Recovery*. Saint-Petersburg: Eurasia; Moscow: Klio, 2014. (In Russian). Translated from: Williams, Steven. *Diocletian and the Roman Recovery*. London: Routledge, 2000.

Winkelman, Friedhelm. Historiography of the Age of Constantine. In: *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.*, edited by Gabriele Marasco, 3–41. Leiden–Boston: Brill, 2003.

Woods, David. On the Death of the Empress Fausta. *Greece & Rome* 45, no. 1 (1998): 70–86.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.

Lact. De mort. pers. — Lactantii De mortibus persecutorum (Лактанций: О смертях гонителей).

ILS — Inscriptiones Latinae Selectae (ed. H. Dessau).

IGRRP — Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes (ed. R. Cagnat).

Origo Const. imp. — Origo Constantini imperatoris (Происхождение императора Константина).

Pan. Lat. — Panegyrici Latini (Латинские панегирики).

МАРГАРИТА ДЕ ВАЛУА ПУТЕШЕСТВУЕТ. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЕЗДКИ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ ВО ФЛАНДРИЮ В 1577 г.

Ключевые слова: Маргарита де Валуа, испанская Фландрия, королевские итинерарии, Религиозные войны XVI в., дон Хуан Австрийский.

Аннотация: Статья посвящена изучению организации путешествий венценосных дам Франции, в особенности, сестры короля Генриха III, королевы Наварры Маргариты де Валуа. На основе «Мемуаров» королевы, а также штатной росписи членов ее двора приводятся доказательства безусловного количественного преобладания мужчин во время перемещений Маргариты. Главным из этих перемещений является ее путешествие за пределы Франции, в испанскую Фландрию в 1577 г., с многоцелевой политической миссией, призванной понять обоснованность претензий Франсуа де Валуа, младшего брата в королевской семье, на трон герцогства Брабантского. Рассмотрено назначение всех видов транспортных средств — сухопутных и речных — королевского кортежа, используемых двором в теплое время года, равно как особенности перемещения разных категорий придворных и служащих двора, мужчин и женщин. Проведенный анализ показывает, что королеву сопровождали статусные светские и духовные лица французского двора, зачастую находящиеся в родственных отношениях друг с другом, и часть военного королевского дома, специально выделенная для охраны дочери Франции.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 21—18—00181 «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI — начала XVII в.».

Для цитирования: Шишкин В. В. Маргарита де Валуа путешествует. Организация поездки королевы Наваррской во Фландрию в 1577 г. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 168–185. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-168-185

V.V. Shishkin

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

ORCID ID 0000-0002-5163-5474

Scopus ID 57192396503

VladimirGenghis@mail.ru

MARGUERITE DE VALOIS ON THE MOVE. ORGANIZATION OF THE TRIP OF THE QUEEN OF NAVARRÉ TO FLANDERS IN 1577

Keywords: Marguerite de Valois, Spanish Flanders, royal itineraries, Religious wars of the 16th century, Don Juan of Austria.

Abstract: The article is devoted to the study of organizational processes accompanying the travels of royal princesses of France, in particular, the sister of King Henry III, Queen of Navarre Marguerite de Valois. The author analyses the "Memoirs" of the Queen, as well as the staff list of her court (1578) and demonstrates that male courtiers made up the major part of Marguerite's entourage during the Queen's travels. The most important of these travels is her journey outside France, to Spanish Flanders in 1577, with a multi-purpose political mission designed to access the validity of the claims of Francois de Valois, the younger brother in the royal family, to the throne of Brabant. The article presents conclusions about the use of all types of vehicles – land and river – of the royal train by the court in the warm season, as well as the characteristics of the travel modes of different categories of courtiers and employees of the court, men and women. It is shown that the Queen was accompanied by high-status secular and ecclesiastical persons of the French court, who are often related to each other, as well as by a part of the military royal house, specially allocated to protect the daughter of France.

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant of the Russian Science Foundation, No. 21-18-00181 "Itineraries of Power. The movements of the rulers of Russia and Western Europe in the political culture of the XVIth – early XVIIth century".

To cite this article: Shishkin, Vladimir. "Marguerite de Valois on the move. Organization of the trip of the Queen of Navarre to Flanders in 1577". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31. Moscow: IGH RAS, 2023: 168–185. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-168-185

Принцесса Маргарита де Валуа (1553–1615), младшая сестра последних королей из династии Валуа, много времени проводила в дороге, путешествуя вместе с королевской семьей, а затем и самостоятельно. Французский двор в XVI в. постоянно пребывал в движении, представляя собой бесконечный караван, тянувшийся по дорогам страны, и только в 1560–е гг. постепенно он стал оседать в Париже, проводя зимние месяцы в Лувре¹. Вплоть до 1577 г. все передвижения Маргариты зависели от путешествий ее коронованных братьев и матери Екатерины Медичи, которая во многом определяла политический курс при Карле IX и Генрихе III². Уже будучи замужней дамой, королевой Наваррской, женой Генриха де Бурбона (с 1572 г.), но продолжая жить при французском дворе и за счет короля Франции, Маргарита была обязана уведомлять мать о своих поездках даже на небольшие расстояния³.

О политическом контексте гасконских и оверньских итinerary Маргариты и особенностях ее перемещений в 1578–1587 гг. нам уже приходилось писать⁴. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на вопросе организации ее поездок, с акцентом на путешествии в испанскую Фландрию 1577 г., в том числе, чтобы ответить на вопрос, в какой мере и почему мужской мир был доминантой при перемещениях дамского двора в раннее Новое время. В своих «Мемуарах» королева часто рассказывает или упоминает о своих дальних поездках, которых до 1577 г. у нее было не менее десяти, начиная с «Большого путешествия» двора по Франции 1564–

1 Bove, zum Kolk. 2021: 26–29; zum Kolk. 2017: 51–68; Февр. 1991: 290–295; Solnon. 1996: 52–78.

2 Шишкин: 2022 (b): 108–126.

3 Маргарита де Валуа. 2010: 61.

4 Шишкин. 2022 (a): 87–101; Шишкин. 2014: 208–238.

1566 гг., равно как делится своими впечатлениями от увиденного. Представляют интерес и три ее описания краткосрочных выездов в монастыри и замки, дополняющие общую картину перемещений.

Из этих рассказов и описаний нам известно, что Маргарита де Валуа практически неразлучно была вместе с матерью (и отчасти с братьями-королями) в поездках 1564–1578 гг., которые были организованы по причине военно-политической необходимости в условиях Религиозных войн во Франции. Помимо «Большого путешествия», Маргарита упоминает о совместной поездке королевской семьи в военный лагерь герцога Анжуйского, будущего Генриха III, в Пуату в мае-июне 1569 г.; о переезде двора из ставки в Анжер во время эпидемии зимой 1569–1570 гг.; проходах герцога Анжуйского в Польшу осенью-зимой 1573 г., когда королевский двор проследовал с ним вплоть до Лотарингии; поездке на встречу Генриха III в Лион, после возвращения его во Францию в сентябре 1574 г.; путешествии двора через Авиньон в Реймс на коронацию в феврале 1575 г., с последующим возвращением в Париж; миротворческих поездках в узком составе на переговоры с младшим братом, герцогом Алансонским в мае 1576 г. и в июне 1578 г.; наконец, путешествии в Гасконь к мужу, Генриху Наваррскому, летом-осенью 1578 г., также в сопровождении королевы-матери⁵.

Единственным самостоятельным путешествием королевы Наваррской в этот период стала ее поездка в испанскую Фландрию летом-осенью 1577 г., формально для лечения на водах в Спа, а на деле с целью переговоров с фламандской зна-

---

5 **Маргарита де Валуа.** 2010: 25, 29, 36–37, 52, 57, 67, 87, 98, 156, 178.

тью о политических перспективах герцога Алансонского, претендовавшего на брабантский трон⁶. Именно оно получило в мемуарах Маргариты подробное освещение, благодаря чему нам известны многие детали организации ее поездок в целом.

Из королевских куриальных регламентов 1560–1570-гг. известно, каким службам вменялась в обязанность организация длительных королевских перемещений: речь идет о подразделениях, зарезервированных для мужчин — гофмейстера, шталмейстера, квартирмейстера и их подчиненных⁷. В штате двора Маргариты в 1578 г., дошедшего до нас во всей полноте, числилось пять квартирмейстеров, ответственных за размещение королевы и ее двора во время передвижений⁸. Должность первого (главного) квартирмейстера в расписании не значится, и скорее всего эти обязанности возлагались на первого гофмейстера на смене. Королева, говоря о поездке 1577 г., действительно пишет только о «моих первых гофмейстерах и первых шталмейстерах»⁹. У ординарных квартирмейстеров были разные задачи: один отвечал за сопровождение переезда; второй — за размещение на ночлег или во время остановки королевского поезда. В первую очередь, создавались комфортные условия для королевы, придворных дам, затем кавалеров и обслуживающего персонала; производилась починка средств передвижения, обеспечивался фураж для лошадей. Все это нужно было готовить загодя, и обычно такие служащие опережали движение двора на день или два; наконец, третий квартирмейстер после отбытия королевского по-

6 Viennot. 2022: 235–249; Holt. 2002: 113–184.

7 Шишкин. 2018: 381–386.

8 Lauzun. 1902: 26–30.

9 Маргарита де Валуа. 2010: 98.

езда оставался, чтобы произвести расчеты за предоставленный кров и питание, а также за ущерб, нанесенный таким визитом¹⁰. Квартирмейстерам помогали фурьеры, их непосредственные подчиненные, служащие из числа представителей третьего сословия¹¹. Знатные особы в поездках, согласно регламенту 1570 г., платили за обеды из собственного кармана, однако было принято, чтобы королева время от времени приглашала их разделить с ней трапезу, чаще всего, обед¹².

Первых гофмейстеров у Маргариты в поездке 1577 г. было как минимум двое, и они служили посменно. Королева Наваррская не называет их имен, но скорее всего это были сеньор дю Лис и сеньор де Рюпере, выполнявшие также, поочередно, роль капитанов ее почетной свиты¹³. В их задачи входило осуществление контроля за внутренним состоянием временной королевской резиденции, а также организация спальных мест и питания. Им подчинялись хлебодары, виночерпии и резчики мяса — дворянские должности, а также многочисленные работники кухни¹⁴. Сколько дворян ведомства первого гофмейстера сопровождало Маргариту во Фландрию, неизвестно. На дежурной смене обычно пребывало 7–10 человек. Маргарита в мемуарах упомянула только одного из них — сеньора де Ла Бюсьера, в связи с его несчастной любовью к ее фрейлине мадемуазель де Турнон¹⁵.

Повара и кондитеры, а также «служащие разных поручений» кухни, судя по штатной росписи 1578 г., были только

---

10 Шишкин. 2018: 238–239.

11 Lauzun. 1902: 26–30.

12 Шишкин. 2017: 40–55.

13 Lauzun. 1902: 26.

14 Lauzun. 1902: 28–30.

15 Маргарита де Валуа. 2010: 119.

мужчинами, не менее 15–20 человек на смене; женское присутствие в кухонном ведомстве источники не фиксируют, хотя оно не исключено¹⁶.

Ключевая роль в организации поездки все же отводилась первым шталмейстерам, ответственным за конюшенное подразделение. Таковыми в 1577 г. был сеньор Сальвиати, итальянец, родственник королевы-матери и одновременно глава совета Маргариты, и сеньор де Вермон, дворянин испанского происхождения, муж одной из ее придворных дам¹⁷. Именно первый шталмейстер отбирал для путешествия ездовых лошадей из королевской конюшни, а также определял состав и число сопровождавших королеву мужчин — ординарных шталмейстеров и прочих лиц: пажей, их слуг, конюхов, кучеров и возничих, каретных мастеров и кузнецов для лошадей, не менее 20 человек. Первому шталмейстеру, по свидетельству английского агента Ричарда Кука, вменялось также «оказывать помощь [королеве Наваррской] при посадке в карету, в носилки или на лошадь»¹⁸. Он должен был прокладывать маршрут в поездке, а при необходимости нанимать проводников, что подтверждает Маргарита в мемуарах, говоря о своем фламандском путешествии¹⁹.

Это путешествие началось с ее отъезда из Луврского замка 3 июля 1577 г.: путь в Спа пролегал через Компьень (7–8 июля), Сен-Кантен (13–14 июля), Камбре (15–16 июля), Монс (17–19 июля), Намюр (20–23 июля), Юи (23–24 июля),

---

16 Lauzun. 1902: 28–30.

17 Lauzun. 1902: 26.

18 Кук. 2016: 330.

19 Маргарита де Валуа. 2010: 129.

Льеж (24 июля), заняв три недели²⁰. Судя по счетам дома Маргариты, по пути ее двор не останавливался в одном месте более чем на три ночи²¹. Такое быстрое продвижение было связано в том числе с требованиями безопасности. В условиях, когда Франция уже не первое десятилетие находилась в состоянии Гражданских войн, ездить нужно было быстро и только в сопровождении большого и хорошо вооруженного эскорта. Венецианский посол Джироламо Липпомано, описавший свой путь в Париж в том же 1577 г., отмечал, «что на всех [французских] дорогах господствует страшный грабеж»²². Королеву Наваррскую и ее двор явно охраняли специальные военные подразделения, о которых она не упоминает. Скорее всего, не имеющей собственной охраны французской принцессе были выделены швейцарцы Екатерины Медичи, которые сопровождали королеву-мать, и/или солдаты ее же роты французских аркебузирова (всего два-три десятка человек)²³. Наконец, в случае опасности Маргарита и ее дамы могли с полной уверенностью рассчитывать на помощь и защиту мужчин-дворян ее дома, равно как на самих себя, поскольку путешествовали со стилетами.

Мужской состав двора Маргариты де Валуа, конечно, также включал в себя священников-альмонариев ее дома, секретарей, врачей, камердинеров, привратников, слуг ее дам и фрейлин²⁴. Также она упоминает о казначее, который ведал дорожными расходами ее дома и являлся хранителем сундуков с деньгами²⁵. Речь идет о нескольких десятках человек.

---

20 **Вьенно**. 2012: 433.

21 **Marguerite de Valois**. 2023.

22 **Relations des ambassadeurs**. 1838 (2): 291.

23 **Кук**. 2016: 330–331.

24 **Lauzun**. 1902: 26–30.

25 **Маргарита де Валуа**. 2010: 124.

Таким образом, в совокупности мужской двор путешествующей за границу королевы был порядка 100 человек.

Конечно, в составе поезда были также почетные сопровождающие лица. Генрих III, в виду важности миссии своей сестры включил в ее свиту своего посла при Генеральных штатах Нидерландов сеньора де Мондусе, а также своих доверенных лиц — кардинала де Ленонкура и епископа Лангрского, равно как сеньора де Муи, одного из влиятельных дворян Пикардии и родственника королевской семьи, губернатора приграничного Сен-Кантена. Таким образом, мужская часть свиты была укомплектована светскими и духовными лицами, чей статус вполне соответствовал уровню представительности дочери Франции. Маргарита не случайно написала в мемуарах:

Все иностранцы, которые видели мое окружение, находили его столь приятным и очаровательным, что еще больше стали восхищаться Францией²⁶.

Последняя фраза относится больше к дамской части ее двора, и Маргарита подробно перечисляет самых известных дам своего сопровождения, в числе которых была гофмейстерина, глава ее дома, принцесса де ла Рош-сюр-Йон, член королевской семьи, и графиня де Руссильон, хранительница ее гардероба и драгоценностей. Всего королева упоминает шесть придворных дам и десять фрейлин, которые были с ней во Фландрии, часть из которых состояла в родственных и семейных отношениях с дворянами ее дома, что было обычной практикой²⁷. Трудно сказать, сколько всего женщин сопровождало Маргариту — названных благородных дам, и небла-

---

26 Маргарита де Валуа. 2010: 98.

27 Шишкин. 2018: 218.

городных (камеристок, служанок, а также прачек), — но очевидно, что мужчин было много больше. Всего кортеж королевы Наваррской мог насчитывать от 130 до 150 человек.

Каким образом происходило передвижение такого числа людей? Что представлял собой их багаж? Дамы королевы путешествовали верхом, в носилках, крытых повозках (в летнее время) и в каретах, причем карета могла вмещать в себя до двадцати человек²⁸. В XVI в. кареты уже изготавливались с использованием кожаных ремней, держащих кузов, что смягчало дискомфорт передвижений. Маргарита пишет в мемуарах о своей городской карете (в момент пребывания двора в Лионе в 1574 г.), «обтянутой желтым бархатом и отделанной серебром»: в нее поместилось, помимо самой королевы Наваррской, еще семь придворных дам, и еще двое придворных кавалеров устроились на запятках, в роли сопровождающих женской компании²⁹. Во Франции утвердилось церемониальное правило, согласно которому королева не могла передвигаться в публичном пространстве без мужского сопровождения³⁰.

Очевидно, что путешествие во Фландрию 1577 г., которому придавалось политическое значение, готовилось с особой тщательностью. Маргарите были подготовлены персональные опорные носилки, крепившиеся к двум лошадям, специально изготовленные скорее всего в Италии. Принцесса де Ла Рош-сюр-Йон и графиня де Руссильон также имели свои носилки.

---

28 Вейс. 2009: 784, 786.

29 Маргарита де Валуа. 2010: 61.

30 Шишкин. 2001: 153.

Мои [носилки] были обиты ярко-розовым испанским бархатом с золотой вышивкой и тафтой, с девизом (они были полностью застеклены, а стекла представляли собой изображения девизов в виде солнца и его лучей, которые сочетались с надписями на драпировке и самих окнах, всего—сорок девизов разного содержания со словами на испанском и итальянском языках)³¹.

Речь идет о первом упоминании во французском придворном транспорте стекол, которые скорее всего были венецианского производства. Обычно использовались кожаные шторы.

Кареты для длительных перемещений немного отличались от городских: они были вместительней, дополнительно снабжены подушками, а в зимнее время — жаровней³². В тексте мемуаров королевы Маргариты, правда, оба вида карет называются одинаково (*chariots*). Помимо прочего, она также пишет про повозки (*carresses*), которые мало чем отличались от повозок для перевозки багажа, но были снабжены сиденьями: «В шести каретах и повозках размещались остальные дамы и девушки из числа наших сопровождающих». Надо полагать, повозки предназначались для небогатых женщин. Наконец, «десять фрейлин вместе со своей наставницей ехали верхом на лошадях», в специальных женских седлах, и с защитными масками³³. Маргарита не упоминает про способы и средства передвижения мужчин — дворян своей свиты, поскольку было само собой разумеющимся, что кавалеры сопровождали поезд верхом. Швейцарцы и слуги следовали пешком. Таким образом, за один день в среднем преодолевалось 30–40 км³⁴.

31 Маргарита де Валуа. 2010: 98, 111.

32 Viollet-le-Duc. 1872 (I): 55–63.

33 Маргарита де Валуа. 2010: 126.

34 Шишкин. 2022 (b): 108–126.

В Намюре Маргарите пришлось отказаться от карет и повозок, оставив их на сохранение наместнику испанского короля во Фландрии, который принимал французов, дону Хуану Австрийскому, чтобы воспользоваться ими на обратном пути. Двор королевы погрузился на речные корабли, взяв с собой только носилки и часть лошадей, чтобы затем спуститься вниз по течению Мааса и достичь конечного пункта, Льежа, возле которого и располагались лечебные воды Спа³⁵. Подобным образом, со сменой транспорта, путешествовал французский королевский двор, если сухопутный путь целесообразно было заменить на речной, считавшийся более безопасным и экономичным³⁶.

После месяца с небольшим пребывания в Льеже, Маргарита столкнулась с резким обострением военно-политической ситуации во Фландрии, которая ухудшалась с каждым днем, и в итоге избрала иной маршрут для возвращения, которое в конце ее путешествия напоминало бегство. Будучи уже в Като-Камбрези (5 сентября), последнем фламандском городе, она была вынуждена бросить свои носилки, равно как своих престарелых придворных дам, и всю пешую часть двора, из опасения быть захваченной, с одной стороны испанцами, с другой, гугенотскими отрядами. Ей удалось спастись верхом на лошадях с небольшой частью свиты — теми, кто был наиболее мобилен и смог ее сопровождать:

В десять часов утра я прибыла в Катле, славя единственно милость Господа, который помог избежать всех опасностей и ловушек моих врагов³⁷.

35 **Маргарита де Валуа.** 2010: 113–114.

36 **Boutier, Dewerpe, Nordman.** 1984: 119–130.

37 **Маргарита де Валуа.** 2010: 132.

Неизвестно, при каких обстоятельствах и когда в итоге ее двор добрался до замка Катле — первого безопасного места на границе с Фландрией, а также что стало с оставленной частью ее двора, лошадьми, брошенным багажом и транспортом. Известно лишь, что с дамами ничего не случилось, и они благополучно вернулись во Францию³⁸. Чтобы возвращение дочери Франции, с такой помпой отправленной в июле, не напоминало о ее злключениях во Фландрии, а также ради соблюдения надлежащих церемониальных норм и сохранения политического достоинства, Генрих III и обе королевы, Екатерина Медичи и Луиза Лотарингская, лично отправились в сопровождении двора встречать Маргариту в пригород Парижа Сен-Дени, пересадив там королеву Наваррскую в свою карету. Торжественный въезд королевской семьи в столицу должен был всем показать, что миссия королевы Наваррской завершилась успехом:

Меня приняли с большими почестями и доброжелательством, находя удовольствие от моего рассказа обо всех знаках уважения и празднествах во время моего путешествия и пребывания в Льеже, равно как о приключениях на обратном пути³⁹.

Скорее всего, спустя время дон Хуан, весьма разочарованный, что ему не удалось перехватить Маргариту де Валуа, вернул все ее имущество⁴⁰. Несомненно, в их числе были и главные средства транспортировки бытовых предметов в XVI в. — кофры, вместительные и многофункциональные сундуки. Королева Наваррская пишет о них, подразумевая подготовку к будущему путешествию в Париж из Гаскони в 1582 г., не без иронии говоря о том, что наконец-то пришло время «извлечь

---

38 L'Estoile P. de. 1888 (I): 239.

39 Маргарита де Валуа. 2010: 134.

40 Brantôme P. de Bourdeille, abbé de. 1866 (X): 108-141.

из них пользу»⁴¹. В кофрах перевозился гардероб, а также кухонная утварь, столовая посуда, за которую отвечали специальные должностные лица (опять же мужчины ее двора), и прочие необходимые в дальней поездке предметы и вещи⁴².

Таким образом, доминирующий мужской мир дамского двора был организационной и функциональной необходимостью в путешествиях французского «свинцового» XVI века. Именно мужская часть двора Маргариты принимала на себя основные хлопоты по устройству ее ближних и дальних поездок, обеспечивала порядок, финансовое сопровождение, безопасность и представительство, и, соответственно, численно преобладала по отношению к дамской части. Разделение придворных гендерных ролей, однако, было достаточно продумано и рационально устроено, и место знатных дам в жизни путешествующей королевы не ограничивалось одними церемониальными обязанностями. Управляя своим двором, по большей части мужчинами, Маргарита часто руководствовалась советами женщин из своего окружения, о чем она с удовольствием и не скрывая пишет в своих сочинениях и письмах⁴³. Королева Наваррская поощряла службу в своем доме семейных пар, что станет устойчивой тенденцией в развитии курialesного института в последующее время и в итоге закончит с абсолютным господством мужчин при дворе.

---

41 **Маргарита де Валуа**. 2010: 178.

42 **Viollet-le-Duc**. 1872 (I): 366–374.

43 **Marguerite de Valois**. 1998: 253–276.

Список источников и литературы

Вейс. 2009 — Вейс Г. Всеобщая история мировой культуры. М.: Эксмо, 2009.

Вьенно. 2012 — Вьенно Э. История женщины. История мифа. СПб.: Евразия, 2012.

Маргарита де Валуа. 2010 — Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / Изд. подг. В. В. Шишкин, Э. Вьенно, Л. Ангар. СПб.: Евразия, 2010.

Кук. 2016 — Кук Р. Французский двор при Генрихе III глазами англичанина (1584–1585): французский текст / Публ. Д. Поттера // *Proslogion*. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Спец. вып.: *Politique et Religion dans la France du XVIe siècle* / Под ред. Ю. Досси и В. В. Шишкина. № 1 (13). СПб.: Право, 2016. С. 315–331.

Февр. 1991 — Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Шишкин. 2022 (а) — Шишкин В. В. Итинерарии Маргариты де Валуа (по письмам из Российской национальной библиотеки) // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2022. Т. 24. № 1. С. 87–101.

Шишкин. 2001 — Шишкин В. В. Мужчины в доме французской королевы (XVI—XVII века) // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда* / Под ред. Н. А. Хачатурян. М. — СПб.: Алетейя, 2001. С. 149–164.

Шишкин. 2022 (b) — Шишкин В. В. Сравнительные итинерарии Карла IX и Екатерины Медичи в 1561–1574 гг. // *Средние века*. Вып. 83 (2). М.: Изд.-во «Наука», 2022. С. 108–126.

Шишкин. 2014 — Шишкин В. В. «Схватить королеву Наваррскую»: беглый двор Маргариты де Валуа в 1585–1587 гг. // *Французский ежегодник 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV* / Под ред. А. В. Чудинова и Ю. П. Крыловой. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 208–238.

Шишкин. 2018 — Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке. СПб.: Евразия, 2018.

Шишкин. 2017 — Шишкин В. В. Церемониал двора королевы Франции в эпоху Возрождения // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 2. С. 40–55.

Boutier, Dewerpe, Nordman. 1984 — Boutier J., Dewerpe A., Nordman D. Un tour de France royale. Le voyage de Charles IX (1564–1566). Paris: Aubier, 1984.

Bove, zum Kolk. 2021 — Bove B., zum Kolk C. La mobilité royale au prisme des itinéraires du roi (1180—1792) // L'itinérance de la cour en France et en Europe. Moyen Âge — XIXe siècle / Sous la dir. de B. Bove, A. Salamagne, C. zum Kolk. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires de Septentrion, 2021. P. 21–34.

Brantôme P. de Bourdeille, abbé de. 1866 (X) — Brantôme P. de Bourdeille, abbé de. Oeuvres complètes. T. X. Paris: J. Renouard, 1866.

Holt. 2002 — Holt M. The Duke of Anjou and the politique of struggle during the Wars of Religion. Cambridge: Cambridge university press, 2002.

L'Estoile P. de. 1888 (I) — L'Estoile P. de. Mémoires-journaux. T. I. Paris: Libr. des bibliophiles, 1888.

Lauzun. 1902 — Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne d'après ses livres de comptes (1578–1586). Paris: Picard, 1902.

Marguerite de Valois. 1998 — Marguerite de Valois. Discours docte et subtil // Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits / Éd. E. Viennot. Paris: H. Champion, 1998. P. 253–276.

Marguerite de Valois. 2023 — Marguerite de Valois: le voyage des Flandres / Éd. N. Dufournaud, C. Trotot, C. zum Kolk, A. Martinet, P. Gambette // URL: <https://citedesdames.github.io/de-ville-en-ville/?site=1&etape=1> (08.08.2023).

Relations des ambassadeurs. 1838 (2) — Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle. T. 2 / Éd. M. N. Tommaseo. Paris: Imprimerie royale, 1838.

Solnon. 1996 — Solnon J.-F. La cour de France. Paris: Fayard, 1996.

Viennot. 2022 — Viennot E. L'heureux voyage de Flandres: temps du récit, temps de l'écriture, dans les Mémoires de Marguerite de Valois // Viennot E. Seize études sur Marguerite de Valois, ses proches, son œuvre, son temps, son mythe. Paris: Classiques Garnier, 2022. P. 235–249.

Viollet-le-Duc. 1872 (I) — Viollet-le-Duc E.-E. Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque Carlovingienne à la Renaissance. T. I. Paris: A. Morel, 1872.

zum Kolk. 2017 — zum Kolk C. La sédentarisation de la cour à Paris d'après les itinéraires des derniers Valois (1515–1589) // Paris. Ville de cour (XIIIe–XVIIIe siècle) / Sous la dir. de B. Bove, M. Gaude-Ferragu, C. Michon. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. P. 51–68.

REFERENCES

Boutier, Jean, Dewerpe, Alain, Nordman, Daniel. *Un tour de France royale. Le voyage de Charles IX (1564–1566)*. Paris: Aubier, 1984. (in French).

Bove, Boris, zum Kolk, Caroline. “La mobilité royale au prisme des itinéraires du roi (1180–1792)”. In *L’Itinérance de la cour en France et en Europe. Moyen Âge—XIXe siècle*, edited by Boris Bove, Alain Salamagne, Caroline zum Kolk, 21–34. Villeneuve d’Ascq: Presses universitaires de Septentrion, 2021. (in French).

Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. *Oeuvres complètes*. T. X. Paris: J. Renouard, 1866. (in French).

Febvre Lucien. *A New Kind of History*. Moscow: Nauka, 1991. (in Russian).

Holt, Mack. *The Duke of Anjou and the politique of struggle during the Wars of Religion*. Cambridge: Cambridge university press, 2002.

L’Estoile, Pierre de. *Mémoires-journaux*. T. I. Paris: Librairie des bibliophiles, 1888. (in French).

Lauzun, Philippe. *Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne d’après ses livres de comptes (1578–1586)*. Paris: Picard, 1902. (in French).

Marguerite de Valois. “Discours docte et subtil”. In Marguerite de Valois. *Mémoires et autres écrits*, edited by Éliane Viennot, 253–276. Paris: H. Champion, 1998. (in French).

Marguerite de Valois. “Le voyage des Flandres”, edited by Nicole Dufournaud, Caroline Trotot, Caroline zum Kolk, Alain Martinet, Philippe Gambette, <https://citedesdames.github.io/de-ville-en-ville/?site=1&tape=1>. (in French).

Marguerite de Valois. *Memoirs. Selected letters. Documents*, edited by Vladimir Shishkin, Éliane Viennot, Laurent Angard. St. Petersburg: Eurasia, 2010. (in Russian).

Tommaso, Niccolò, ed. *Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle*. T. 2. Paris: Imprimerie royale, 1838. (in Italian and in French).

Richard Cook. “The court of France under Henry III as seen by an Englishman (1584–1585): French version”, edited by David Potter. In *Proslogion. Problems of social history and culture of the Middle Ages and early Modern times. Special issue: Politique et Religion dans la France du XVIe siècle*, edited by Hugues Daussi and Vladimir Shishkin, no. 1 (13) (2016): 315–331. (in French).

Shishkin, Vladimir. "Comparative itineraries of Charles IX and Catherine de' Medicis in 1561–1574". In *Srednie veka* 83, no 2 (2022): 108–126. (in Russian).

Shishkin, Vladimir. "Ceremonial of the French Queen's court in the epoch of Renaissance". In *Historical Journal: scientific researches*, no. 2 (2017): 40–55. (in Russian).

Shishkin, Vladimir. "Itineraries of Margaret of Valois (with reference to her letters from the National library of Russia)". In *Izvestiya Uralskogo Federalnogo Universiteta*. Series 2. Humanities. 24, no. 1 (2022): 87–101. (in Russian).

Shishkin, Vladimir. "Men in the house of the French Queen (XVIth–XVIIth centuries)". In *The court of the monarch in medieval Europe: phenomenon, model, environment*, edited by Nina Khachaturian, 149–164. Moscow — St. Petersburg: Aletya, 2001. (in Russian).

Shishkin, Vladimir. "To seize the Queen of Navarre: the fugitive court of Marguerite de Valois in 1585–1587". In *French Yearbook 2014: The life of the court in France from Charlemagne to Louis XIV*, edited by Alexander Chudinov and Julia Krylova, 208–238. Moscow: Institut of Universal history, 2014. (in Russian).

Shishkin, Vladimir. *The French Royal Court in the XVIth century*. Saint Petersburg: Eurasia, 2018. (in Russian).

Solnon, Jean-François. *La cour de France*. Paris: Fayard, 1996. (in French).

Viennot, Éliane. "L'heureux voyage de Flandres: temps du récit, temps de l'écriture, dans les *Memoires de Marguerite de Valois*". In Viennot, Éliane. *Seize études sur Marguerite de Valois, ses proches, son œuvre, son temps, son mythe*, 235–249. Paris: Classiques Garnier, 2022. (in French).

Viennot, Éliane. Marguerite de Valois. *Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe*. St. Petersburg: Eurasia, 2012. (in Russian).

Viollet-le-Duc, Eugène-Emmanuel. *Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque Carlovingienne à la Renaissance*. T. I. Paris: A. Morel, 1872. (in French).

Weiss, Herman. *History of the Culture of the World*. Moscow: Eksmo, 2009. (in Russian).

zum Kolk, Caroline. "La sédentarisation de la cour à Paris d'après les itinéraires des derniers Valois (1515–1589)". In *Paris. Ville de cour (XIIIe–XVIIIe siècle)*, edited by Boris Bove, Mireille Gaude-Ferragu, Cedric Michon, 51–68. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. (in French).

А.Ю. Серегина

Институт Всеобщей истории РАН
Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ORCID ID 0000-0002-9630-5903
Scopus ID 57195425473
aseregina@mail.ru

ПРИДВОРНЫЕ ДАМЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I АНГЛИЙСКОЙ И ПУТЕШЕСТВИЯ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА

Ключевые слова: Англия в раннее Новое время, Елизавета I, придворные дамы, летние путешествия, королевский визит, брачные стратегии, итинерарии, англо-испанская война.

Аннотация: В Европе раннего Нового времени женщин обычно изображали внутри пространства дома. Однако они, особенно аристократки, часто путешествовали – порой по своим делам, порой с монаршим двором, а иногда на встречу со своими правителями. Статья сфокусирована на путешествиях королевы Елизаветы I Английской в 1591 г. Сохранились описания празднеств, счета, письма участников поездки. Эти источники позволяют реконструировать персональный состав придворных дам, путешествовавших с королевой, а также других аристократок, направлявшихся ей навстречу. В статье показано, что дамы, сопровождавшие Елизавету I или встречавшихся с ней, во время путешествия формировали новые семейные альянсы и занимались политическим лоббированием. Анализ источников показывает, что все упоминания о передвижениях дам приходятся на письма, тогда как в описаниях приемов их нет, и женщины всегда изображаются находящимися в том или ином доме, и никогда – передвигающимися между резиденциями. Таким образом, женские путешествия, хотя и частые, оказывались неопишесемыми.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 21–18–00181 «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI – начала XVII в.».

Для цитирования: Серегина А. Ю. Придворные дамы Елизаветы I Английской и путешествия королевского двора // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 186–251. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-186-251

A.Yu. Seregina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences
St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences
ORCID ID 0000-0002-9630-5903
Scopus ID 57195425473
aseregina@mail.ru

LADIES-IN-WAITING OF QUEEN ELIZABETH I OF ENGLAND AND SUMMER PROGRESSES OF THE ROYAL COURT

Keywords: Early Modern England, Elizabeth I, ladies of the royal court, summer progresses, royal visit, marriage strategies, itineraries, Anglo-Spanish war.

Abstract: In early Modern Europe women were often depicted within households. However, aristocratic women travelled often – sometimes on their own business, sometimes – together with a royal court, or to meet their monarchs. The article is focused on Queen Elizabeth I of England and her progresses of 1591. These are well-documented: there are descriptions of royal visits and entertainments, financial records, and the letters written by travelling courtiers. All these sources help produce a list of the court women who travelled with the Queen, as well as other noble ladies who met Elizabeth I on her way. It is shown that the ladies who accompanied Elizabeth I or met her during the progresses of 1591 used their travels for a number of purposes: they formed new family alliances, and also were heavily engaged in political lobbying. The analysis of the texts demonstrates that all references to travelling women are to be found in private letters and are absent from the descriptions of royal visits, and women are also depicted as being at one place or another but not moving between those places. Thus, women's travels, however frequent, remained undescribed and undepictable.

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant of the Russian Science Foundation, No. 21-18-00181 "Itineraries of Power. The movements of the rulers of Russia and Western Europe in the political culture of the XVIth – early XVIIth century".

To cite this article: Seregina, Anna. "Ladies-in-waiting of Queen Elizabeth I of England and summer progresses of the royal court". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 186–251. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-186-251

На протяжении столетий в европейской культуре сферой женской деятельности считалось управление домом. В многочисленных наставлениях различных жанров, обращенных к женщинам, добродетельные дамы занимались домом и домочадцами и изображались внутри дома или манора. Если же эти женщины принадлежали к придворной элите, то они также считались принадлежавшими к «дому» — короля или королевы. Нахождение женщин вне пространства дома воспринималось как нечто подозрительное и потенциально их порочащее¹.

Такое представление о женщинах — хранительницах очага, у этого самого очага находящихся — было скорректировано исследованиями экономической деятельности женщин, в особенности простолюдинок. Большинство женщин низшего сословия хотя бы часть времени работали вне дома (крестьянки, трудившиеся в полях, или наемные работницы в городах) и довольно часто путешествовали в поисках работы². Однако представление о женщинах, находящихся преимущественно в пределах дома, господствует по отношению к дамам привилегированных сословий.

При этом многочисленные исследования давно показали, что свиты аристократов и дворы монархов в Средние века и в раннее Новое время находились в постоянном движении. Даже когда у европейских стран появляются столицы, монархи и их дворяне обоих полов часто путешествовали. В Англии к XVI в. королевский двор постепенно стал более оседлым, т.е., преимущественно перемещался между резиденциями, расположенными вокруг Лондона, тогда как аристо-

1 См., например, **Wiesner-Hanks**. 2008: 108.

2 **Wiesner-Hanks**. 2008: 105–110, 113–118.

краты и дворяне с семьями периодически приезжали в Лондон (например, на парламентские сессии), а потом возвращались в графства или объезжали свои владения³.

Но и в XVI в. английские монархи регулярно отправлялись в долгие путешествия по стране, обычно летом — осенью (конец июля–октябрь). Размахом поездок отличались Генрих VII, Генрих VIII и его младшая дочь Елизавета I, таким образом, пол правителя как таковой не влиял на количество и дальность поездок⁴.

Вместе с монархом перемещался и его / ее двор. Двор Елизаветы I естественно, насчитывал больше женщин, которые регулярно разъезжали по стране вместе со своей госпожой. Однако не только придворные дамы отправлялись в дорогу: путешествия, подобные королевским, хотя и более скромные по масштабу, предпринимали влиятельные аристократы. Например, лорд-лейтенант графства Сассекс Энтони Браун, виконт Монтегю вместе с женой⁵ и свитой устраивали летние поездки, которые секретарь виконта Энтони Гарнет в письме к сэру Уильяму Мору именовал «малым путешествием» (*petty progress*). Согласно составленному заранее итинерарию, с которым Гарнет знакомил Мора, виконт отправился из своей резиденции Бэттл на востоке графства, собираясь нанести визиты знатнейшим семьям графства — графине Эрндел в замке Эрндел,

3 См., например, **Guenee**. 1985: 126-136; **Bernhardt**. 2002: 45-47.

4 О летних путешествиях Тюдоров см. **Kisby**. 1999: 29-39; **Hill Cole**. 1999; **Hill Cole**. 2007; **Cooper, Hayes Davies**. 2023.

5 Энтони Браун, 1-й виконт Монтегю (1528-1592) — влиятельный католик, придворный (королевский знаменосец), член Тайного Совета эпохи Марии Тюдор. При Елизавете I в 1569-1585 гг. занимал пост лорда-лейтенанта графств Сассекс и Сарри. В письме речь идет о его второй жене Магдален (урожд. Дейкр, 1532-1608). См. **Questier**. 2006: 68-101; **Серегина**. 2017: 47, 141-151.

лорду и леди Ламли в маноре Станстед, затем в собственный замок Каудрей посмотреть, как идут строительные работы (эта часть поездки должна была более всего заинтересовать Мора, так как Каудрей находился неподалеку от его дома в Лузли), затем — в Петуорт к графу Нортумберленду или в Пархэм к Палмерам и оттуда обратно в Бэттл⁶.

Поездки королевы были масштабнее, вовлекали гораздо больше участников, в том числе и женщин. В статье пойдет речь о группе женщин, которые перемещались регулярно и на довольно большие расстояния — это фрейлины и дамы опочивальни Елизаветы, отправлявшиеся в путь вместе со своей госпожой. Путешествия Елизаветы довольно хорошо исследованы, существуют итинерарии ее поездок⁷. Однако внимание

6 Surrey History Centre, Woking, Looseley MS 6729/8/80. Письмо не датировано и могло быть написано в 1576–1587 гг., когда Энтони Гарнетт (католик, бывший глава оксфордского колледжа Бейлиол и капеллан виконта) выполнял обязанности секретаря Монтегю. Представляется, однако, что путешествие такого рода — по сути, объезд графства, Монтегю совершал в те годы, когда занимал пост лорда-лейтенанта, т.е., до 1585 г. Упоминание графини Эрендел еще больше сужает возможный диапазон дат. Энн Ховард (урожд. Дейкр), графиня Эрендел (1557–1630), супруга Филиппа Ховарда, графа Эрендела — наследственного графа-маршала двора и главу старейшего католического рода, приходилась виконтессе Монтегю племянницей. [О ней см. **Briez Monta**. 2011: 59-82]. Энн Ховард стала хозяйкой замка Эрендел только в 1580 г., когда ее супруг унаследовал титул от деда, Генри Фицалана, 12-го графа Эрендела. Последний долгие годы был вдовцом, следовательно, до 1580 г. никакой графини Эрендел просто не было.

Джон, барон Ламли (1533–1609) и его супруга Элизабет (урожд. Дарси), католики-конформисты, пользовались благосклонностью королевы. [ODNB. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/17179>]. В Петуорте супругов Монтегю могли принимать Генри Перси, 8-й граф Нортумберленд (1532–1585) и его супруга Кэтрин (урожд. Невилл), племянница Монтегю [HP 1982]. В Пархэме виконта могли принимать католик сэр Томас Палмер (ок.1520–1582) и его жена Кэтрин (урожд. Стредлинг), или его сын Уильям Палмер [HP 1981].

7 Hill Cole. 1999:180–202; ECDD.

исследователей традиционно уделяется королеве и принявшим ее людям и корпорациям, тогда как о путешествующих вместе с ней мы знаем гораздо меньше.

Статья сфокусирована на путешествиях 1591 г. — майской поездке в Теобальдс (в графстве Хартфордшир, манор лорда-казначея и самого влиятельного советника королевы, Уильяма Сесила, лорда Бёрли) и большом летнем путешествии (август–октябрь) в графства Сарри, Сассекс и Хэмпшир, возобновившем традицию длительных летних поездок после перерыва в 1580-х гг.⁸ Выбор обусловлен не только масштабом поездки, но и наличием большого комплекса источников, связанных с ней. До нас дошли описания трех королевских визитов: в Теобальдс, замок Каудрей в Сассексе — дом виконта Монтегю, и Элветэм в Хэмпшире — манор Эдварда Сеймура, графа Хартфорда⁹. Кроме того, сохранился ряд писем, относящихся ко времени поездки, в том числе письма сына лорда Бёрли, сэра Роберта Сесила лорду-канцлеру сэру Кристоферу Хаттону¹⁰.

Весенняя поездка продлилась с 5 по 22 мая 1591 г.: королева и ее свита выехали из Гринвича в Теобальдс (графство Хартфордшир к северу от Лондона) и вернулись обратно.

-
- 8 После 1582 г. и до 1591 г. Елизавета не ездила в путешествия и проводила лето в ближайших к столице загородных резиденциях. См. Hill Cole. 1999: 206.
  - 9 Nichols's *The Progresses*. 2014: 529–541, 549–575; *The Speeches and Honorable Entertainment*. 1591; *The Honorable Entertainment*. 1591; Brennecke. 1968; Boyle. 1971; Smith. 1977; Colthorpe. 1987; Bright. 1987; Bright. 1989; Bright. 1992; Leslie. 1998; Oehle. 1999; Heale. 2007; Davies. 2013; Crover. 2014; Kolkovich. 2016: 42–57, 157–176; Серегина. 2022a.
  - 10 Cecil. 2003. Лорд-канцлер и фаворит королевы сэр Кристофер Хаттон (1540–1591) не участвовал в летнем путешествии 1591 г. (за исключением приема в Каудрее в августе), т.к. оставался в Лондоне и готовился к судебному процессу пуритан — критиков елизаветинской церкви [Younger. 2022]. Сэр Роберт Сесил (1563–1612) — сын лорда Бёрли, *de facto* государственный секретарь, сопровождал королеву и постоянно информировал Хаттона о происходящем [Acres. 1992].

Летняя поездка началась 30 июля и продлилась до 4 октября. Елизавета I выехала из Гринвича на юг, в графства Сассекс и Хэмпшир и проследовала через Чичестер, Портсмут и Саутгэмптон, а оттуда в королевский дворец в Ричмонд (графство Сарри; подробный итинерарий поездок см. в приложении I)¹¹.

В статье будет предпринято просопографическое исследование аристократок, преимущественно придворных дам, принимавших Елизавету и сопровождавших ее в поездках 1591 г., будут рассмотрены обязанности дам и фрейлин и их изменение в связи с перемещениями двора, а также будет показано, как в ходе поездок проявлялись и другие роли придворных дам в рамках систем королевского и аристократического патроната¹². Прежде всего, это касалось формирования связей между различными кланами, т.е., построение новых сетей патроната через брачные альянсы. Кроме того, дамы были задействованы и в политическом лоббировании — заведении самых важных государственных должностей.

Кто из дам сопровождал королеву?¹³ Ответить на этот вопрос однозначно практически невозможно. Списки фрейлин и дам, получавших плату за свои услуги, сохранились не

11 Данные по поездкам Елизаветы в 1591 г. приводятся по подробному итинерарию королевы, составленному Марион Колторп: **ECDD**. 1591. В тот год королева большую часть времени провела в своем дворце в Гринвиче. Туда она перебралась 13 февраля, в начале Великого поста, отпраздновала в Гринвиче Пасху, оттуда же отправилась в короткую поездку в Теобальдс, а затем — и в летнее путешествие на юг Англии. Вернулась из путешествия она уже в другой дворец — в Ричмонд, где и оставалась до Рождества.

12 О роли патроната в истории английского дворянства XVI–XVII вв. см. **Harris**. 2002; **Mendelson, Crawford**. 2003; **Women and Politics**. 2004; **The Politics of Female Households**. 2014; **Cogan**. 2021.

13 Двор английских монархов подразделялся на «дом» (household) — придворных низшего ранга и скромного происхождения, в обязанности которых входило обеспечение жизнедеятельности двора (приготовление еды,

полностью, хотя сведения за 1591 г. до нас дошли. Однако в списке не всегда отражены отлучки дам (на которые они получали разрешения королевы и которые, как мы увидим, могли быть необходимы в ходе поездки), поэтому мы не можем быть уверены в том, что все дамы были при королеве неотлучно и в каждом из пунктов поездки. Тем не менее, изучение документов¹⁴ показывает, что женская свита Елизаветы в 1591 г. составляла 30 человек, оплачиваемых придворных. На самом деле свита была более многочисленной, в ее число входили «экстраординарные» дамы, т.е., те, кто не получал оплату, но «бывал» при дворе. Таких дам могло быть больше десяти. Однако они не проделывали весь путь со двором, а могли приезжать на отдельные приемы, иногда по собственному выбору, но иногда и по прямому предписанию.

Такие предписания издавали, когда во время поездки планировались приемы послов или даже иностранных государей. В письмах, которые были отправлены королевой своим лордам 18 июня 1562 г., и северянам, и южанам, поименованным в посланиях, приказывали явиться для торжественной встречи шотландской королевы Марии Стюарт¹⁵. На

стирка, шитье, перевозка вещей и мебели, уборка и т.п. обязанности), и штат личных покоев (privy chamber) — дворяне более высокого звания, которые составляли непосредственное окружение монарха. В статье рассматривается именно последняя категория придворных.

- 14 Списки дам и фрейлин королевской опочивальни приведены полностью в приложении к диссертации Шарлотты Мертон: **Merton**. 1992: 254–274.
- 15 В 1562 г. планировалась встреча Елизаветы с Марией Стюарт в Йорке. В письмах, отправленных лордам, было указано, кто и куда должен был явиться. На границе, в Бервике, шотландскую королеву должны были встречать князь-епископ Дарэмский (Джеймс Пилкингтон) и лорды-хранители Северных марок — графы Нортумберленд (Томас Перси [с женой Энн, урожд. Сомерсет?]) и Камберленд (Генри Клиффорд [с женой Энн, урожд. Дейкр?]), барон Дейкр (Уильям Дейкр из Гилсленда), а также дворяне Северных марок. Им полагалось препроводить Марию Стюарт к переправе через реку Тис, на противоположном берегу которой королеву должны

такие приемы прибывали и другие титулованные аристократы с супругами, даже если они не числились придворными. А в 1591 г. ожидался визит Генриха Наваррского в Портсмут¹⁶, так что многие аристократы собирались присоединиться к свите Елизаветы хотя бы на время и планировали свои передвижения. Поэтому они живо интересовались итинерарием королевы, о чем свидетельствует, например, письмо лорда-камергера елизаветинского двора Генри Стенли, графа Дерби своему другу и родственнику, Гилберту Тэлботу, графу Шрусбери: в ответ на просьбу последнего граф Дерби послал ему описание предполагаемого маршрута, чтобы Шрусбери мог присоединиться к придворным¹⁷.

Можно предположить, что приемы в честь королевы, устроенные в домах аристократов: в замке Каудрей у виконта

были ждаты архиепископ Йоркский (Томас Янг) и глава Совета Севера граф Ратленд (Генри Мэннерс [с женой Бриджет, урожд. Хасси, в 1-м браке Моррисон?]) с дворянами графства. Все упомянутые лица управляли северными графствами и должны были присутствовать *ex officio*. В письмах другим лордам было особо упомянуто, что они должны явиться с женами, причем некоторые пары были поименованы отдельно — барон Скроуп из Болтона (Генри Скроуп [с женой Маргарет, урожд. Ховард?]), бароны Юр и Дарси с супругами (Уильям Юр и Маргарет, урожд. Даймок; Джон Дарси и Энн, урожд. Бабингтон). Еще одна группа аристократов с женами должна была приехать в Йорк с юга вместе с Елизаветой. В ее состав входили герцог Норфолк (Томас Ховард и Маргарет, урожд. Одли), графы Шрусбери (Джордж Тэлбот и Гертруда, урожд. Мэннерс), Оксфорд (Джон де Вир и Марджери, урожд. Годинг), Дерби (Эдвард Стенли и Дороти, урожд. Ховард), Хантингдон (Фрэнсис Хейстингс и Кэтрин, урожд. Пол) и виконт Монтегю (Энтони Браун и Магдален, урожд. Дейкр). См. **CSP Foreign**. 1867: 103. Знаком вопроса отмечены дамы, прямо не упомянутые в документе. Их присутствие, скорее, подразумевалось (из-за постов, которые занимали их мужья).

- 16 Еще в начале августа 1591 г. Генрих Наваррский писал Елизавете о том, что собирается нанести ей краткий визит в Портсмуте: **CCP**. 1892: 132–133. Визит так и не состоялся.
- 17 Lambeth Palace Library MS 3199/357. См. **ECDD**. 1591: 17.

Монтегю (14–20 августа)¹⁸, в Портсмуте (26–28 августа, у графа Сассекса)¹⁹, а затем — в поместьях графа Саутхэмптона (Тичфилд, Хэмпшир, 2–4 сентября)²⁰, маркиза Винчестера (Эбботстон, Хэмпшир, 9–11 сентября и Бейсинг, Хэмпшир, 13–16 сентября)²¹ и графа Хартфорда (Элветэм, Хэмпшир, 20–23 сентября)²² собрали наибольшее число таких титулованных дам. Одна из них упомянута в описании приема у виконта

-
- 18 **ECDD**. 1591: 20–23. О виконте Монтегю см. примеч. 5. О приеме в Каудрее см. примеч. 9.
- 19 **ECDD**. 1591: 25–26. Генри Рэдклиф, 3й граф Сассекс (1532–1593), был губернатором Портсмута и командующим гарнизона замка Порчестер в этом городе, а также (с 1585 г.) лордом-лейтенантом графства Хэмпшир (совместно с маркизом Винчестером, см. примеч. 21). [**HP** 1981]. В Портсмуте он и его жена Гонора (урожд. Паунд, 1539–1593) принимали королеву в своем городском доме и устраивали театральные представления и парад в ее честь. Сценарий представлений не сохранился.
- 20 **ECDD**. 1591: 27. Генри Ризли, 3-й граф Саутхэмптон (1573–1624), «экстраординарный» придворный и друг фаворита королевы графа Эссекса [**Stopes**. 1922; **Akrigg**. 1968; **ODNB**. 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/30073>]. На момент приезда Елизаветы в 1591 г. он был еще несовершеннолетним, так что прием устраивала его мать, Мэри Ризли (урожд. Браун, 1552–1607), графиня Саутхэмптон, старшая дочь виконта Монтегю.
- 21 **ECDD**. 1591: 29–30. Уильям Полет, 3й маркиз Винчестер (1531–1598), лорд-лейтенант графств Хэмпшир и Дорсет. [**HP** 1981] Непонятно, участвовала ли в приеме жена маркиза: Энн Полет, урожд. Ховард (1532–1601) с конца 1570-х гг. жила отдельно от мужа, а их брак фактически распался. Однако маркиза Винчестер часто бывала при дворе, хотя и не имела там оплачиваемой должности, и часто сопровождала королеву [**Greenbaum**. 1987].
- 22 **ECDD**. 1591: 32–38. Эдвард Сеймур, 1й граф Хартфорд (1539–1621), сын лорда-протектора Сомерсета, двоюродный брат короля Эдуарда VI, лорд-лейтенант графств Уилтшир и Сомерсет в 1601–1621 гг. [**ODNB**. 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/25161>]. О жене Сеймура, леди Фрэнсис (урожд. Ховард) подробнее см. **Приложение II**. О приеме в Элветэме см. примеч. 9.

Монтегю в Каудрее: там сказано, что королева охотилась вместе с графиней Килдейр²³ — Фрэнсис Фицджеральд (урожд. Ховард), до замужества — фрейлиной, а на тот момент «дамой без оплаты»²⁴. Упоминание по имени дамы королевской свиты в описании приемов — редкий случай, если речь не идет о хозяйке дома и / или ее дочерях.

Список фрейлин и дам королевской опочивальни, служивших Елизавете в 1591 г, приводится в Приложении II. Он сопровождается биографическими комментариями, основанными на проведенном просопографическом исследовании. Его предварительные выводы позволяют заключить, что дамы «ближнего круга» Елизаветы принадлежали к семьям потомственных придворных, служивших династии Тюдоров на протяжении двух-трех поколений. При этом среди самых высокопоставленных дам (*Ladies of the Bedchamber*) доминировали родственницы королевы по материнской линии из семей Кэри и Ноллис — потомки Марии Болейн и Генриха VIII, Стаффорд (наследники мужа Марии Болейн от его второго брака), а также по линии Ховардов (точнее, Ховардов из Эффингэма — протестантской ветви семьи)²⁵.

23 **Nichols's The Progresses**. 2014: 553. В 1591 г. в Англии было две графини Килдейр — Фрэнсис, урожд. Ховард (1544–1598), жена Генри Фицджеральда, 12-го графа Килдейра, и ее свекровь Мейбл (урожд. Браун), вдова 11-го графа Килдейра, приходившаяся сестрой виконту Монтегю. Елизавета I хорошо знала обеих дам: Мейбл Браун в юности была фрейлиной и вместе с принцессой Елизаветой жила при дворе Марии I, а Фрэнсис Ховард служила Елизавете как дама опочивальни. Обе дамы могли присутствовать на празднике в Каудрее, однако в охоте на оленей, требовавшей меткости, скорее всего, участвовала младшая из них. Кроме того, в описании охоты говорится о свите (“*traine*”) Елизаветы, к которой принадлежала именно младшая графиня Килдейр.

24 О графине Килдейр см. **Приложение II**.

25 См. **Приложение II**.

Таким образом, верхушка придворной элиты тюдоровской Англии к концу XVI в. стала замкнутым сообществом, а ее привилегированное положение внутри дворянской иерархии обеспечивалось физической близостью к королеве. Естественно, в первую очередь это касалось фрейлин и дам опочивальни (*maids-of-honour, gentlewomen and ladies of the Bedchamber*), которые всегда находились рядом с Елизаветой. В ходе поездок дамы должны были обслуживать телесные потребности своей госпожи — охранять ее сон, одевать ее и заботиться о королевском гардеробе, о питании, здоровье, развлекать королеву чтением и др. Это были обычные обязанности придворных, выполнение которых могло осложняться во время путешествий. В пути Елизавета требовала завтрак, обед и ужин в любое время, когда ей этого хотелось; для ее дам в это время не устраивали общих застолий, но просто в определенное время (утром и вечером) раздавали им еду, которую дамы и фрейлины ели там и тогда, где и когда им это позволяла их работа. Дамы должны были также отобрать одежду и личные вещи королевы, необходимые в поездке, согласовать свой выбор с Елизаветой, при необходимости устроить доставку забытого и упущенного, и все это с учетом нехватки места, потери или порчи багажа, болезней и т.п.). При этом во время поездок большая часть слуг королевы, обеспечивавших функционирование дворцовых хозяйств (*household*), оставалась на месте, а вот дворяне и дворянки личных покоев (*Privy Chamber*) следовали за своей госпожой. Отсутствие многочисленных служанок еще более осложняло дамам выполнение их обязанностей, так что летние поездки были для них хлопотным периодом²⁶.

26 Merton. 1992: 117-120.

Выбор маршрута поездок определяли вице-камергеры двора, но затем они должны были получить одобрение королевы. В конечном счете, именно Елизавета решала, куда именно отправится, причем могла в последний момент передумать. Так, летом 1591 г. она собиралась заехать в Винчестер (9 сентября)²⁷, однако на это не хватило времени: королева слишком задержалась в Портсмуте и Сатухэмптоне и даже хотела было переправиться на остров Уайт. Придворным удалось ее отговорить под предлогом возможного ухудшения погоды, однако время было упущено, и королева приказала поворачивать к Лондону.

Однако, несмотря на такие корректировки, в целом королева хорошо представляла себе, куда, к кому и по какой причине собирается заезжать. Выбор маршрута объяснялся политическим контекстом путешествий 1591 г. Как уже отмечалось, на лето этого года планировался визит в Англию Генриха IV Наваррского, что предопределило поездку на юг Англии. Кроме того, в условиях войны с испанцами и отправки английских вооруженных отрядов на помощь французскому союзнику в Нормандию королева сочла нужным лично проинспектировать оборонительные сооружения южных портов, которые могли подвергнуться нападению испанского флота, а также и почтить визитом своих подданных в графствах, на которых лежало основное бремя войны²⁸.

Кроме того, поездки 1591 г. совершались в обстановке религиозно-политического кризиса — обострения отношений правительства Елизаветы как с пуританами, так и с католиками. 1580-е гг. были периодом активизации пуритан,

---

27 Еще 7 сентября в Винчестере ждали королеву и украшали улицы. **ECDD**. 1591: 29. Несостоявшийся визит ввел городскую корпорацию в немалые расходы. **ECDD**. Proposed Visits: 98.

28 **Hammer**. 2003: 175–182, 250–251.

стремившихся к дальнейшему реформированию Церкви Англии по пресвитерианской модели и запрету епископата. Своеобразной кульминацией этого процесса стала публикация в Лондоне в 1588–1589 гг. так называемых трактатов «Марпрелата»²⁹, очень резких по тону сатирических анти-епископских памфлетов. К концу 1580-х гг. многие придворные покровители пуритан, в том числе королевский фаворит Роберт Дадли, граф Лестер, и государственный секретарь сэра Фрэнсис Уолсингэм, умерли (в 1588 и 1590 гг. соответственно), что сделало радикальных пуритан, особенно в столице уязвимыми. К 1591 г. архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт и его капеллан Роберт Банкрофт начали в столице кампанию против пуританских пасторов-неконформистов. Лидеры общины во главе с Томасом Картрайтом³⁰ были арестованы в 1590 г., а 13 мая 1591 г. предстали перед судом Звездной Палаты³¹.

Именно в это время Елизавета отправилась в свою короткую поездку, и это совпадение не случайно: по дороге в Теобальдс и обратно королева останавливалась в загородных домах богатых лондонцев, семьи которых – и в особенности женщины – были известными покровителями пуритан. 5–10 мая по пути из Гринвича и 20–22 мая на обратном пути королева и ее двор провели в Хакни, в доме, возведенном сэром Роулендом Хейвордом. Сэр Роуленд Хейворд (1520–1593) был

---

29 Трактаты были изданы анонимно, имя автора не установлено. Высказывались предположения об авторстве пуританина Джоба Трокмортонна (Carlson. 1981), или его единоверца и коллеги по Палате Общин Джорджа Карлтона (Marprelate. 2008: xxxv; Collinson. 2013: 64).

30 Томас Картрайт (1535–1603) — пуританский богослов и проповедник [ODNB. 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/4820>].

31 Collinson. 2013: 103–129.

купцом гильдии суконщиков, экспортером английских тканей, одним из богатейших людей Лондона, лордом-мэром в 1570 и 1591 гг.³². Королева любила его дом в Хакни и бывала там часто (в 1583, 1587, 1588, 1590 гг.)³³. Ее там принимала жена хозяина, леди Кэтрин Хейворд (урожд. Смит, [1561–1616]), дочь еще одного богатого купца и сборщика таможенных пошлин лондонского порта³⁴. Елизавета благосклонно относилась к Кэтрин Хейворд, которая, вероятно, разделяла интеллектуальные интересы своего отца — покровителя антикваров, и с удовольствием навещала ее даже и после смерти мужа, в 1597 г.³⁵ Кэтрин Хейворд и ее семья принадлежали к клиентеле покровителя пуритан графа Лестера, а затем — его пасынка Эссекса.

Во время поездки королева нанесла визит сэру Роберту Роту в Энфилде (10 мая)³⁶. Сэр Роберт (1539–1606), богатый дворянин из Мидлсекса, был ревностным протестантом: в 1554–1558 г. он вместе с отцом сэром Томасом Ротом жил в эмиграции в Италии и вернулся лишь при восшествии на престол Елизаветы³⁷. Сэр Томас Рот был придворным Генриха VIII и Эдуарда VI; к такой же семье придворных принадлежала и жена его сына Роберта, леди Сьюзен Рот (урожд. Стопард)³⁸. Королева была благосклонна к многочисленным родственникам сэра Роберта Рота и к нему самому, а последствия визита 1591 г. оказались еще более благоприятными: в 1601 г. сын и тезка хозяина дома, Роберт Рот-младший, стал дворянином

32 ECDD. 1591: 7, 15. HP 1981.

33 ECDD. 1583: 23; 1587: 31; 1588: 13; 1590: 15.

34 HP 1981.

35 ECDD. 1597: 28.

36 ECDD. 1591: 7.

37 HP 1981.

38 HP 1981.

личной охраны королевы и мужем Мэри Сидни — представительницы одной из самых влиятельных придворных семей³⁹. Как и более скромные Хейворды, Роты принадлежали к клиентеле графа Лестера, но затем предпочли покровительство Сесилов.

Наконец, 20 мая королева приехала на обед в дом сэра Ричарда Мартина (1534–1617), ювелира, протестанта со связями в пуританских кругах, лорда-мэра в 1589 и 1593–1594 гг.⁴⁰ Он также принимал королеву раньше, в 1585 и 1588 гг., вместе с женой⁴¹. Доркас Мартин, урожд. Эккстоун (Иглстоун) (1537–1599), дочь лондонского хлеботорговца, была известной в столице пуританкой, вместе с мужем финансировала Французскую (кальвинистскую) церковь в Лондоне и была одной из патронесс Томаса Картрайта⁴².

Таким образом, в мае 1591 г. Елизавета почтила своими визитами богатых и влиятельных лондонцев, убежденных протестантов, склонных к пуританизму. Представляется, что целью королевы было успокоить лондонскую общину, несомненно, встревоженную начавшимся судебным процессом, и показать, что умеренные пуритане-конформисты, в отличие от их более радикальных собратьев, продолжают пользоваться благосклонностью королевы.

Примерно такой же тактики придерживалась королева и ее советники и при организации летнего путешествия 1591 г.

---

39 **HP** 1981. Мэри Сидни (1587–1651/3) — дочь сэра Роберта Сидни, племянница поэта и придворного сэра Филиппа Сидни, родственница многочисленной придворных дам Елизаветы из семей Дадли и Сидни, писательница и поэтесса. **ODNB**. 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/30082>.

40 **ECDD**. 1591: 11; **ODNB**. 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/18205>.

41 **ECDD**. 1585: 24; 1588: 24.

42 **White**. 1999.

На протяжении летних месяцев этого года готовили к изданию королевскую прокламацию, вводившую в силу новые меры по поимке нелегально проникавших в страну иезуитов и католических миссионеров, а также назначавшую в графствах комиссии, которым надлежало ловить иезуитов и следить за делами местных рекузантов (католиков, отказывавшихся присутствовать на обязательных для всех воскресных богослужениях в приходских — протестантских церквях)⁴³. Елизавета имела все основания предполагать, что многочисленные католики южных графств Англии будут недовольны новыми ограничениями. А поскольку именно жители южных графств выплачивали налоги на оборону побережья и там набирали солдат, которые летом 1591 г. отправлялись в Нормандию на помощь Генриху Наваррскому, недовольство южан могло стать опасным. Поэтому Елизавета I летом 1591 г. отправилась в путешествие к своим дворянам-католикам: они составили большинство среди принимавших ее в этой поездке. Оказывая честь католикам-конформистам, королева показывала, что лояльным католикам не стоит бояться нововведений⁴⁴.

В ходе летних поездок королева обычно заезжала в дома, хозяйки которых были ей известны, а чаще всего — знакомы лично. Это были либо ее придворные дамы и их родственницы, либо даже придворные дамы Марии I, вместе с которыми при дворе сестры служила и сама Елизавета, тогда еще принцесса. В летней поездке 1591 г. были визиты обоего рода — в Каудрей к виконту Монтегю, жена которого леди Магда-

---

43 Прокламация была опубликована 18 октября 1591 г.: TRP. 1969: 86–95.

44 Серегина. 2023: 113–114.

лен была фрейлиной королевы Марии в 1553–1557 гг. и знакома Елизавете с юности⁴⁵, а также и к Фрэнсис Сеймур, графиня Хартфорд, дама королевской опочивальни, одна из любимиц королевы⁴⁶.

Описания визитов показывают, что дамы — хозяйки манора должны были встречать королеву у ворот, тогда как мужчина — глава семьи сопровождал королеву от места ее предыдущей остановки⁴⁷. В тех случаях, когда это правило нарушалось, приходилось давать объяснения. Например, в мае 1591 г. королева прибыла в Теобальдс в сопровождении сыновей хозяина дома — сэра Томаса и сэра Роберта Сесилов, а встречал ее у ворот сам лорд Берли, т.к. женщины его семьи — мать и жена — к тому моменту уже умерли, о чем он счел нужным сказать в приветственной речи⁴⁸. Других женщин «с принимающей стороны» описания не упоминают, за исключением крестников и крестниц королевы. Последние встречали крестную мать на пороге дома. В Каудрее это была дочь

---

⁴⁵ Серегина. 2019: 168, 173. Елизавета I в 1591 г. посетила также и падчерицу виконтессы Монтегю Мэри Ризли (урожд. Браун, 1552-1607, дочь 1-го виконта Монтегю от его первого брака с Джейн Рэдклиф), графиню Саутхэмптон. Та принимала королеву в Тичфилде (Хэмпшир, 2–4 сентября: ECDD. 1591: 27). Мэри Браун не была фрейлиной королевы, но была хорошо ей знакома. Брак Мэри и Генри Ризли, 2-го графа Саутхэмптона, был устроен в 1566 г. с согласия королевы: Akrigg. 1968: 7.

⁴⁶ О ней см. Приложение II. См. также Merton. 1992: 119, 128, 166.

⁴⁷ Nichols's *The Progresses*. 2014: 553, 574, 579–580.

⁴⁸ Nichols's *The Progresses*. 2014: 530–531. Мать лорда Бёрли, Джейн (урожд. Хекингтон) умерла в мае 1587 г., а его вторая жена Милдред (урожд. Кук) — в апреле 1589 г.

Монтегю, леди Элизабет Дормер⁴⁹, а в Теобальдсе — фрейлина королевы Элизабет де Вир, внучка Сесила⁵⁰. Из описаний остается неясным, в какой момент дама, сопровождавшая королеву, отправлялась в свой манор, обгоняя придворную процессию, как это пришлось сделать графине Хартфорд⁵¹.

Перемещение двора, помимо технических сложностей, давало возможность повидаться с родственниками: придворным дамам позволялись небольшие отлучки для визитов в дома родных и друзей «вдоль маршрута»⁵². Кроме того, путешествие создавало идеальные обстоятельства для устройства браков — формирования альянсов между разными кланами, основной способ создания горизонтальных связей в системе патроната. Придворные дамы инициировали брачные переговоры, активно в них участвовали и вовлекали в свои планы королеву: ведь фрейлины и дамы двора выходили замуж только с ее согласия, по крайней мере, в теории. Велись такие брачные переговоры и в 1591 г.

49 Элизабет Дормер встречала королеву у ворот замка Каудрей вместе с матерью: **Nichols's The Progresses**. 2014: 553. Элизабет (1560–1631), старшая дочь виконта Монтегю и его второй жены Магдален Дейкр, супруга лорда Роберта Дормера (1551–1616). Королева была ее крестной матерью и послала ей на крестины (27 мая 1561 г.) кубок с крышкой из позолоченного серебра: **Lawson**. 2013: 71.

50 **Nichols's The Progresses**. 2014: 533. Элизабет де Вир (1575–1627) — старшая дочь Эдварда де Вира, 17-го графа Оксфорда, и Энн Сесил, внучка лорда Бёри. См. также **Приложение II**. На ее крестины 10 июля 1575 г. королева подарила кубок с крышкой из позолоченного серебра — стандартный подарок, но также и серебряную чашу с подносом: **Lawson**. 2013: 180.

51 В описании приема в Элветэме говорится, что Елизавету на пороге встречала коленопреклоненная Фрэнсис Сеймур, графиня Хартфорд: **Nichols's The Progresses**. 2014: 579–580. В качестве дамы опочивальни графиня должна была сопровождать свою госпожу; поскольку Фрэнсис Сеймур не могла одновременно прибыть в манор вместе с королевой и встречать ее у входа в дом, остается предположить, что графиня в какой-то момент уехала вперед готовиться к приему королевы.

52 **Merton**. 1992: 117–119.

Виконт Монтегю и его старшая дочь Мэри Ризли, графиня Саутхэмптон, планировали женить внука и сына, семнадцатилетнего Генри Ризли, графа Саутхэмптона на внучке его опекуна лорда Бёрли, крестнице фрейлине королевы Элизабет де Вир⁵³. Планы женитьбы молодого аристократа на Элизабет возникли у Бёрли еще в 1589 г., и он тогда же сообщил о решении своему подопечному⁵⁴. Однако вскоре Бёрли заподозрил, что юноша не желает жениться. Сначала он подумал, что молодому графу предложили другую невесту. Об этом свидетельствует письмо шерифа графства Дерби сэра Томаса Стенхоупа своему патрону лорду Бёрли от 15 июля 1590 г. В нем Стенхоуп приносил извинения за то, что по незнанию вмешался в планы Бёрли, предложив графине Саутхэмптон женить сына на его дочери Энн. Графиня объяснила сэру Томасу, что ее сына Бёрли предназначил в мужья внучке, леди де Вир, и Стенхоуп тут же отказался от своих намерений⁵⁵. В

---

53 См. примеч. 5, 20, 44, 49.

54 **Akrigg**. 1968: 34. После смерти отца в 1581 г. право управления землями графа Саутхэмптона в период несовершеннолетия (1581–1594 гг.), право опеки и заключения брака было пожаловано королевой Чарльзу Ховарду, барону Эффингэму. Последний заключил соглашение, согласно которому права опеки и заключения брака передавались Уильяму Сесилу, лорду Бёрли.

55 **CSPD**. 1865: 680. Сэр Томас Стенхоуп (1540–1596) — дворянин из клиентелы Сесилов, шериф Ноттингэмшира и активный парламентарий. Его сыновья в 1590-х гг. были джентльменами королевской опочивальни. [**HP** 1981]. Томас Стенхоуп хотел выдать за графа Саутхэмптона свою дочь Энн (1576–1651), а когда его попытка вызвала неудовольствие патрона, он поспешил найти другого жениха. Им стал Джон Холмс (1567–1637) из Хотона, богатый дворянин из того же графства, впоследствии — придворный Якова I, барон Хотон (1616 г.) и граф Клер (1624 г.) [**HP** 2010]. Свадьба состоялась 23 мая 1591 г. с согласия Елизаветы, которая прислала молодым подарок — пару золотых браслетов, украшенных маргаритками из рубинов и жемчужин. **ECDD**. 1591: 11. Lawson. 2013: 400.

августе 1590 г. деда жениха, виконта Монтегю, вызвали к королеве, которая тогда находилась в своем маноре Оатлендс⁵⁶. Там у Монтегю состоялась беседа с лордом Бёрли. Судя по письму Монтегю, адресованному Бёрли и отправленному 19 сентября 1590 г., советник королевы потребовал от деда серьезно поговорить с юношей. Виконт так и сделал, а потом сообщил Бёрли о результатах:

Прежде всего, моя дочь клянется своей верой и честью, что ей неизвестно об изменениях намерений ее сына в отношении вашей внучки. Мы с ней подробно изложили ему все за и против таких изменений и получили от него расплывчатый ответ, что прошлой зимой Ваше сиятельство дали ему отсрочку на год для принятия решения ввиду его юных лет. Я сказал ему ему, что год, о котором он говорил, почти подошел к концу и потому у Вашего сиятельства по чести и по природе есть веская причина желать увидеть свое дитя хорошо устроенным, на что милорд дал мне вот этот ответ и разрешил передать его Вам⁵⁷.

Виконт также предполагал в конце сентября 1590 г. приехать в Лондон вместе с дочерью; там он планировал вместе с Бёрли решить, что делать дальше. Следующим шагом, видимо, стал приезд двора в Каудрей в августе 1591 г. Там состоялось нечто вроде смотрин. Старшие родственники жениха и

56 Елизавета провела в Оатлендсе почти месяц, с 5 по 20 августа 1590 г. **ECDD**. 1590: 21–23.

57 **CSPD**. 1865: 688. Текст письма полностью приводит в своей монографии К. Стопс [Stopes. 1922: 37–38]. Здесь — **Stopes**. 1922: 37: “First my daughter affirms upon her faith and honor that she is not acquainted with any alteration of her sonnes mynd from this your grandchild. And wee have layd abrode unto hym both the comodities and hindrances likely to grow unto him by change; and indeede receive to our perticular speach this generall answer that your Lordship was this last winter well pleased to yeld unto him a further respite of one yere to enshure resolution in respecte of his younge yeres. I answered that this yere which he speaketh of is nowe almost upp and therefore the greater reason for your Lordship in honor and in nature to see your child well placed and provided for, wherunto my Lord gave me this answer and was content that I shoulde imparte the same to your Lordship”.

невесты оказались довольны, а вот молодой граф — нет, хотя проблемой были не недостатки невесты, а политические соображения. Граф Саутхэмптон не желал вступить в альянс с Сесилами, предпочитая партию своего друга графа Эссекса. В итоге спланированный брак графа и Элизабет де Вир так не состоялся: как только Саутхэмптон достиг совершеннолетия (1595 г.), он выбрал себе другую невесту, хотя ему и пришлось заплатить опекуну за это 5000 фунтов стерлингов⁵⁸.

Еще один обсуждавшийся в 1591 г. и, в отличие от упомянутого выше, состоявшийся брачный союз — фрейлины Элизабет Трентэм и Эдварда де Вира, графа Оксфорда (отца Элизабет де Вир)⁵⁹. В связи с политическими и брачными делами в поездке участвовали взрослые Сесилы, мужчины и женщины — члены Тайного Совета Уильям и Роберт Сесилы, а также и супруга последнего Элизабет, урожд. Брук: ее присутствие в поездке подразумевается, так как леди Сесил была одной из дам королевской опочивальни. Кроме того, она прямо упомянута в письмах мужа⁶⁰.

В ходе летнего путешествия 1591 г. искали мужа и для сестры-близнеца Элизабет Сесил — недавно овдовевшей Фрэнсис, леди Стёртон. Фрэнсис была замужем за католиком-

---

58 В начале 1590х гг. ходили слухи, что граф Саутхэмптон собрался жениться на Бриджет Мэннерс — еще одной фрейлине королевы и сестре союзника Эссекса графа Ратленда. Но Бриджет Мэннерс сама выбрала себе мужа, вступив в 1594 г. в тайный брак с Робертом Тайриттом, а в 1598 г. Саутхэмптон женился на третьей фрейлине — двоюродной сестре Эссекса Элизабет Вернон. Элизабет де Вир в 1595 году стала женой Уильяма Стенли, графа Дерби. ECDD. Royal Household: 76.

59 В первом браке Эдварда де Вира и Энн Сесил родились три дочери; графу нужен был наследник. Элизабет Трентэм была внучкой и сестрой придворных, фрейлиной королевы и обладательницей приданого в 1000 ф.с. Свадьба Элизабет и графа Оксфорда состоялась 27 декабря 1591 г.; королева на ней не присутствовала, но отправила молодым подарок (серебряный кубок). Lawson. 2013: 400.

60 Cecil. 2003: 237, 251 (письма от 26 августа и 10 сентября).

конформистом Джоном, бароном Стёртоном (1553–1588)⁶¹. Теперь она искала нового мужа. Потенциальным кандидатом стал сассекский дворянин Томас Ширли, тоже из католической семьи⁶². Сватовство не увенчалось успехом по причинам, о которых пойдет речь ниже. Вторым мужем дамы стал Эдвард Мор — придворный, тоже католик, с которым леди Фрэнсис если не познакомилась, то уж по крайней мере, много общалась во время летней поездки 1591 г.⁶³. Как видим, родственница жены сэра Роберта Сесила — опоры протестантского режима, входившая в его большую клиентелу, трижды находила себе женихов среди католиков, с полного одобрения патронов, что свидетельствует о конфессионально неоднородном составе клиентел советников королевы Елизаветы.

Но если одни дамы согласовывали свои брачные планы с патронами, то другие действовали сами, часто нарушая планы уже составленные, причем самой королевой. 1591 г. был урожайным на сексуальные скандалы. Из девяти незамужних фрейлин и дам опочивальни⁶⁴ только четыре — Мэри Рэдклиф, Элизабет де Вир, Элизабет Трентэм и Кристина Апсли — оказались не замешанными ни в одном из них. Из оставшихся пяти три (Элизабет Трокмортон, Фрэнсис Вавасур и Маргарет Кавендиш) вступили в тайные браки, и три (Элизабет Трокмортон, Кэтрин Ли и Элизабет Саутуэлл) были беременны.

---

61 См. Приложение II. McKeen. 1986: 418–422.

62 Томас Ширли (1564–1630) из Уистона — дворянин из Сассекса, из семьи католиков-конформистов; офицер английской армии в Нидерландах, затем — капитан каперского судна в Северном и Средиземном море; брат дипломатов и путешественников — Энтони и Роберта Ширли [HP 1981].

63 Эдвард Мор (1555–1623), джентльмен с манорами в Сассексе и Хэмпшире, был дворянином королевской гвардии и отправился в летнее путешествие 1591 г. в составе охраны королевы [HP 1981].

64 О них см. Приложение II.

Роман Элизабет (Бесс) Трокмортон с фаворитом королевы и капитаном йоменов ее гвардии сэром Уолтером Рэли начался в 1589 или в 1590 г., а в начале лета 1591 г. (еще до начала путешествия, не позднее июля) Бесс обнаружила, что ждет ребенка. Поездка пришлось на первые месяцы беременности и ей удалось скрыть свое состояние. Она, по всей видимости, сумела получить разрешение королевы навещать брата, сэра Артура Трокмортонна, в его доме в Майл-Энде (Эссекс) в сентябре, следовательно, проехала с двором не весь путь, а скорее всего, из Сассекса повернула обратно к столице⁶⁵.

Фрейлина Фрэнсис Вавасур была обручена с 17-летним Робертом Дадли, незаконнорожденным сыном фаворита Елизаветы графа Лестера. Королева и устроила этот брак, с условием, что свадьба состоится через пару лет ввиду юности жениха. Однако Фрэнсис предпочла юноше взрослого мужчину — того самого Томаса Ширли, которого прочили в мужа родственнице Сесилов. Ширли и Фрэнсис вступили в брак, вероятно, перед самым путешествием, что не помешало Ширли как ни в чем не бывало продолжить свои ухаживания за леди Стёртон на приеме в Каудрее. Об этом с возмущением писал

---

65 Вернувшись ко двору, Бесс Трокмортон тайно обвенчалась с сэром Уолтером Рэли. Точная дата неизвестна. 17 ноября 1591 г. ее брат Артур, узнав о браке, оставил соответствующую запись в дневнике, таким образом, это произошло раньше, в конце октября или начале ноября. Бесс удалось скрыть беременность. Она получила разрешение уехать к брату под предлогом болезни и в его доме родила сына (февраль 1592 г.). Королева узнала обо всем только летом 1592 г. и пришла в ярость. Рэли она потом простила, но для Бесс брак означал конец придворной карьеры — она лишилась поста и благосклонности королевы. **Beer.** 2004: 55–63, 67.

Роберт Сесил отцу и тезке несостоявшегося жениха, сэру Томасу Ширли-старшему 21 сентября 1591 г. из Элветэма⁶⁶. В ответном письме сэр Томас оправдывался, перекладывая ответственность на сына и соблазвившую (!) того фрейлину:

Ваше письмо от 21-го числа этого месяца оказалось в моих руках сейчас, в девять вечера 22 дня. Я и в самом деле просил Вас сообщить Ее Величеству, как я недоволен браком моего несчастного сына и умолял Вас дать понять Ее Величеству, что мне нанесли урон, соблазвив (ибо я именно так это понимаю) моего сына и, по сути, украв его у меня. Я по-прежнему недоволен этим и все еще желаю, чтобы Ее Величество сочла меня оскорбленной стороной. Я готов подчиниться приказу Ее Величества и публично выказать возмущение нанесенным ей оскорблением, и я это уже сделал, и не знаю, каким еще публичным шагом могу показать свое недовольство, так как я уже отказал сыну от дома и прогнал его с глаз долой, и собираюсь вести себя так и впредь. Я веду себя с Вами прямо и честно, буду продолжать в том же духе и никогда и в мыслях не имел ничего иного. Прилагаю, по Вашей просьбе, которую немедленно выполняю, письмо, которое получил от леди Пейджет, что же касается соображений о ребенке, у меня нет таких мыслей, и я не думаю, что она [Фрэнсис Вавасур] беременна, и мне все равно, так этот или нет⁶⁷.

66 CSPD. 1867: 108.

67 ССР. 1892: 137–138: “Your letters of the 21st of this month came to my hands even at this very hour of nine o'clock at night the 22nd of the same. It is true I moved you directly to break to her Majesty my dislike of the match of my unfortunate son, and did beseech you in my name that her Highness might be moved to have regard unto the wrong done unto me in having my son inveigled (for so I do conceive it) and in a sort stolen from me. I remain as much unsatisfied therein as ever and do desire, as I did, to be regarded by her Majesty in the abuse offered unto me. I am most willing to obey her Majesty's pleasure by public act to declare my dislike of the great offence done to her Highness, and so I have continually done, but I know not by what other open act I can shew my dislike, having forbidden him my house and abandoned him from me and out of my sight: and so I mean to continue him. I deal plainly and honestly with you and so will do ever, and never did nor had mind to do otherwise. I send you herein the letter I had from the lady Pagett, according to your request, and will never halt with you; but, touching persuasion of issue, I never had any such, neither do I know her to be with child nor do care whether she be or no”. Сэр Томас Ширли-старший (1542–1612) был

Письмо сэра Томаса Ширли-старшего свидетельствует о вмешательстве влиятельных родственниц Фрэнсис Вавасур, леди Чейни и леди Кэтрин Пэджетт. Обе они были дамами опочивальни, служили королеве много лет и пользовались ее благосклонностью⁶⁸. Упомянутое выше письмо леди Пейджет сохранилось. В нем она заступалась перед Ширли-старшим за его сына и свою племянницу, убеждая его, что молодые люди поступили так не из коварства, но по любви, «как в трагедии, если только сэр Томас не сделает из всего комедию, ради собственного утешения». Леди Пейджет обещала также примирить молодых с королевой, Робертом Сесилом и его родственниками⁶⁹. Это ей удалось: попавший в сентябре 1591 г. в тюрьму Маршалси Томас Ширли-младший вышел на свободу и продолжил свою карьеру офицера в Нидерландах. Но ко двору он смог вернуться только в царствование Якова I⁷⁰.

Оставшийся без невесты Роберт Дадли недолго горевал: к концу поездки он сам тайно обвенчался с другой фрейлиной, Маргарет Кавендиш⁷¹. Девушка была активной и явно очень кокетливой: в письме придворного Роберта Бракенбери патрону, графу Эссексу, упоминалось, что Маргарет флиртовала с милордом Дарси⁷². Если речь шла о Фрэнсисе

заместителем лорда-лейтенанта графств Сассекс и Сарри с 1569 по 1601 гг., казначеем армии в Нидерландах (1587–1597): **HP** 1981.

68 О них см. **Приложение II**.

69 **CSPD**. 1867: 108.

70 **HP** 2010.

71 Роберт Дадли был незаконнорожденным (но признанным) сыном королевского фаворита графа Лестера и Дуглас Шеффилд (в браке — леди Стаффорд). О тайном браке Роберта Дадли и Маргарет Кавендиш стало известно уже по возвращении из путешествия, в конце октября 1591 г., когда Дадли в личных покаях королевы на глазах у всех поцеловал свою жену. Возмущенная тайным браком королева отправила Дадли в тюрьму, но уже через несколько дней его снова допустили ко двору. **ССР**. 1892: 153.

72 **ССР**. 1892:142, 155.

Дарси, то это было, скорее, прикрытия для интрижек всех вовлеченных: сэр Фрэнсис Дарси, офицер армии Эссекса в Нормандии⁷³, был отцом ребенка другой фрейлины, Кэтрин Ли, которая и родила дочь прямо по окончании поездки, во Ричмонде, 16 октября 1591 г. Дарси отозвали из Нормандии и отправили в Тауэр. Там он 1 августа обвенчался с Кэтрин (в церкви Св. Петра-в-цепях)⁷⁴. Наконец, Элизабет Саутуэлл, еще одна фрейлина, в ноябре 1591 г. родила ребенка⁷⁵. Елизавете было сказано, что отцом ребенка был сэр Томас Вавасур — джентльмен ее опочивальни и брат Фрэнсис. Вавасура отправили в Тауэр на несколько месяцев, хотя в целом эта история не повредила его придворной карьере⁷⁶. И лишь в 1595 г. Елизавета узнала, что отцом ребенка ее фрейлины на самом деле был патрон Вавасура граф Эссекс⁷⁷.

Поведение придворных дам имело прямое отношение к чести и репутации их госпожи: ведь именно дамы опочивальни и фрейлины составляли в буквальном смысле ближайшее окружение королевы — они находились с ней рядом, делили спальню, охраняли ее сон (и жизнь, в случае нападения). Именно постоянное присутствие женщин рядом с королевой гарантировало сохранение добродетели последней в глазах подданных. И именно поэтому придворные дамы

---

73 **HP** 1981.

74 **ECDD**. 1591: 41. Арестованный Фрэнсис Дарси утверждал, что Кэтрин Ли была его женой, однако, по всей видимости, речь шла об обещании жениться, которое английской общее право традиционно приравнивало к браку. Пара при этом оставалась невенчанной, поэтому и потребовалась церемония в Тауэре.

75 **ССР**. 1892: 153.

76 **HP** 1981.

77 **Rickman**. 2008: 31. Граф Эссекс признал сына и дал ему свое имя (Уолтер Деверо). Мать ребенка, Элизабет Саутуэлл покинула двор в немилости. В 1599 г. она стала женой сэра Барентайна Молинса.

должны были сами избегать греха: распутство придворных дам означало, что их госпожа либо не печется об их — и своей — добродетели, либо не способна содержать свой «дом» (двор) в порядке, а следовательно — не годится в правители. Поэтому провинившихся фрейлин наказали гораздо строже, нежели грешивших вместе с ними мужчин: ведь дамы королевы-девственницы должны были быть вне подозрения. И если мужчин снова допустили ко двору после изгнания и/или тюремного заключения, продлившегося от нескольких дней до нескольких месяцев, в зависимости от того, как сильно рассердилась Елизавета, то фрейлины лишились возможности вернуться ко двору навсегда. А даму, заведовавшую при дворе фрейлинами, Элизабет Джонс, с позором уволили и даже отправили в Тауэр на несколько месяцев⁷⁸. Ко двору она больше не вернулась, даже несмотря на то, что она приходилась родственницей самой королеве Елизавете⁷⁹.

Не стоит, впрочем, считать, что все свободное от службы время женщины королевской свиты посвящали поиску супругов или любовников. Те же самые дамы, что только что флиртовали с молодыми дворянами, активно участвовали в политических интригах.

Одна из них была связана с постом государственного секретаря. После смерти в 1590 г. сэра Фрэнсиса Уолсингэма должность оставалась вакантной, а королева приказала лорду Бёрли выполнять обязанности секретаря (эту должность он сам занимал до 1577 г.). Однако лорд Бёрли был одновременно и лордом-казначеем, так что работы для него

---

78 ССР.1 892: 155.

79 См. Приложение II.

было слишком много. Поэтому фактически обязанности государственного секретаря выполнял сын Берли, Роберт Сесил⁸⁰. 20 мая 1591 г., перед отъездом королевы из Теобальдса, Роберт Сесил был посвящен в рыцари, а 2 августа, в самом начале летнего путешествия его назначили одним из членов Тайного Совета⁸¹. Ожидали, что Сесила вот-вот утвердят в должности секретаря. Однако этого утверждения ему пришлось ждать до 1596 г., а до этого времени выдвигались и другие кандидатуры, в частности, сэр Эдвард Стаффорд⁸² и сэр Эдвард Уоттон⁸³.

Фрейлины не остались в стороне от интриг вокруг должности государственного секретаря. 8 августа, когда путешествующий двор находился в Лузли (графство Сарри), маноре сэра Уильяма Мора⁸⁴, сэр Роберт Сесил написал письмо лорду-канцлеру сэру Кристоферу Хаттону. Из этого послания мы узнаем о следующем эпизоде:

Вчера вечером сюда приехал хромой Кавендиш, имевший долгую беседу с королевой. Его предлогом для аудиенции было уговорить королеву не ехать дальше, утверждая, что ей пришлось бы ехать через мятежную страну и места, полные подозрительных и недоброжелательных людей, но его целью было высказаться за оракула своего

80 **Loades**. 2009: 226–228.

81 **Cecil**. 1759: 796–797.

82 Сэр Эдвард Стаффорд (1552–1605) — придворный (дворянин королевской гвардии), посол во Франции в 1583–1591 гг. Сын сэра Уильяма Стаффорда (второго мужа Мэри Болейн, тетки королевы Елизаветы) и Дороти Стаффорд, придворной дамы, заведовавшей гардеробом Елизаветы (см. Приложение II). **HP** 1981.

83 Сэр Эдвард Уоттон (1548–1628) — придворный (дворянин королевской опочивальни с 1589 г.), дипломат. **HP** 1981.

84 Сэр Уильям Мор (1520–1600) — влиятельный дворянин графства Сарри, шериф в 1558–1559 и 1579–1580 гг., парламентарий, заместитель лорда-лейтенанта графства. **HP** 1981, Королева останавливалась в Лузли 4–10 августа 1591 г. **ECDD**. 1591: 19.

вероисповедания с тем, чтобы того назначили на пост секретаря Ее Величества⁸⁵.

Хромой Кавендиш — это Ричард Кавендиш, офицер английской армии в Нидерландах и парламентарий⁸⁶, а также отец упомянутой выше фрейлины Маргарет Кавендиш. Даже во время поездки доступ к королеве был ограничен, а она явно не стала бы просто так слушать непрошенных советов насчет назначения на должности. Доступ к королеве явно обеспечила сама Маргарет, однако фрейлине пришлось придумать важный повод. По всей видимости, она обещала королеве, что ее отец расскажет ей о заговорах сассекских католиков. Кавендиши не были католиками, но среди их родственников, друзей и покровителей таких было немало. Ранее патроном Кавендиша был Томас Ховард, герцог Норфолк (казненный в 1572 г.), глава большой католической клиентелы⁸⁷, а позднее — граф Лестер, покровитель католика виконта Монтегю⁸⁸. Поэтому королева вполне могла предположить, что Кавендиш и в самом деле имел связи среди католиков и мог что-то знать. Поэтому она согласилась на аудиенцию, которая, видимо, состоялась в выделенных королеве покоях в

---

85 **Cecil.** 2003: 229: “Hither came yesternight lame Cavendish, who had long speech with the queene. His pretence of accesse was to diswade her Majesty from goeing further, alleadging that shee was to pass through a tyckle countrey and places fraught with suspected and discontented persons, but his errand was to speake for the oracle of his profession, that hee might bee chosen to the place of hir Majeste’s secretaries”.

86 **HP** 1981.

87 О Норфолке см. **Williams.** 1964.

88 О католической клиентеле Монтегю в Сассексе см. **Questier.** 2006: 87–101; **Серегина.** 2017: 146–152. В 1591 г. Монтегю находился под пристальным вниманием властей, о чем свидетельствует сохранившееся среди бумаг лорда Берли донесение агента, подписавшегося как «Хэммонд» (не идентифицирован) от ноября 1591 г. об активности католиков в свите Монтегю (British Library, Lansdowne MS 99. F. 163^{r-v}).

присутствии ее дам и фрейлин, что объясняет, почему Сесил так быстро узнал об интриге — среди дам были его племянница и жена.

Не вполне понятно, кого именно поддерживал Кавендиш. Слова «оракул его исповедания» могут намекать на то, что речь идет о католике или человеке, симпатизировавшем католикам и католичеству. На этом основании издатель писем Сесила Пол Хаммер сделал вывод, что речь идет об Эдварде Уоттоне, который позднее женился на католичке и сам обратился в католичество (или стал открыто исповедать его)⁸⁹. Однако Кавендиш пользовался покровительством бывшей возлюбленной графа Лестера, леди Дуглас Стаффорд, супруги английского посла во Франции сэра Эдварда Стаффорда. Леди Дуглас подозревали в склонности к католичеству, так же, как и ее мужа⁹⁰. Поэтому Сесил мог иметь в виду и его.

В любом случае, как Сесил с большим злорадством сообщил Хаттону, королева не только не стала слушать его советов насчет должности секретаря, но и отказала Кавендишу в его просьбе о пожаловании ему части долга от штрафов за *гесансу* (взимался с католиков за непосещение воскресной литургии в приходской протестантской церкви), причитавшихся с незадолго до того скончавшегося сэра Уильяма Тайритта⁹¹.

Единственное, в чем преуспели Кавендиш и его дочь — так это в том, что обидели лорда Монтегю: ведь аудиенция состоялась накануне приезда королевы в Сассекс, где большин-

89 **Cecil**. 2003: 213, п. 63. В 1603 г. женой Уоттона стала леди Маргарет Уортон (урожд. Клиффорд).

90 **Read**. 1960: 387. В Париже жену английского посла считали склонной к католичеству и готовой к обращению (если уже не обратившейся). См. **Allen**. 2019: 619.

91 **Cecil**. 2003: 229.

ство дворян были католиками, и визита в замок Монтегю Каудрей. В 1592 г. виконт устроил обед дворянам графства и в обращенной к ним речи припомнил (не называя имен), как королеву пытались отговорить от визита к нему⁹².

Гораздо более успешной интриганкой оказалась леди Элизабет Лейтон, урожд. Ноллис, дама королевской опочивальни и родственница королевы. Она принадлежала к придворной династии, королеве при дворе служили ее родители (лорд и леди Ноллис), брат и две сестры, а также племянницы и племянники⁹³. Одним из них был шталмейстер королевы Роберт Деверо, граф Эссекс⁹⁴. Летом 1591 г. королева, поддавшись на его уговоры, не просто отправила войска на помощь Генриху Наваррскому, осаждавшему Руан и воевавшему с Католической Лигой в Нормандии, но и позволила Эссексу возглавить английские войска⁹⁵. Граф, однако, был молод и неопытен — это было его первое назначение в таком качестве — а королева опасалась, что он наделает глупостей, но одновременно не хотела ставить его в унижительное положение. Выход предложила леди Лейтон. Елизавета вызвала к себе губернатора острова Гернси сэра Томаса Лейтона (супруга нашей дамы), опытного военного⁹⁶, и назначила его замести-

92 **Questier.** 2004: 250.

93 См. **Приложение II.**

94 **Hammer.** 1999; **Серегина.** 2022b: 148–151.

95 **Серегина.** 2022b: 152–153.

96 Сэр Томас Лейтон (1535–1611), дворянин королевской опочивальни, дипломат и (с 1570 г.) губернатор острова Гернси в Ла-Манше начал свою военную карьеру еще в 1562 г., когда привел подкрепления осажденному английскому гарнизону в Руане. В 1588 г. он был заместителем графа Лестера — командующего сухопутными силами, которые должны были защищать столицу от испанцев в случае успеха Армады [**НР 1981**]. Знакомство Лейтона с укреплениями Руана, несомненно, стало фактором, повлиявшим на его назначение.

телем Эссекса, призванным удерживать последнего от опрометчивых поступков, давать советы и вообще приглядывать за ним. Предполагалось, что действия Лейтона граф объяснит заботой о себе старшего родственника. 26 августа Лейтон прибыл ко двору, который тогда остановился в Бедхэмптоне (близ Портсмута) у сэра Джона Карилла, получил от королевы инструкции и встретился с женой, после чего отбыл в Нормандию⁹⁷. Эссекс остался довольным назначением дяди, который, по сути, и командовал войсками, а леди Лейтон удалось продвинуть карьеру мужа⁹⁸.

Собранные сведения о поездках двора в 1591 г. показывают разных, очень активных и подвижных женщин, перемещавшихся по долгу службы и с целью продвинуть интересы семьи и свои собственные, вмешивавшиеся в политические интриги, и проезжавших ради этого большие расстояния. Однако все эти сведения по крупницам собраны из писем. В описаниях приемов дамы свиты королевы (и вообще любые другие женщины) встречаются крайне редко. И во всех этих случаях речь идет не о женщинах путешествующих, т.е., едущих куда-то или откуда-то, а об уже приехавших. Если они и упомянуты, то только в контексте дома, в котором они находились. Таким образом, практика многочисленных поездок женщин-аристократок оказывалась незамеченной, неопишуемой, как и многие другие аспекты активной жизни женщин раннего Нового времени.

---

97 Cecil. 2003: 236.

98 Hammer. 1999: 106.

Список источников и литературы

Серегина. 2017 — Серегина А.Ю. Английское католическое общество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Петроглиф, 2017.

Серегина. 2019 — Серегина А.Ю. Королевская опочивальня: придворные дамы Марии I Тюдор и политический мир XVI в. // Казус — 2019. М.: Индрик, 2019. С. 161–184.

Серегина. 2022а — Серегина А.Ю. Война, престолонаследие и придворные развлечения: летнее путешествие Елизаветы I в 1591 г. // ШАГИ/STEPS. Т. 8:1. 2021. С. 200–219.

Серегина. 2022b — Серегина А.Ю. Неизвестные письма Роберта Деверо, графа Эссекса, французскому королю Генриху IV из собрания рукописей П.П. Дубровского // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Т. 83 (3). 2022. С. 146–172.

Серегина. 2023 — Серегина А.Ю. Английские католики и елизаветинские летние путешествия // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Т. 84 (2). 2023. С. 107–135.

Acres. 1992 — Acres W.D. The Early Political Career of Sir Robert Cecil, c. 1582–1597: Some Aspects of Elizabethan Secretarial Administration. PhD Dissertation. University of Cambridge, 1992.

Akrigg. 1968 — Akrigg G.P.V. Shakespeare and the Earl of Southampton. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1968.

Allen. 2019 — Allen G. The Rise of the Ambassadors: English Ambassadorial Wives and Early Modern Diplomatic Culture // The Historical Journal. Vol. 62. 2019. P. 617–638.

Beer. 2004 — Beer A. Bess: The Life of Lady Raleigh, Wife to Sir Walter. London: Robinson, 2004.

Bernhardt. 2002 — Bernhardt J.W. Itinerant Kingship and Royal Monasteries in Early Medieval Germany, c.936–1075. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Boyle. 1971 — Boyle H.H. Elizabeth's Entertainment at Elvetham: War Policy in Pageantry // Studies in Philology. Vol. 68. 1971. P. 146–166.

Bright. 1987 — Bright C.C. Entertainments of Elizabeth at Theobalds in the Early 1590s // Records of Early English Drama. Vol. 12:2. 1987. P. 1–9

Bright. 1989 — Bright C.C. Caressing the Great: Viscount Montague's Entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591 // Sussex Archaeological Collections. Vol. 127. 1989. P. 147–166.

Bright. 1992 — Bright C.C. Realpolitik and Elizabethan Ceremony: The Earl of Hertford's Entertainment of Elizabeth at Elvetham, 1591 // Renaissance Quarterly. Vol. 45. 1992. P. 20–48.

Brennecke. 1968 — Brennecke E. The Entertainment at Elvetham, 1591 // Music in English Renaissance Drama / Ed. by J.H. Long. Lexington: University of Kentucky Press. 1968. P. 32–56.

Briez Monta. 2011 — Briez Monta S. Anne Dacre Howard, Countess of Arundel, and Catholic Patronage // English Women, Religion, and Textual Production, 1500–1625 / Ed. by M. White. Farnham: Ashgate, 2011. P. 59–82.

British Library, Lansdowne MS 99. F. 163^{r-v}.

CCP. 1892 — Calendar of the Cecil Papers in Hatfield House. Vol. IV: 1590–1594 / Ed. By R.A. Roberts. London, Her Majesty's Stationary Office, 1892.

Cecil. 1759 — Cecil W. Memoria Mortuorum [the 'Diary'] // A Collection of State Papers Relating to Affairs in the Reign of Queen Elizabeth / Ed. by W. Murdin. London: William Bower, 1759. P. 745–811.

Cecil. 2003 — Letters from Sir Robert Cecil to Sir Christopher Hatton, 1590–1591 / Ed. by P.E.J. Hammer. Royal Historical Society. Camden Publications Fifth Series. Vol. 22. 2003. P. 197–267.

CSPD. 1865 — Calendar of State Papers, Domestic Series. Vol. II: 1581–1590 / Ed. by R. Lemon, M.A.E. Green. London: Her Majesty's Stationary Office, 1865.

CSPD. 1867 — Calendar of State Papers Domestic Series. Vol. III: 1591–1594 / Ed. by M.A. E. Green. London: Her Majesty's Stationary Office, 1867.

CSP Foreign. 1867 — Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth. Vol. V: 1562 / Ed. by J. Stevenson. London: Her Majesty's Stationary Office, 1867.

Carlson. 1981 — Carlson L. Martin Marprelate, Gentleman: Master Job Throckmorton Laid Open In His Colours. San Marino, California: Huntington Library, 1981.

Cogan. 2021 — Cogan S. M. Catholic Social Networks in Early Modern England: Kinship, Gender and Coexistence. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021.

Collinson. 2013 — Collinson P. Richard Bancroft and Elizabethan Anti-Puritanism. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Colthorpe. 1987 — Colthorpe M. The Theobalds Entertainment for Queen Elizabeth I in 1591, with a Transcript of the Gardener's Speech // Records of Early English Drama. Vol. 12:1. P. 2–9.

Cooper, Hayes Davies. 2023 — Cooper J.P.D., Hayes Davies K. Progresses and Personal Monarchy in the Reign of Henry VIII // Royal Journeys in Early Modern Europe: Progresses, Palaces and Panache / Ed. by A. Musson and J.P.D. Cooper. London: Palgrave, 2023. Electronic publication: <https://doi.org/10.4324/9781003284154>.

Croves. 2014 — Crover S. A Taste of High Life in Elvetham: Elizabethan Progresses and the Rural Consumption of Royal Neverwheres // Performing Environments: Site Specificity in Medieval and early Modern Drama / Ed. by S. Bennett, M. Polito. Basingstoke: Palgrave, 2014. P. 189–198.

Davies. 2013 — Davies H.N. Looking Again at Elvetham: An Elizabethan Entertainment Revisited // Waterborne Pageants and Festivities in the Renaissance. Essays in Honour of J.R. Mulryne / Ed. by M. Shewring. Farnham: Routledge, 2013. P. 211–242.

ECDD. 2017 — Colthorpe M. Elizabethan Court Day by Day, e-resource: https://folgerpedia.folger.edu/The_Elizabethan_Court_Day_by_Day. Folger Library. 2017.

Greenbaum. 1987 — Greenbaum J.B.G. All the Queen's Women: The Changing Place and Perception of Aristocratic Women in Elizabethan England 1558–1620. PhD Dissertation. Northwestern University, 1987.

Guenee. 1985 — Guenee B. States and Rulers in Later Medieval Europe. Oxford: Clarendon Press, 1985.

Hammer. 1999 — Hammer P.E.J. The Polarisation of Elizabethan Politics: The Political Career of Robert Devereux, 2nd Earl of Essex, 1585–1597. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Hammer. 2003 — Hammer P.J. Elizabeth's Wars. War, Government and Society in Tudor England, 1544–1604. Basingstoke: Palgrave, 2003.

Harris. 2002 — Harris B. English Aristocratic Women, 1450–1550: Marriage and Family, Property and Careers. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Heale. 2007 — Heale E. Contesting Terms: Loyal Catholicism and Lord Montague's Entertainment at Cowdray, 1591 // *The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I* / Ed. by J. E. Archer, E. Goldring, and S. Knight. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 189–206.

Hill Cole. 1999 — Hill Cole M. *The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1999.

Hill Cole. 2007 — Hill Cole M. *Monarchy in Motion: An Overview of Elizabethan Progresses* // *The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I* / Ed. by J.E. Archer, E. Goldring, S. Knight. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 27–45.

HP 1981 — *History of Parliament: House of Commons, 1558–1603* / Ed. by P.E. Hasler. London: Boydell and Brewer, 1981, <https://www.historyofparliamentonline.org/research/members/members-1558-1603>

HP 1982 — *History of Parliament: House of Commons, 1509–1558* / Ed. by S.T. Bindoff. London: Boydell and Brewer, 1982, <https://www.historyofparliamentonline.org/research/members/members-1509-1558>

HP 2010 — *History of Parliament: House of Commons, 1603–1629* / Ed. by J.A. Ferris, A. Trush. London: Cambridge University Press, 2010, <https://www.historyofparliamentonline.org/research/members/members-1604-1629>

The Honorable Entertainment. 1591 — *The Honorable Entertainment Giuen to the Queenes Maiestie in Progresse, at Cowdrey in Sussex, by the Right Honorable the Lord Montecute*. London: Thomas Scarlet, 1591.

Kisby. 1999 — Kisby F. *Kingship and the Royal Itinerary: A Study of the Peripatetic Household of the Early Tudor Kings, 1485-1547* // *Court Historian*. Vol. 4. 1999. P. 29–39.

Kolkovich. 2016 — Kolkovich E.Z. *The Elizabethan Country House Entertainment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Lambeth Palace Library, MS 3199/357.

Lawson. 2013 — Lawson J.A. *The Elizabethan New Years's Gift Exchanges, 1559-1603*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Leslie. 1998 — Leslie M. "Something Nasty in the Wilderness": Entertaining Queen Elizabeth on her Progresses // *Medieval & Renaissance Drama in England*. Vol. 10. 1998. P. 47–72.

Loades. 2009 — Loades D. *The Cecils: Privilege and Power Behind the Throne*. London: The National Archives, 2009.

Marprelate. 2008 — *The Martin Marprelate Tracts. A Modernized and Annotated Edition* / Ed. by J. Black. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

McKeen. 1986 — McKeen D. *A Memory of Honour: The Life of William Brooke, Lord Cobham*. Zalzburg: Zalzburg Studies in English Literature, 1986.

Mendelson, Crawford. 2003 — Mendelson S., Crawford P. *Women in Early Modern England, 1550–1720*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Merton. 1992 — Merton C. I. *The Women Who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber 1553–1603*. PhD dissertation. University of Cambridge, 1992.

Nichols's The Progresses. 2014 — John Nichols's *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth I* 5 Vols / Ed. by E. Goldring, F. Eales, E. Clarke, J.E. Archer. Oxford: Oxford University Press, 2014. Vol. III.

ODNB 2004 — Oxford Dictionary of National Biography online, Oxford: Oxford University Press, 2004, <https://www.oxforddnb.com/>

Oehle. 1999 — Oehle B. *An Audience with the Queen: Subversion, Submission and Survival in Three Late Elizabethan Progress Entertainments*. PhD dissertation, University of Warwick, 1999.

Politics of Female Households. 2014 — *The Politics of Female Households: Ladies-in-Waiting Across Early Modern Europe*, ed. by Nadine Akkerman and Brigit Houben. Leiden: Brill, 2014.

Questier. 2004 — Questier M.C. *Loyal to a Fault: Viscount Montague Explains Himself* // *Historical Research*. Vol. 77. 2004. P. 225–253. Appendix. P. 250–253.

Questier. 2006 — Questier M.C. *Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c. 1550–1640*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Read. 1960 — Read C. *Lord Burghley and Queen Elizabeth*. London: Cope, 1960.

Rickman. 2008 — Rickman J. *Love, Lust, and License in Early Modern England, Illicit Sex and the Nobility*. Aldershot: Ashgate, 2008.

Smith. 1977 — Smith B.R. *Landscape with Figures: The Tree Realms of Queen Elizabeth's Country-house Revels* // *Renaissance Drama*, new series. Vol. 8. 1977. P. 57–119.

The Speeches and Honorable Entertainment. 1591 — The Speeches and Honorable Entertainment Giuen to the Queenes Maiestie in Progresse, at Cowdrey in Sussex, by ... the Lord Montacute. London: Thomas Scarlet, 1591.

Stopes. 1922 — Stopes C.C. The Life of Henry, Third Earl of Southampton, Shakespeare's Patron. Cambridge: Cambridge University Press, 1922.

Surrey History Centre, Woking, Looseley MS 6729/8/80.

TRP. 1969 — Tudor Royal Proclamations. Volume 3: Later Tudors, 1588-1603 / Ed. by P.L. Hughes, J.F. Larkin. New Haven: Yale University Press, 1969.

White. 1999 — White M. A Biographical Sketch of Dorcas Martin: Elizabethan Translator, Stationer, and Godly Matron // The Sixteenth Century Journal. Vol. 30. 1999. P. 775-792.

Wiesner-Hanks. 2008 — Wiesner-Hanks M. Women and Gender in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Williams. 1964 — Williams N. Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk. London: Barrie and Rockliff, 1964.

Women and Politics. 2004 — Women and Politics in Early Modern England, 1450-1700, ed. by James Daybell. Aldershot: Ashgate, 2004.

Younger. 2022 — Younger N. Religion and Politics in Elizabethan England: The Life of Sir Christopher Hatton. Manchester: Manchester University Press, 2022.

REFERENCES

Seregina, Anna. *The English Catholic Community of the 16th-17th Centuries: The Viscount of Montague*. Moscow-St Petersburg: Petroglyph, 2017 (in Russian).

Seregina, Anna. "The Royal Bedchamber: ladies-in-waiting of Queen Mary I Tudor and the world of the 16th century politics". In *Casus — 2019*, 161-184. Moscow: INDRIK, 2019. (in Russian).

Seregina, Anna. "War, succession and courtly entertainments: Elizabeth I's summer progress of 1591". In *Shagi / STEPS* 8, no. 1 (2022): 200-219 (in Russian).

Seregina, Anna. "Unknown letters of Robert Devereaux, Earl of Essex, to King Henry IV of France from the Paul P. Dubrovsky's collection of manuscripts". In *Srednie veka* 83, no. 3 (2022): 146–172 (in Russian).

Seregina, Anna. "English Catholics and Elizabethan Summer progresses". In *Srednie veka* 84, no. 2 (2023): 107–135 (in Russian).

Acres, William. *The Early Political Career of Sir Robert Cecil, c. 1582–1597: Some Aspects of Elizabethan Secretarial Administration*. PhD dissertation. University of Cambridge, 1992.

Akkerman, Nadine and Brigit Houben, ed. *The Politics of Female Households: Ladies-in-Waiting Across Early Modern Europe*. Leiden: Brill, 2014.

Akrigg, George Philip Vernon. *Shakespeare and the Earl of Southampton*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1968.

Allen, Gemma. "The Rise of the Ambassadors: English Ambassadorial Wives and Early Modern Diplomatic Culture". In *The Historical Journal* 62 (2019): 617–638.

Beer, Anna. *Bess: The Life of Lady Raleigh, Wife to Sir Walter*. London: Robinson, 2004.

Bernhardt, John. *Itinerant Kingship and Royal Monasteries in Early Medieval Germany, c.936–1075*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Boyle, Harry. "Elizabeth's Entertainment at Elvetham: War Policy in Pageantry". In *Studies in Philology* 68 (1971): 146–166.

Bright, Curtis. "Entertainments of Elizabeth at Theobalds in the Early 1590s". In *Records of Early English Drama* 12, no. 2 (1987): 1–9.

Bright, Curtis. "Caressing the Great: Viscount Montague's Entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591". In *Sussex Archaeological Collections* 127 (1989): 147–166.

Bright, Curtis. "Realpolitik and Elizabethan Ceremony: The Earl of Hertford's Entertainment of Elizabeth at Elvetham, 1591". In *Renaissance Quarterly* 45 (1992): 20–48.

Brennecke, Ernest. "The Entertainment at Elvetham, 1591". In *Music in English Renaissance Drama*, edited by J.H. Long, 32–56. Lexington: University of Kentucky Press, 1968.

Briez Monta, Suzanna. "Anne Dacre Howard, Countess of Arundel, and Catholic Patronage". In *English Women, Religion, and Textual Production, 1500–1625*, edited by M. White, 59–82. Farnham: Ashgate, 2011.

Carlson, Leland Martin Marprelate, Gentleman: Master Job Throckmorton Laid Open In His Colours. San Marino, California: Huntington Library, 1981.

Cogan, Susan. *Catholic Social Networks in Early Modern England: Kinship, Gender and Coexistence*. Amsterdam: Amsterdam University press, 2021.

Collinson, Patrick. *Richard Bancroft and Elizabethan Anti-Puritanism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Colthorpe, Marion. "The Theobalds Entertainment for Queen Elizabeth I in 1591, with a Transcript of the Gardener's Speech". In *Records of Early English Drama* 12, no. 1 (1987): 2-9.

Cooper, John Philip Dominic, Hayes Davies Keely. "Progresses and Personal Monarchy in the Reign of Henry VIII". In *Royal Journeys in Early Modern Europe: Progresses, Palaces and Panache*, edited by A. Musson and J.P.D. Cooper. London: Palgrave, 2023. Electronic publication: <https://doi.org/10.4324/9781003284154>.

Crover, Sarah. "A Taste of High Life in Elvetham: Elizabethan Progresses and the Rural Consumption of Royal Neverwheres". In *Performing Environments: Site Specificity in Medieval and early Modern Drama*, edited by S. Bennett, M. Polito. Basingstoke: Palgrave, 2014: 189–198.

Davies, Neville. "Looking Again at Elvetham: An Elizabethan Entertainment Revisited". In *Waterborne Pageants and Festivities in the Renaissance. Essays in Honour of J.R. Mulryne* edited by M. Shewring. Farnham: Routledge, 2013: 211-242.

Daybell, James, ed. *Women and Politics in Early Modern England, 1450-1700*. Aldershot: Ashgate, 2004.

Greenbaum, Joan Barbara Goldsmith. *All the Queen's Women: The Changing Place and Perception of Aristocratic Women in Elizabethan England 1558–1620*. PhD Dissertation. Northwestern University, 1987.

Guenee, Bernard. *States and Rulers in Later Medieval Europe*. Oxford: Blackwell, 1985.

Hammer, Paul. *The Polarisation of Elizabethan Politics: The Political Career of Robert Devereux, 2nd Earl of Essex, 1585–1597*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Hammer, Paul. *Elizabeth's Wars. War, Government and Society in Tudor England, 1544–1604*. Basingstoke: Palgrave, 2003.

Harris, Barbara. *English Aristocratic Women, 1450–1550: Marriage and Family, Property and Careers*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Heale, Elizabeth. "Contesting Terms: Loyal Catholicism and Lord Montague's Entertainment at Cowdray, 1591". In *The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I*, edited by J. E. Archer, E. Goldring, and S. Knight, 189-206. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Hill, Cole Mary. *The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1999.

Hill, Cole Mary. "Monarchy in Motion: An Overview of Elizabethan Progresses". In *The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I*, edited by J.E. Archer, E. Goldring, S. Knight, 27-25. Oxford: Oxford University press, 2007.

Kisby, Fiona. "Kingship and the Royal Itinerary: A Study of the Peripatetic Household of the Early Tudor Kings, 1485-1547". In *Court Historian 4* (1999): 29-39.

Kolkovich, Elizabeth. *The Elizabethan Country House Entertainment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Leslie, Michael. "Something Nasty in the Wilderness: Entertaining Queen Elizabeth on her Progresses". In *Medieval & Renaissance Drama in England 10* (1998): 47-72.

Loades, David. *The Cecils: Privilege and Power Behind the Throne*. London: The National Archives, 2009.

McKeen, David. *A Memory of Honour: The Life of William Brooke, Lord Cobham*. Zalzburg: Zalzburg Studies in English Literature, 1986.

Mendelson, Sarah, Crawford, Patricia. *Women in Early Modern England, 1550-1720*. Oxford: Oxford University press, 2003.

Merton, Charlotte Isabel *The Women Who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber 1553-1603*. PhD Dissertation. University of Cambridge, 1992.

Oehle, Birgit. *An Audience with the Queen: Subversion, Submission and Survival in Three Late Elizabethan Progress Entertainments*. PhD dissertation, University of Warwick. 1999.

Questier, Michael. "Loyal to a Fault: Viscount Montague Explains Himself". In *Historical Research 77* (2004): 225-253.

Questier, Michael. *Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c. 1550-1640*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Read, Conyers. *Lord Burghley and Queen Elizabeth*. London: Cape, 1960.

Rickman, Johanna. *Love, Lust, and License in Early Modern England, Illicit Sex and the Nobility*. Aldershot: Ashgate, 2008.

Smith, Bruce. "Landscape with Figures: The Tree Realms of Queen Elizabeth's Country-house Revels". In *Renaissance Drama*, new series 8 (1977): 57–119.

Stopes, Caroline. *The Life of Henry, Third Earl of Southampton, Shakespeare's Patron*. Cambridge: Cambridge University Press, 1922.

White, Micheline. "A Biographical Sketch of Dorcas Martin: Elizabethan Translator, Stationer, and Godly Matron". In *The Sixteenth Century Journal* 30 (1999): 775–792.

Wiesner-Hanks, Miriam. *Women and Gender in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Williams, Norman. *Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk*. London: Barrie and Rockliff, 1964.

Younger, Neil. *Religion and Politics in Elizabethan England: The Life of Sir Christopher Hatton*. Manchester: Manchester University Press, 2022.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

CCP — Calendar of the Cecil Papers in Hatfield House.

CSPD — Calendar of State Papers, Domestic Series.

CSP Foreign — Calendar of State Papers Foreign.

ECDD — Elizabethan Court Day by Day.

HP — History of Parliament.

ODNB — Oxford Dictionary of National Biography online.

TRP — Tudor Royal Proclamations.

Приложение I

Путешествия Елизаветы I Английской в мае и августе–октябре 1591 г.⁹⁹

МАЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

дата	место	владелец
5–10 мая	Хакни, Миддлсекс	Сэр Роуленд Хейворд
10 мая (обед)	Энфилд, Миддлсекс	Роберт Рот
10–20 мая	Теобальдс, Хартфордшир	Уильям Сесил, Лорд Бёрли
20 мая (обед)	Тоттенхэм, Миддл- секс	Сэр Ричард Мартин
20–22 мая	Хакни, Миддлсекс	Сэр Роуленд Хейворд

ЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

30–31 июля	Мичем, Сарри	Маргарет Бланк
31 июля – 3 авгу- ста	Нонсач, Чим, Сарри	Джон, барон Ламли
3 августа (обед)	Лезерхед, Сарри	Эдмунд Тилни
3–4 августа	Ист-Хорсли, Сарри	Томас Корнуоллис
4 августа (обед)	Вест-Кландон, Сарри	Сэр Генри Уэстон
4–10 августа	Лузли, Гилфорд, Сарри	Сэр Уильям Мор (1520–1600)
5/9 августа (охота)	Гилфорд-парк, Сент- Кэтринс Хилл	Корона; распоряди- тель — сэр Энтони Браун
10–14 августа	Фарнэм, Сарри	Епископ Винчестер- ский Томас Купер

99 Составлено по данным итинерария: ECDD. 2017

Социополитические практики женских путешествий

11/13 августа (охота)	Элис Холт Форест, Хэмпшир	Корона; распорядитель – Уильям Уэст, барон де Ла Варр
14 августа (охота)	Брамшот, Хэмпшир	Эдмунд Мервин
14–20 августа	Каудрей, Сассекс	Энтони Браун, виконт Монтегю
20 августа (обед)	Вест Дин, Сассекс	Ричард Льюкнор
20–23 августа	Чичестер	Городская корпорация, (дом Уильяма Холланда)
23-26 августа	Станстед, Сассекс	Джон, барон Ламли
26 августа (обед)	Бедхэмптон, Хэмпшир	Сэр Джон Карилл
26–28 августа	Портсмут	Городская корпорация; Генри Рэдклиф, граф Сассекс, губернатор
28 августа – 2 сентября	Саутвик, Хэмпшир	Джон Уайт
30 августа (обед)	Замок Порчестер	комендант
2–4 сентября	Тичфилд, Хэмпшир	Генри Ризли, граф Саутхэмптон
4 сентября (обед)	Саут Стонэм, Хэмпшир	Джон Коплин
4 –7 сентября	Саутхэмптон	Городская корпорация; дом Джона Коплина
7 сентября (обед)	Фейрторн, Хэмпшир	Джон или Фрэнсис Сирл
7–9 сентября	Бишопс Уолтэм, Хэмпшир	Епископ Винчестерский Томас Купер
9 сентября (обед)	Тичборн, Хэмпшир	Бенджамин Тичборн
9 – 11 сентября	Эбботстон, Хэмпшир	Уильям Полет, маркиз Винчестер
11 сентября (обед)	Уилд, Хэмпшир	Уильям Уоллоп

11–13 сентября	Фарли Уоллоп, Хэмпшир	Сэр Генри Уоллоп
13–16 сентября	Бейсинг, Хэмпшир	Уильям Полет, маркиз Винчестер
16–20 сентября	Одием, Хэмпшир	Эдвард Мор
20–23 сентября	Элветэм, Хэмпшир	Эдвард Сеймур, граф Хартфорд
23–25 сентября	Фарнэм, Сарри	Епископ Винчестерский Томас Купер
25 сентября (обед)	Сил, Сарри	Сэр Николас Вудраф
25–27 сентября	Саттон, Сарри	Сэр Генри Уэстон
27 сентября (обед)	Багшот, Сарри	Постоялый двор
27 сентября – 4 октября	Оутлендс, Сарри	Корона
4 октября (обед)	Хэмптон-корт, Миддлсекс	Корона
4 октября	Ричмонд, Сарри	Корона

Приложение II

Женщины елизаветинского двора: фрейлины и дамы королевской опочивальни, 1591 г.¹⁰⁰

	Имя	Родители	Муж	Должность	Время службы
1	Элизабет Джонс (Вудхаус) ¹ †1608	Томас Вудхаус и Маргарет Шелтон ² .	Томас Джонс	Мать фрейлин (Mother of the Maids)	1588–1591
2	Фрэнсис Вавасур ³ 1568–1606	Генри Вавасур и Маргарет Ниветт ⁴	Томас Ширли ⁵ 1564–ок.1634 1591	Фрейлина	1590–1591
3	Маргарет Кавендиш ⁶ †1595	Ричард Кавендиш и Беатрис Голд ⁷	Роберт Дадли ⁸ 1591	Фрейлина	1590–1591
4	Элизабет де Вир ⁹ 1575–1627	Эдвард де Вир, граф Оксфорд, и Энн Сесил ¹⁰	Уильям Стенли, граф Дерби ¹¹ 1595	Фрейлина	1589–1595
5	Кэтрин Ли ¹² †1625	Эдвард Ли и Энн Фермор ¹³	Сэр Фрэнсис Дарси ¹⁴ 1592 ¹⁵	Фрейлина	1588–1591

100 Биографические данные приводятся по: HP 1981. Members, <https://www.historyofparliamentonline.org/research/members;> 1992. Appendix I. Merton.

6	Элизабет Трентэм †1612	Томас Трентэм и Джейн Снейд ¹⁶	Эдвард де Вир, граф Оксфорд ¹⁷ 1591 ¹⁸	Фрейлина	1584?– 1591
7	Элизабет Саутуэлл ¹⁹ 1567–1606	Томас Саутуэлл и Назарет Ньютон ²⁰	Сэр Барентайн Молинс ²¹ 1598	Фрейлина	1588– 1591
8	Кристина Ансли †1605	Брайан Ансли и Одри Тайрелл ²²	Уильям, барон Сэндис ²³ 1595	Фрейлина	1591– 1595
9	Элизабет Трокмортон ²⁴ 1565–1647	Сэр Николас Трокмортон и Энн Кэрю ²⁵	Сэр Уолтер Рэли ²⁶ 1591	Дама опочивальни	1584– 1592
10	Джейн Брасселс (Хок) †1605	Фрэнсис и Барбара Хок ²⁷	1.Г-н Брасселс 1566 2.Уильям Хинедж ²⁸ 1594	Дама опочивальни	1569– 1597
11	Бриджет Карр (Чаворт) 1548–1621	Сэр Джон Чаворт и Мэри Пастон ²⁹	Уильям Карр ³⁰ 1584	Дама опочивальни	1579– 1603
12	Элизабет Друри /Скотт (Стаффорд) 1556–1599	Сэр Уильям Стаффорд и Дороти Стаффорд ³¹	1.Сэр Уильям Друри ³² 1573 2.Сэр Джон Скотт 1591	Дама опочивальни	1568– 1599

Социополитические практики женских путешествий

13	Энн Хинедж (Пойнтс) 1530–1593	Сэр Николас Пойнтс и Джоан Беркли ³³	Томас Хинедж ³⁴ 1554	Дама опочивальни	1559–1593
14	Фрэнсис Сеймур (Ховард) 1544–1598	Уильям Ховард, барон Эффингем и Маргарет Гэмедж ³⁵	Эдвард Сеймур, граф Хартфорд ³⁶ 1585	Дама опочивальни	1569–1598
15	Мэри Рэдклиф 1550–1618	Сэр Хэмфри Рэдклиф и Изабел Харви ³⁷	Не замужем	Фрейлина Дама опочивальни	1562–1587 1587–1603
16	Мэри Скьюдмор (Шелтон) ³⁸ 1550–1603	Сэр Джон Шелтон и Маргарет Паркер ³⁹	Джон Скьюдмор ⁴⁰ 1574	Дама опочивальни	1571–1603
17	Элизабет Марбери ⁴¹ 1525–1591	Томас Марбери и Агнес Линн ⁴²	Томас или Джеймс Марбери ⁴³	Дама опочивальни	1559–1591
18	Кэтрин Ньютон (Пастон) 1547–1615	Сэр Томас Пастон и Агнес Ли ⁴⁴	Генри, барон Ньютон ⁴⁵ 1578	Дама опочивальни	1577–1603
19	Маргарет Вон †1619	Чарльз Вон и Элизабет Баскервилль ⁴⁶	Сэр Джон Хокинс ⁴⁷ 1592	Дама опочивальни	1589–1603
20	Элизабет Кэрю (Норич) ⁴⁸ †1594	Джон и Сьюзан Норич ⁴⁹	Сэр Гавейн Кэрю ⁵⁰ 1562	Дама опочивальни и	1559–1594

21	Элизабет Сесил (Брук) 1562–1597	Уильям Брук, барон Кобэм и Фрэнсис Ньютон ⁵¹	Сэр Роберт Сесил ⁵² 1589	Дама опочивальни	1591–1597
22	Фрэнсис Брук (Ньютон) 1532–1592	Сэр Джон Ньютон и Маргарет Пойнтс ⁵³	Уильям Брук, барон Кобэм ⁵⁴ 1560	Дама опочивальни	1560–1592
23	Дороти Эдмондс (Лидкотт) 1545–1615	Кристофер Лидкотт и Кэтрин Чейни ⁵⁵	Кристофер Эдмондс ⁵⁶ 1554	Дама опочивальни	1559–1603
24	Маргарет Хоуби (Кэри) 1564–1606	Генри Кэри, барон Хансдон и Энн Морган ⁵⁷	Сэр Эдвард Хоуби ⁵⁸ 1582	Дама опочивальни	1582–1603
25	Энн Кэри (Морган), леди Хансдон 1530–1607	Сэр Томас Морган и Энн Уитни ⁵⁹	Генри Кэри, барон Хансдон ⁶⁰ 1545	Дама опочивальни	1559–1603
26	Элизабет Лейтон (Ноллис) 1549–1605	Сэр Фрэнсис Ноллис и Кэтрин Кэри ⁶¹	Сэр Томас Лейтон ⁶² 1579	Дама опочивальни	1566–1603
27	Бриджет Мэннерс 1575–1604	Джон Мэннерс, граф Ратленд и Элизабет Чарлтон ⁶³	Роберт Тирвитт ⁶⁴ 1594	Дама опочивальни	1589–1595

Социополитические практики женских путешествий

28	Хелена Парр (Элин Ульфдоттер) 1549–1635	Ульф фон Снакенборг и Агнетта Кнутсдоттер ⁶⁵	1.Уильям Парр ⁶⁶ , маркиз Норхэмптон 1571 2.Томас Горджес ⁶⁷ 1576	Фрейлина Дама опочивальни	1565–1571 1571–1603
29	Кэтрин Ховард (Кэри), графиня Ноттингэм 1548–1603	Генри Кэри, барон Хансдон и Энн Морган ⁶⁸	Чарльз Ховард, граф Ноттингэм ⁶⁹ 1563	Дама опочивальни Хранительница драгоценностей Старшая леди опочивальни	1559–1603 1572–1587 1594–1603
30	Дороти Стаффорд 1526–1604	Генри, барон Стаффорд и Урсула Пол ⁷⁰	Уильям Стаффорд ⁷¹ 1540s	Дама опочивальни	1559–1603
31	Маргарет Клиффорд (Рассел) 1560–1616	Фрэнсис Рассел, граф Бедфорд и Маргарет Сент-Джон ⁷²	Джордж Клиффорд, граф Камберленд ⁷³ 1577	Дама опочивальни (без оплаты)	
32	Энн Уэст (Ноллис), леди де ла Варр 1555–1603	Сэр Фрэнсис Ноллис и Кэтрин Кэри ⁷⁴	Томас Уэст ⁷⁵ 1571	Дама опочивальни (без оплаты)	

33	Элис Стенли (Спенсер), леди Стрэндж 1559–1637	Сэр Джон Спенсер и Кэтрин Китсон ⁷⁶	Фердинандо Стенли, барон Стрэндж ⁷⁷ 1580	Дама опочивальни (без оплаты)	
34	Элизабет Кэри (Спенсер), леди Хансдон 1552–1618	Сэр Джон Спенсер и Кэтрин Китсон ⁷⁸	Сэр Джордж Кэри, барон Хансдон ⁷⁹ 1574	Дама опочивальни (без оплаты)	
35	Фрэнсис Фицджеральд (Ховард), графиня Килдейр 1564–1628	Чарльз Ховард, 2-й барон Эффингэм и Кэтрин Кэри ⁸⁰	1. Генри Фицджеральд, граф Килдейр ⁸¹ 1589 2. Генри Брук, барон Кобэм ⁸² 1601	Дама опочивальни (без оплаты)	
36	Кэтрин Пейджет (Ниветт) 1547–1622	Сэр Генри Ниветт и Энн Пикеринг ⁸³	1. Генри, барон Пейджет ⁸⁴ 1567 2. Эдвард Кэри ⁸⁵ 1573	Фрейлина Дама опочивальни (без оплаты)	1562–1567 1567–1603
37	Джейн Чейни (Уэнтуорт) † 1614	Томас, барон Уэнтуорт и Маргарет Фортеस्कью ⁸⁶	Генри, барон Чейни ⁸⁷ 1560	Дама опочивальни (без оплаты)	

38	Мэри Герберт (Сидни), графиня Пемброк 1561–1621	Сэр Генри Сидни и Мэри Дадли ⁸⁸	Генри Герберт, граф Пемброк ⁸⁹ 1577	Дама опочивальни (без оплаты)	
39	Пенелопа Рич (Деверо) 1563–1607	Уолтер Деверо, граф Эссекс и Леттис Ноллис ⁹⁰	Роберт, барон Рич ⁹¹ 1581	Дама опочивальни (без оплаты)	
40	Филадельфия Скроуп (Кэри) 1562–1627	Генри Кэри, барон Хансдон и Энн Морган ⁹²	Томас, барон Скроуп ⁹³ 1562	Дама опочивальни (без оплаты)	
42	Энн Тэлбот (Герберт) 1549–1593	Уильям Герберт, граф Пемброк и Энн Парр ⁹⁴	1.Фрэнсис, барон Тэлбот ⁹⁵ 1563	Дама опочивальни (без оплаты)	
43	Энн Дадли (Рассел), Графиня Уорик 1548–1604	Фрэнсис Рассел, граф Бедфорд и Маргарет Сент-Джон ⁹⁶	Эмброс Дадли, граф Уорик ⁹⁷ 1565	Дама опочивальни (без оплаты)	
44	Элизабет Сомерсет (Хейстингс), графиня Вустер	Фрэнсис Хейстингс, граф Хантингтон и Кэтрин Пол ⁹⁸	Эдвард Сомерсет, граф Вустер ⁹⁹ 1571	Дама опочивальни (без оплаты)	

	1550–1621				
45	Фрэнсис Стёртон / Мор (Брук) ¹⁰⁰	Уильям Брук, барон Кобэм и Фрэнсис Ньютон ¹⁰¹	1. Джон, барон Стёртон ¹⁰² 1579 2. Эдвард Мор ¹⁰³ 1592	Дама опочивальни (без оплаты)	
46	Бриджет Рассел / Мэннерс / Моррисон (Хасси) 1525–1601	Джон, барон Хасси и Энн Грей ¹⁰⁴	1. Сэр Ричард Моррисон ¹⁰⁵ 1546 2. Генри Мэннерс, граф Ратленд ¹⁰⁶ 1561 3. Фрэнсис Рассел, граф Бедфорд ¹⁰⁷ 1566	Дама опочивальни (без оплаты)	
47	Мэри Маквильям / Чик (Хилл) ¹⁰⁸ 1532–1616	Ричард Хилл и Элизабет Айсли ¹⁰⁹	1. Сэр Джон Чик ¹¹⁰ 1547 2. Генри Маквильям ¹¹¹ 1558	Дама опочивальни (без оплаты)	1558–1603

- 1 Троюродная сестра Елизаветы I. Уволена и отправлена в Тауэр 17 октября 1591 из-за беременности и родов Кэтрин Ли (см. № 5).
- 2 Томас Вудхаус из Кимберли (ум. 1547), представитель влиятельной в Норфолке семьи, клиент герцога Норфолка. Женат на Маргарет Шелтон, кузине королевы Анны Болейн. Мать Маргарет, Энн Шелтон (урожд. Болейн), возглавляла свиту принцесс Елизаветы и Марии в 1533–1536 гг.

- 3 В 1591 г. вступила в тайный брак. Ранее была обручена с Робертом Дадли (см. примеч. 8).
- 4 Генри Вавасур из Тадкастера (Йоркшир), женат на Маргарет Ниветт. Ниветты принадлежали к придворной элите: Елизавете служили два брата Маргарет. Генри Ниветт (1537–1598) служил в гвардии королевы (gentlemen-pensioners) в 1560–1563 гг., а сэр Томас Ниветт (1545–1622) с 1572 г. служил в опочивальне королевы в качестве одного из камергеров (20). Сестра Маргарет, Кэтрин Ниветт, леди Пэджет, была дамой опочивальни (36). Дамой опочивальни и фрейлиной королевы служила в 1580–1581 гг. старшая сестра Фрэнсис, Энн Вавасур (1561–1627). В 1581 г. она была отставлена из-за беременности и рождения ребенка от любовника, Эдварда де Вира, графа Оксфорда (см. примеч. 10).
- 5 Томас Ширли из Уистона (1564–1632), солдат и капитан английского флота, происходил из известной в Сассексе семьи.
- 6 Вступила в тайный брак в 1591 г.
- 7 Ричард Кавендиш (ум. 1601) из Тримли (Саффолк), представитель младшей ветви известной в Центральной Англии семьи, клиент Ховардов (герцога Норфолка и его родственников) (до 1569 г.), позднее – под покровительством графа Лестера. Сестра Маргарет, Энн Кавендиш, вышла замуж за путешественника Ричарда Хаклита. Его покровительницей была леди Дуглас Стаффорд (урожд. Ховард), дама королевской опочивальни. Видимо, именно она устроила Маргарет назначение ко двору, и познакомилась со своим сыном от графа Лестера, Робертом Дадли.
- 8 Роберт Дадли (1574–1649), сын графа Лестера и леди Дуглас Стаффорд. Признан отцом как лорд Денби. В 1591 г. обручен с фрейлиной королевы Фрэнсис Вавасур, по настоянию самой королевы.
- 9 Внучка лорда-казначея, Уильяма Сесила, лорда Бёрли. В 1591 г. велись переговоры о ее браке с Генри Ризли, графом Саутхэмптоном.
- 10 Эдвард де Вир (1550–1604), 17-й граф Оксфорд (1562–1604), пэр Англии, великий камергер (1562–1604). В 1571 г. женился на Энн Сесил (1556–1588), фрейлине королевы, дочери государственного секретаря (затем – лорда-казначея) Уильяма Сесила, лорда Бёрли, и Милдред Кук. В 1581–1583 гг. отлучен от двора после рождения незаконнорожденного сына от Энн Вавасур. В 1591 г. женился на другой фрейлине, Элизабет Трентам (см. № 6).
- 11 Уильям Стенли (1561–1642), 6-й граф Дерби, младший сын Генри Стенли, графа Дерби и Маргарет Клиффорд, наследницы Тюдоров. В 1595 г. женился на Элизабет де Вир (см. № 4).
- 12 Отправлена в Тауэр 17 октября 1591 г. за рождение дочери Фрэнсис при дворе (16 октября).
- 13 Эдвард Ли (1540–1617) из Рашалла, влиятельный дворянин из графства Стаффордшир. Женат на Энн Фермор, дочери сэра Джона Фермора (Норхэмптоншир) и Мод Вокс.

- 14 Сэр Фрэнсис Дарси (ум. 1641), младший сын сэра Артура Дарси (Линкольншир). Его старший брат Эдвард был одним из камергеров опочивальни. Сам он регулярно бывал при дворе (без оплачиваемой должности), а также служил в английской армии в Нидерландах (под командованием графа Лестера) и Нормандии (под началом графа Эссекса, который и посвятил его в рыцари осенью 1591 г.). Лето 1591 г. (до сентября) провел при дворе, осенью ездил с письмами от королевы к графу Эссексу.
- 15 Пара была обвенчана в церкви Св. Петра-в-цепях в Тауэре 1 августа 1592 г., когда жених и невеста были еще в заключении.
- 16 Томас Трентэм (1538–1587) из Ростера (Стаффордшир). Женат на Джейн Снейд. Оставил своей дочери 1000 ф.с. приданого, что сделало ее привлекательной невестой. Элизабет была младшей дочерью. Старшая дочь, Кэтрин была замужем за сэром Джоном Стэнхоупом. Стэнхоупы были придворной семьей. Дядя сэра Джона, сэр Майкл Стэнхоуп, был главным дворянином опочивальни короля Эдуарда VI, а его сыновья Джон и Майкл Стэнхоупы служили при опочивальне Елизаветы I в начале 1590-х гг., причем Джон Стэнхоуп был женат на фрейлине королевы, Маргарет Маквиллям. Вероятно, именно Стэнхоупы помогли Элизабет Трентэм получить место фрейлины.
- 17 См. примеч. 10. Граф Оксфорд был в долгах, и нуждался в невесте с приданым. Кроме того, от первого брака с Энн Сесил у него были только дочери. Наследника титула родила ему Элизабет Трентэм.
- 18 Свадьба состоялась в королевском дворце Уайтхолл 27 декабря 1591 г.
- 19 Родила сына, Уолтера Деверо, от графа Эссекса (поздняя осень 1591 г.) В октябре 1591 г. из-за ее беременности в Тауэр отправили Томаса Вавасура. Томас Вавасур (1561–1620), брат Фрэнсис и Энн Вавасур, в 1586–1608 гг. служил в королевской гвардии. См. № 2 и примеч. 4
- 20 Томас Сапуэлл (1537–1568) из Вудрайзинга (Норфолк) был придворным Генриха VIII. Все три его жены принадлежали к придворной элите: Мэри Джернигэм служила Марии I, Мэри Манселл и Назарет Ньютон (во втором браке — леди Пейджет, мать Элизабет) были дамами опочивальни королевы Елизаветы I. Кроме того, Елизавете I служили в качестве фрейлин и дам опочивальни сестра Назарет — Фрэнсис Брук, леди Кобэм (см. № 22), и жена брата, Кэтрин Ньютон, урожд. Пастон (см. № 18).
- 21 Сэр Барентайн Молинс (ум. ок. 1630) из Клапкота (Оксфордшир), дворянин на службе графа Эссекса, воевал с ним в Нормандии и был тяжело ранен.
- 22 Брайан Ансли (ум.1604), сын Брайана Ансли и Энн Полстед, дворянин из Кента. Женат на Одри Тайрелл. Ансли-старший был одним из придворных, заведовавших винными погребами Генриха VIII. Сам Ансли в 1564–1603 гг. служил в гвардии Елизаветы, а с 1570 г. заведовал королевскими гончими. Младшая сестра Кристины, Корделия (ум. 1636), в 1598–1603 гг. была фрейлиной королевы. В 1608 г. Корделия Ансли вышла замуж за сэра Уильяма Харви (ум. 1642), королевского гвардейца. Первым браком

Харви был женат на Мэри Браун (1552–1607), графине Саутхэмптон, вдове Генри Ризли, 2-го графа Саутхэмптона и сэра Томаса Хинеджа, и покровительнице Шекспира. Отношения Брайана Ансли с дочерьми – Грейс (Уайдлгус), Кристиной и Корделией — вероятно, легли в основу сюжета трагедии Шекспира «Король Лир» (Stopes C.C. *The Life of Henry, 3rd Earl of Southampton, Shakespeare's Patron*. London, 1922. P. 274).

- 23 Уильям, 3-й барон Сэндис (ок.1545–1623), сын Генри Сэндиса и Элизабет Виндзор. Женат: 1) в 1573–1594 гг. на Кэтрин Бриджес (1554–1594?), дочери Эдмунда Бриджеса, барона Чандоса, и Дороти Брей (во 2-м браке — жене сэра Уильяма Ноллиса); 2) в 1595–1605 гг. на Кристине Ансли (№ 8); 3) после 1605 г. на Энн Бейкер, дочери сэра Ричарда Бейкера и Кэтрин Тайрелл.
- 24 Летом 1591 г. тайно вышла замуж; в марте 1592 г. родила сына Демерея. В конце 1592 г. была отправлена в Тауэр, а после освобождения в 1593 г. лишилась места при дворе и благосклонности королевы.
- 25 Сэр Николас Трокмортон (1516–1571) принадлежал к клану дворян из Норхэмптона, большая часть которого оставалась католической в XVI–XVII вв. Родство с Кэтрин Парр, последней женой Генриха VIII, позволило Трокмортона претендовать на придворные должности: Джордж Трокмортон служил в королевской гвардии при Эдуарде VI, а Николас был камергером опочивальни. При Елизавете — посол в Париже. Женат на Энн Кэрю, дочери сэра Николаса Кэрю, шталмейстера Генриха VIII в 1522–1539 гг.
- 26 Сэр Уолтер Рэли (1554–1618), придворный, писатель и путешественник, в 1587–1603 г. капитан королевской гвардии.
- 27 Барбара Хок была одной из дам (gentlewomen) опочивальни Марии I. Джейн Хок (Брасселс) стала английской подданной (denizen) в 1571 г.
- 28 Уильям Хинедж из Хейнтона (1521–1610), сын Джона Хинеджа и Энн Коуп. Троюродный брат сэра Томаса Хинеджа.
- 29 Сэр Джон (Джордж) Чаворт (1498–1558) из Уивертон-холла (Норхэмптоншир) и Мэри Пастон (1520–1583).
- 30 Сэр Уильям Карр (1542–1608) из Слифорда (Линкольншир).
- 31 Сэр Уильям Стаффорд (ум. 1556) из Чибси (Эссекс), 2-й муж Мэри Болейн. Во 2-м браке женат на троюродной сестре, Дороти Стаффорд (1526–1604), дочери барона Генри Стаффорда и Урсулы Поул (см. № 30). Протестант, в правление Марии Тюдор эмигрировал, умер в Женеве. Его семья (2-я жена, дочь и внучки, а также дети Марии Болейн от первого брака) служила при дворе Елизаветы с самого начала ее царствования
- 32 Сэр Уильям Друри (1550–1590), сын Роберта Друри и Одри Рич. Служил в составе английской армии в Нидерландах и в Нормандии, под командованием лорда Уиллоби. Умер от последствий ранения, полученного на дуэли с сэром Джоном Боро. Дочери от брака с Элизабет Стаффорд также служили при дворе. Элизабет Друри (1579–1654) была дамой королевской опочивальни в начале 1590-х гг., а ее сестра Фрэнсис — фрейлиной. Обе

- сестры покинули двор из-за тайных браков: Элизабет в 1593 г вышла замуж за Уильяма Сесила (1566–1640, внук лорда Бёрли, 2-й граф Эксетер), а Фрэнсис — в 1594 г. за сэра Николаса Клиффорда (ум. 1595), и (ок. 1600 г.) стала второй женой сэра Уильяма Рея (1555–1617).
- 33 Сэр Николас Пойнтс (1510–1556), сын сэра Энтони Пойнтса и Элизабет Хаддерсфилд. Его отец и дядя были придворными Генриха VIII и Екатерины Арагонской, а он сам был джентльменом опочивальни Генриха VIII в 1539–1547 гг. Женат на Джоан, дочери барона Томаса Берки.
  - 34 Сэр Томас Хинедж (1532–1595), тайный советник, сын сэра Роберта Хинеджа и Люси Бактон. Роберт Хинедж и его брат Томас служили в опочивальне Генриха VIII. Томас Хинедж-младший служил при дворе Елизаветы с 1565 г., сначала в качестве джентльмена опочивальни, затем (с 1570 г.) казначея опочивальни, а с 1587 г. — вице-камергера.
  - 35 Уильям Ховард, барон Эффингэм (1510–1573), лорд-адмирал (1554–1558), камергер двора Елизаветы (1558–1572), лорд-хранитель печати (1572–1573). Женат на: 1) Кэтрин Брутон (ум. 1533), ок. 1531 г.; 2) Маргарет Гэмедж (1515–1581), даме королевской опочивальни. Сестры Фрэнсис — Мэри Саттон (1540–1600), леди Дадли, Дуглас (1543–1608), леди Шеффилд (во 2-м браке Стаффорд), Марта (1552–1598), леди Берчер, и Кэтрин (ум.1599) были фрейлинами королевской опочивальни.
  - 36 Эдвард Сеймур (1539–1621), граф Хартфорд. Сын Эдварда Сеймура, герцога Сомерсета и Энн Стэнхоуп, двоюродный брат короля Эдуарда VI. Женат 1) в 1560–1568 гг. на Кэтрин Грей (1540–1568), правнучке Генриха VII Тюдора; 2) в 1585–1598 гг. на Фрэнсис Ховард (№ 14); 3) в 1601–1602 гг. на Фрэнсис Ховард (1578–1639), дочери Томаса Ховарда, викария Биндона и Мейбл Бёртон. Во 2-м браке жена Людовика Стюарта, герцога Леннокса (1574–1624).
  - 37 Сэр Хэмфри Рэдклиф (1509–1566), 2-й сын Роберта Рэдклифа, графа Сассекса, и Элизабет Стаффорд. Служил в гвардии при Генрихе VIII и Эдуарде VI, в 1553 г. был лейтенантом королевской гвардии (gentlemen-pensioners). Женат на Изабел Харви. Брат Мэри, Томас Рэдклиф (ум. 1586), служил в гвардии Елизаветы, а ее кузен Томас Рэдклиф, граф Сассекс (1525–1583) в 1572–1583 гг. был камергером двора королевы.
  - 38 Двоюродная сестра Анны Болейн.
  - 39 Сэр Джон Шелтон (ок.1503–1558), сын сэра Джона Шелтона и Энн Болейн (тетки королевы Анны), влиятельный землевладелец Норфолка. Женат на Маргарет Паркер (ум.1558), дочери Генри Паркера, барона Морли.
  - 40 Сэр Джон Скьюдмор (1542–1623), сын Уильяма Скьюдмора (Херефордшир) и Урсулы Пакингтон. Придворный королевы Елизаветы: служил в гвардии (gentleman pensioner), знаменосец гвардии с 1599 г. С 1571 г. один из джентльменов опочивальни (gentleman usher). Женат: 1) на Элинор Крофт (ум. 1569), дочери сэра Джеймса Крофта, казначея свиты (household); 2) на Мэри Шелтон (№ 16).
  - 41 Служила в свите королевы Елизаветы еще до ее восшествия на престол.

- 42 Томас Марбери (Лондон). Женат на Агнес Линн. По другой версии, родителями Элизабет были сэр Уильям Венейблс (ум. 1541) из Киндертона (Чешир) и Кэтрин Гросвенор (ум. 1558). Брат Элизабет Венейблс, сэр Томас (ум. 1580) был джентльменом опочивальни Эдуарда VI с 1547 г. Примерно тогда же Элизабет стала дамой опочивальни принцессы Елизаветы и сохранила свою должность после восшествия ее на престол.
- 43 Томас Марбери (ум. 1598), придворный службы королевской кухни (кладовой, pantry). По другой версии, Джеймс Марбери (ум. 1558), дворянин свиты принцессы Елизаветы.
- 44 Сэр Томас Пастон (1517–1550), дворянин из Норфолка, джентльмен опочивальни Генриха VIII и Эдуарда VI в 1538–1550 гг. Женат на Агнес Ли, дочери сэра Джона Ли из Стокуэлла. Во 2-м браке — жена сэра Эдварда Фицджеральда (1529–1590), младшего брата графа Килдейра (мужа Мейбл Браун), служившего в гвардии Эдуарда VI, Марии I и Елизаветы I в 1549–1590 гг.
- 45 Сэр Генри Ньютон (1535–1599), сын сэра Джона Ньютона и Маргарет Пойнтс, богатый землевладелец из Сомерсета. Его семья поставляла несколько поколений тюдоровских придворных: Маргарет Пойнтс была фрейлиной Екатерины Арагонской, и сестрой другого придворного, сэра Николаса Пойнтса (см. примеч. 33). При дворе Елизаветы служили сестры сэра Генри — Фрэнсис (№ 22), леди Кобэм, и Назарет (в 1-м браке Саутуэлл, во 2-м — леди Пэджет, см. примеч. 20), а также племянница, Элизабет Саутуэлл (№ 7).
- 46 Чарльз Вон (1529–1574?), землевладелец из Херефордшира. Женат на: 1) Элизабет Баскервилль; 2) Маргарет Вон.
- 47 Сэр Джон Хокинс (1632–1595) — английский моряк, кораблестроитель, адмирал, победитель Армады, пират и работороговец. Женат: 1) в 1559–1591 гг. на Кэтрин Гонсон (ум. 1591); 2) в 1591–1595 гг. на Маргарет Вон.
- 48 Служила принцессе Елизавете с 1547 г.
- 49 Сэр Джон Норич и леди Сьюзен (имя в девичестве неизвестно). Сюзан Норич была дамой опочивальни королевы Кэтрин Парр (6-й жены Генриха VIII).
- 50 Сэр Гавейн Кэрю (1503–1585), сын сэра Эдмунда Кэрю и Кэтрин Хадсфилд, дворянин из Девоншира, дядя сэра Питера Кэрю, восставшего в 1554г. против испанского брака Марии I. В 1539–1549 служил в гвардии Генриха VIII и Эдуарда VI. Женат: 1) в 1531 — до 1540 г. на Энн Брендон, сестре герцога Саффолка; 2) в 1540–1560? на Мэри Уоттон (в 1-м браке жена сэра Генри Гилфорда, знаменосца Генриха VIII и его шталмейстера в 1515–1522 гг., позднее — ревизора двора); 3) в 1562–1585 гг. — на Элизабет Норич.
- 51 Уильям Брук, 10-й барон Кобэм (1527–1597), сын Джорджа Брука, барона Кобэма, и Энн Брей. Женат на: 1) Дороти Невилл, дочери барона Абергавенни; 2) Фрэнсис Ньютон (№ 22). Хранитель Пяти портов (1558–1597), лорд-лейтенант графства Кент (1585–1597).

- 52 Сэр Роберт Сесил (1563–1612), второй сын лорда Бёрли, тайный советник с 1591 г., государственный секретарь в 1596–1612 гг., лорд-хранитель печати в 1598–1608 гг. Позднее – лорд казначей, виконт Кранборн и граф Солсбери.
- 53 Сэр Джон Ньютон из Харптри (Сомерсет). Женат на Маргарет Пойнтс, дочери сэра Энтони Пойнтса и Элизабет Хаддсфилд. Маргарет была придворной дамой королевы Екатерины Арагонской, а ее брат Николас Пойнтс также служил при дворе (см. примеч. 33)
- 54 См. примеч. 51.
- 55 Кристофер Лидкотт из Раскомба. Женат на Кэтрин Чейн.
- 56 Кристофер Эдмондс (1522–1596). Сын Эндрю Эдмондса и Элизабет Блidlou, в 2-м браке жены Джона, барона Уильямса из Тейма (1500–1559), хранителя драгоценностей при Эдуарде VI. Благодаря связям отца и его 2-й жены Маргарет (урожд. Уэнтуорт) получил место при дворе Елизаветы в 1560 г.
- 57 Генри Кэри, барон Хансдон, лорд-камергер двора Елизаветы I (1) Женат на Энн Морган (№ 25). При дворе также служили две другие дочери, Кэтрин (№ 29) и Филадельфия Кэри (№ 40)
- 58 Сэр Эдвард Хоуби (1560–1617), сын сэра Томаса Хоуби и Элизабет Кук (во 2-м браке — леди Расселл; сестра леди Бёрли и леди Бэкон). Солдат и дипломат. Сводные сестры — Энн и Элизабет Расселл также служили при дворе Елизаветы в середине 1590-х гг.
- 59 Сэр Томас Морган из Аркенстона (Херефордшир). Женат на Энн (Элизабет?) Уитни.
- 60 См. примеч. 57.
- 61 Сэр Фрэнсис Ноллис (1512–1596), сын Роберта Ноллиса из Ротерфилд Грейс и Леттис Пенистон, гвардеец Генриха VIII в 1540-х гг., шталмейстер Эдуарда VI, вице-камергер двора Елизаветы в 1559–1567, капитан гвардии (1565), казначей опочивальни в 1567–1570, с 1570 г. казначей двора. Женат на Кэтрин Кэри (1524–1569), дочери сэра Уильяма Кэри (а точнее, Генриха VIII) и Мэри Болейн, двоюродной (и сводной) сестре королевы Елизаветы, старшей даме опочивальни. При дворе служили брат Элизабет, сэр Роберт Ноллис (№ 39), и сестры Леттис, графиня Эссекс / Лестер, Энн, леди де ла Варр (№ 32).
- 62 Сэр Томас Лейтон (1535–1611), сын Джона Лейтона и Джойс Саттон. Губернатор Гернси и Джерси.
- 63 Джон Мэннерс, 4-й граф Ратленд (1559–1588), сын Генри Мэннерса, 2-го графа Ратленда, и Маргарет Невилл. Женат на Элизабет Чарлтон, дочери сэра Фрэнсиса Чарлтона и Сесили Фиттон.
- 64 Роберт Тирвитт (1573–1617) из Кетлби (Линкольншир), сын Уильяма Тирвитта и Элизабет Френшвил. Подопечный графини Ратленд. В числе состоявшихся женихов Бриджет Мэннерс были Генри Рилзи, граф Саутхэмптон (1573–1624), Эдвард Расселл, граф Бедфорд (1572–1627),

Генри Перси (1564–1632), граф Нортумберленд и Филипп, барон Уортон (1555–1625).

- 65 Ульф Хенриксон фон Снакесборг (ум. 1565), шведский сенатор. Женат на Агнете Кнутсдоттер.
- 66 Уильям Парр, маркиз Норхэмптон (1513–1571), сын сэра Томаса Парра и Мод Грин, брат Екатерины Парр, шестой жены Генриха VIII. Женат 1-м браком на Энн, баронессе Бёрчер (1517–1571). 2-й брак с Элизабет Брук (1527–1565) был провозглашен законным в 1543 г., незаконным в 1553 г. и вновь законным в 1558 г.
- 67 Томас Горджес из Лонгфорда (1536–1610), джентльмен королевской опочивальни с 1570 г.
- 68 См. примеч. 57.
- 69 Чарльз Ховард (1536–1624), барон Эффингэм, с 1597 г. граф Ноттингэм. Сын Уильяма Ховарда, барона Эффингэма, и Маргарет Гэмедж (см. примеч. 35). С 1558 г. джентльмен опочивальни, в 1583–1585 гг. камергер опочивальни, с 1585 г. — лорд-адмирал, член Тайного Совета, с 1585 г. — лорд-лейтенант графства Сассекс (вместе с лордом Бакхёрстом), распорядитель двора с 1597 г. При дворе служили также его второй сын Чарльз (в гвардии с 1598 г.) и, в 1580-х гг., дочери Фрэнсис (с 1589 г. — жена Генри Фицджеральда, графа Килдейра) и Элизабет (в 1583–1598 гг. жена сэра Роберта Саутуэлла, сводного брака Элизабет Саутуэлл (№ 7), во 2-м браке — жена Роберта Стюарта, графа Кэррика).
- 70 Генри Стаффорд (1501–1563), 1-й барон Стаффорд, сын Эдварда Стаффорда, герцога Бекингэма, и Элинор Перси, дочери графа Нортумберленда. В 1519 — 1563 гг. женат на Урсуле Пол (1504–1570), младшей дочери сэра Ричарда Пола и Маргарет Плантагенет, графини Солсбери. В 1520 г. Урсула Стаффорд была дамой двора Екатерины Арагонской (до 1521 г., когда герцог Бекингэм был объявлен вне закона и казнен).
- 71 Уильям Стаффорд (ум.1556) — см. примеч. 31
- 72 Фрэнсис Рассел (1527–1585), 2-й граф Бедфорд, сын Джона Рассела, 1-го графа Бедфорда и Энн Сапкот. Дипломат, член Тайного совета, губернатор Берика, член Совета Валлийской марки. Женат: 1) в 1546–1562 на Маргарет (1533–1562), дочери сэра Джона Сент-Джона из Блетсо и Маргарет Уолдгрейв (в 1-м браке — супруга сэра Джона Готсфика, 1520–1545); 2) Бриджет Мэннерс (№ 46). Помимо Маргарет, при дворе служил его младший сын Уильям Рассел (1553–1613, гвардеец в 1572–1596 гг.) и дочь Энн, графиня Уорик (№ 43).
- 73 Джордж Клиффорд, 3-й граф Камберленд (1558–1606), сын Генри Клиффорда, 2-го графа Камберленда, и Энн Дейкр. Подопечный Фрэнсиса Рассела, графа Бедфорда (см. примеч. 72), который и устроил его брак со своей дочерью. Моряк, защитник королевы (Queen's champion) в 1590–1603 гг. При дворе в 1603 г. служила его дочь Энн Клиффорд (1590–1676), позднее придворная дама королевы Анны Датской (в браке: 1) в 1609–1624 гг. с Ричардом Сэвиллом (1589–1624), графом Дорсетом; 2)

- в 1630–1650 гг. с Филиппом Гербертом (1584–1650), 4-м графом Пемброком). Придворными были и родственницы жены Камберленда — ее сестра Энн, графиня Уорик (№ 43), и племянницы: Энн Рассел (1578–1639), супруга Генри Сомерсета (1577–1646), графа Вустера, фрейлина Елизаветы в 1595–1600 гг., Элизабет Рассел (1575–1600), дама опочивальни в 1594–1600 гг., и Маргарет Уортон (1581–1659), с 1603 г. жена Эдварда, барона Уоттона (1548–1624, в 1575–1592 гг. женат на Эстер Пикеринг), фрейлина Елизаветы в 1602–1603 гг.
- 74 См. примеч. 61.
- 75 Томас Уэст (1550–1602), 2-й барон де ла Варр в 1595–1602 гг., сын Уильяма Уэста, 1-го барона де ла Варра и Элизабет Стрэндж. Камергер казначейства.
- 76 Сэр Джон Спенсер (1524–1586), сын сэра Уильяма Спенсера из Альторпа (Норхэмптоншир) и Сьюзен Найтли. Женат на Кэтрин Китсон (1521–1561), дочери сэра Томаса Китсона из Хенгроув-холла (Саффолк), торговца шерстяными тканями, шерифа Лондона, и его второй жены Маргарет Доннингтон (во 2-м браке жена сэра Ричарда Лонга, в 3-м – Джона Бёрчера, 2-го графа Бата).
- 77 Фердинандо Стенли (1559–1594), барон Стрэндж, в 1593–1594 гг. 5-й граф Дерби, сын Генри Стенли, 4го графа Дерби и Маргарет Клиффорд, правнучки Генриха VII Тюдора.
- 78 См. примеч. 76.
- 79 Джордж Кэри (1547–1603), 2-й барон Хансдон. Сын Генри Кэри, 1-го барона Хансдона и Энн Морган (№ 25). Гвардеец королевы, рыцарь-маршал двора в 1578–1596 гг., капитан гвардии и лорд-камергер двора в 1596–1603 гг.
- 80 Чарльз Ховард, барон Эффингэм, лорд-адмирал. Женат на Кэтрин Кэри (№ 25). См. примеч. 69.
- 81 Генри Фицджеральд, 12-й граф Килдейр (1562–1597), второй сын Джеральда Фицджеральда (1525–1585) и Мейбл Браун (1536–1610), дочери сэра Антони Брауна и Элис Гейдж, сестры виконта Монтегю. Племянник Элизабет Клинтон, графини Линкольн (урожд. Фицджеральд), в 1-м браке жены сэра Антони Брауна) дамы опочивальни и подруги Елизаветы.
- 82 Генри Брук, 11-й барок Кобэм (1564–1618), сын Уильяма Брука, 10го барона Кобэма и Фрэнсис Ньютон (№ 22). См. примеч. 51. Лорд-хранитель Пяти портов с 1597 г.
- 83 Сэр Генри Ниветт (1510–1547) из Чарлтона, сын сэра Томаса Ниветта (до 1485–1512) и Мюриел Ховард, принадлежал к придворной династии. Его отец был шталмейстером Генриха VIII в 1510–1512 гг. Сам сэр Генри и его старший брат, сэр Эдмунд Ниветт (1508–1551) были членами свиты Генриха VIII (сэр Генри — как хранитель драгоценностей короля). Два сына, Генри и Томас Ниветты, служили при дворе королевы Елизаветы (см. примеч. 4). Женат на Энн Пикеринг (1514–1582), дочери сэра Кристофера Пикеринга из Киллингтона в Ланкашире (ум. 1516) и Джейн Льюкнор; в

первом браке (1530–1536) супруга сэра Фрэнсиса Уэстона (1511–1536), джентльмена королевской опочивальни (казнен, обвиненный в связи с королевой Анной Болейн), в третьем браке (1549–1577) жена сэра Джона Вона (1512–1577) из Саттона, в юности пажа Генриха VIII, члена Совета Севера, родственника лорда Бёрли.

- 84 Генри, барон Пейджет (1537–1568), сын Уильяма, барона Пейджета (1508–1563), королевского секретаря в 1543–1547 гг., ревизора двора Эдуарда VI в 1547–1549 гг., лорда-хранителя печати в 1553–1558 гг., и Энн Престон.
- 85 Эдвард Кэри (1540–1618), камергер двора Елизаветы, сын сэра Джона Кэри (1491–1552), камергера двора Генриха VIII и Джойс Денни (1496/1506–1561), дочери сэра Эдмунда Денни и Мэри Траутбек. Отец Джойс был придворным Генриха VIII, а ее брат Энтони Денни (1501–1549) — старшим джентльменом опочивальни короля. Первым мужем Джойс был лондонский юрист, сэр Уильям Уолсингэм (ум. 1534); сводным братом сэра Эдварда был сэр Фрэнсис Уолсингэм (1532–1590), государственный секретарь. Женат 1-м браком на Кэтрин Уолсингэм, дочери Генри Уолсингэма.
- 86 Томас Уэнтуорт (1500–1551), сын сэра Роберта Уэнтуорта и Энн Тайрелл; барон Уэнтуорт с 1529 г. Камергер двора Эдуарда VI в 1550–1551 гг. Женат на Маргарет Фортескью (1502–1548).
- 87 Генри Чейни (1540–1587), сын сэра Томаса Чейни (1487–1558), казначея двора Генриха VIII, Эдуарда VI и Марии I в 1539–1558 гг., и Энн Брутон. Барон Чейни с 1572 г.
- 88 Сэр Генри Сидни (1529–1576), сын сэра Уильяма Сидни (1482–1554) и Энн Пакенхэм (ум. 1544), вдовы сэра Томаса Фицуильяма (старшего брата Уильяма Фицуильяма, графа Саутхэмптона). Сидни пользовались покровительством кардинала Уолси и служили Тюдорам при дворе: сэр Уильям Сидни был сквайром Генриха VIII, а затем распорядителем двора и наставником принца Эдуарда (с 1538 г.), его жена была гувернанткой принца. Генри Сидни был джентльменом опочивальни Генриха VIII и кравчим (обер-шенком) Эдуарда VI; позднее — председатель Совета Валлийской марки и член Тайного Совета. Его сестра Фрэнсис (1531–1589) была дамой опочивальни королевы Елизаветы, а ее супруг, Томас Рэдклиф, 3й граф Сассекс (1525–1583) служил лордом-камергером в 1572–1583 гг. Жена сэра Генри Сидни также принадлежала к придворной династии: Мэри Дадли (1530/35–1586) была дочерью Джона Дадли, герцога Нортумберленда, служившего при дворе Генриха VIII и Эдуарда VI, и Джейн Гилфорд, фрейлины Анны Болейн. Сама Мэри служила Елизавете как дама опочивальни в 1559–1586 гг.; придворной дамой и близкой подругой королевы была ее сестра Кэтрин (1538/45–1620), графиня Хантингдон. Брат Мэри, Роберт Дадли (1533–1588), граф Лестер, был шталмейстером и фаворитом королевы Елизаветы. Обер-шенком Елизаветы был сын Генри Сидни и леди Мэри, поэт сэр Филипп Сидни (1554–1586), а племянник, Уильям Фицуильям (ум. 1618), служил в королевской гвардии. В 1600

- г. при дворе Елизаветы служили также три племянницы сэра Генри, дочери его сестры Люси, леди Харингтон: Мейбл (ум. 1603), леди Нозл (Ноуэлл), Сэра, леди Хейстингс (1565–1629) и Теодозия, леди Дадли (ум. 1649). Придворной дамой Марии I — ее фрейлиной и хранительницей драгоценностей — была еще одна племянница сэра Генри Сидни, Джейн Дормер (1538–1612), жена Гомеса Суареса де Фигероа, герцога Ферии, испанского гранда и придворного Филиппа II.
- 89 Генри Герберт, 2-й граф Пемброк (1538–1601), сын Уильяма Герберта, 1го графа Пемброка, и Энн Парр. Женат: 1) в 1563–1576 гг. на Кэтрин Тэлбот (ум. 1576), дочери графа Шрусбери; 2) на Мэри Сидни. Брат Энн, леди Тэлбот (42).
- 90 Уолтер Деверо, 1й граф Эссекс (1541–1576), сын сэра Ричарда Деверо (сына виконта Херефорда) и Дороти Хейстингс, дочери графа Хантингдона. С 1558 г. виконт Херефорд, с 1572 г. — граф Эссекс. Леттис Ноллис (1543–1634), дочери сэра Фрэнсиса Ноллиса и Кэтрин Кэри (см. примеч. 61), даме опочивальни королевы Елизаветы (во 2м браке (1578–1588) — супруга Роберта Дадли, графа Лестера (1-м браком женат на Эми Робсарт, 1532–1560); в 3м браке (1589–1601) — жена сэра Кристофера Блаунта (1555–1601), конюшего двора Елизаветы. Дети: Роберт Деверо, 2-й граф Эссекс, Пенелопа Рич (№ 39).
- 91 Роберт, 3-й барон Рич (1559–1619), 1-й граф Уорик (с 1618 г.), сын Роберта Рича, 2-го барона, и Элизабет Балдри. 2м браком (в 1616–1619 гг.) женат на Фрэнсис Рей (1568–1634), дочери сэра Кристофера Рея, председателя Суда королевской скамьи, и Энн Гирлингтон, вдовы сэра Джорджа Сент-Пола (1562–1613).
- 92 См. примеч. 57.
- 93 Томас, 10-й барон Скроуп из Болтона (1567–1609), сын Генри, 9-го барона Скроупа, и Маргарет Ховард, дочери графа Сарри.
- 94 Уильям Герберт (1501–1570), 1-й граф Пемброк (с 1551 г.), сын сэра Ричарда Герберта и Маргарет Крадок. Сквайр Генриха VIII. В 1538–1552 гг. женат на Энн Парр (1515–1552), дочери сэра Томаса Парра, ревизора двора Генриха VIII и Мод Грин, дамы опочивальни королевы Екатерины Арагонской. Энн Парр была сестрой королевы Екатерины Парр и Уильяма Парра, маркиза Норхэмптона (примеч. 66), служила фрейлиной Екатерине Арагонской, Анне Болейн, Джейн Сеймур, и дамой опочивальни Екатерины Ховард и Екатерины Парр. Второй женой графа Пемброка стала Энн Тэлбот (1523–1588), дочь Джорджа Тэлбота, 4-го графа Шрусбери, и Элизабет Уолден, в 1м браке жена сэра Питера Комптона (ум. 1544, сын сэра Уильяма Комптона, джентльмена опочивальни Генриха VIII); леди опочивальни королевы Елизаветы. Сын графа Пемброка, Генри Герберт (впосл. 2-й граф Пемброк) в 1554–1558 гг. был джентльменом опочивальни Филиппа II.
- 95 Фрэнсис, барон Тэлбот (1550–1582), старший сын Джорджа Тэлбота, 6го графа Шрусбери, и Гертруды Мэннерс.

- 96 См. примеч. 72.
- 97 Эмброз Дадли (1530–1590), сын Джорджа Дадли, герцога Нортумберленда, и Джейн Гилфорд. Женат: 1) в 1549–1552 на Энн Хорвуд (ум.1552); 2) Элизабет, баронессе Талбойс (1520–1563), вдове Томаса Уимбиша (ум.1553); 3) Энн Рассел (№ 43).
- 98 Фрэнсис Хейстингс, 2-й граф Хантингдон (1514–1561), сын Джорджа Хейстингса, 1-го графа Хантингдона и Энн Стаффорд, дочери герцога Бекингэма. Женат на Кэтрин Пол (1519–1576), старшей дочери Генри Пола, маркиза Монтегю и Джейн Невилл.
- 99 Эдвард Сомерсет, 4-й граф Вустер (1550–1628), шталмейстер Елизаветы в 1601–1603 гг. Сын Уильяма Сомерсета, 3-го графа Вустера и Кристианы Норт (дочери Эдварда, 1-го барона Норта, и Элис Сквирс, придворной дамы в 1558–1559 гг.). Две дочери Эдварда Сомерсета и Элизабет Хейстингс служили при дворе королевы Елизаветы: Элизабет Сомерсет (1572–1627, в замужестве леди Гилфорд) в 1594–1596 гг. была дамой опочивальни, а ее сестра Кэтрин Сомерсет (1574–1624, в замужестве леди Питер) в то же время была фрейлиной.
- 100 Сестра-близнец Элизабет Сесил (№ 21).
- 101 См. примеч. 51.
- 102 Джон, 9-й барон Стёртон (1553–1588), сын Чарльза, 8-го барона Стёртона и Энн Стенли, дочери графа Дерби.
- 103 Эдвард Мор (1555–1623), сын Джона Мора и Энн Молтон. Мор-старший был гвардейцем Генриха VIII после 1545 г., а Эдвард служил в том же качестве королеве Елизавете (1577–1603). Женат: 1) в 1571–1591 гг. на Мэри Пойнингс (ум.1591), дочери сэра Эйдриена Пойнингса и Мэри Уэст; 2) на Фрэнсис Стёртон (№ 45).
- 104 Джон, барон Хасси (1466–1537), сын сэра Уильяма Хасси и Элизабет Беркли. Женат на: 1) Маргарет (урожд. Блаунт), вдове сэра Джона Барра; 2) Энн Грей (1493–1545), дочери Генри Грея, 2-го графа Кента и Кэтрин Герберт.
- 105 Сэр Ричард Морисон (1513–1556), сын Томаса Морисона, гуманист и дипломат, посол при дворе императора Карла V в 1550–1553 гг.; эмигрировал по религиозным мотивам в 1553 г.
- 106 Генри Мэннерс, 2-й граф Ратленд (1526–1563), сын Томаса Мэннерса, 1-го графа Ратленда и Элинор Пастон, дамы опочивальни Анны Болейн, Джейн Сеймур, Анны Клевской и Екатерины Ховард. Женат: 1) в 1536–1559 гг. на Маргарет Невилл (ум. 1559), дочери графа Уэстморленда; 2) в 1516–1563 гг. на Бриджет Морисон (Хасси) (№ 46). Дед Бриджет Мэннерс (№ 27).
- 107 См. примеч. 72.
- 108 В свите принцессы Елизаветы с 1543 г.
- 109 Ричард Хилл (ум. 1539), хранитель винного погреба короля Генриха VIII. Женат на Элизабет, дочери Томаса Айсли из Санриджа, во 2-м браке (ок.

- 1540) — жена сэра Джона Мейсона (1502–1566), известного тюдоровского дипломата и придворного, казначея королевской опочивальни в 1558–1566 гг.
- 110 Сэр Джон Чик (1514–1557), сын Питера Чика и Агнес Даффилд, наставник принца (короля) Эдуарда в 1544–1553 гг., джентльмен королевской опочивальни в 1547–1553 гг., государственный секретарь (1553). В 1554–1555 гг. — в изгнании. Арестован в Антверпене (1555) по обвинению в заговоре против Марии I и протестантской пропаганде, доставлен в Англию и помещен в Тауэр. Отрекся от протестантского учения, умер в своем поместье. Брат Мэри Чик, 1-й жены Уильяма Сесила, лорда Бёрли.
- 111 Генри Маквильям (1532–1586), гвардеец королевы Елизаветы I в 1566–1586 гг. При дворе королевы Елизаветы служили две его дочери, Маргарет (в замужестве леди Стэнхоуп), и Сесили (ум.1627), фрейлина в 1589–1590 гг., супруга (с 1590 г.) сэра Томаса Риджвея (1566–1631), графа Лондондерри (с 1622 г.).

«ПРИНЦИП — MULIER TACEAT IN ECCLESIA — НЕ ИМЕЛ ЗНАЧЕНИЯ В ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ»: П. А. ПРОКОШЕВ О ХАРИЗМАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ЖЕНЩИН В ЦЕРКВИ

Ключевые слова: женский вопрос, церковные вдовы, диакониссы, власть женщин, харизма, монархический епископат, историография, история Церкви.

Аннотация: В статье прослеживается характерное для эпохи позднего модерна историософское противопоставление мужского и женского начала, которое было перенесено П. А. Прокошевым на историю возникновения должности диакониссы в древней Церкви. Он показывает, как харизматичных вдовиц, которые стали узурпировать власть епископов в Церкви, заменили клерикальные (подчиненные церковной иерархии) диакониссы. Показано, на какие источники опирается Прокошев: с одной стороны, он использует исторический нарратив А. фон Гарнака о переходе от харизматической эпохи в истории Церкви к монархическому епископату. С другой стороны, в ракурсе проблематики женского вопроса Прокошев использует работу о сирийской Дидаскалии Х. Ахелиса, который описал борьбу церковных вдов и епископов. Прокошев усваивает эти идеи и пытается увидеть в них актуальные для своего времени проблемы феминизации церковной жизни на рубеже XIX и XX вв.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 19-78-10143, <https://rscf.ru/project/19-78-10143/>. Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет.

Для цитирования: Ячменик В. А. «Принцип — mulier taceat in ecclesia — не имел значения в первенствующей церкви»: П. А. Прокошев о харизматической власти женщин в Церкви // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 252-275. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-252-275

V.A. Yachmenik

St Tikhon's Orthodox University
ORCID ID 0000-0003-4624-5962
Scopus ID 57851002900
yachmenik94@mail.ru

«THE PRINCIPLE OF MULIER TACEAT IN ECCLESIA DID NOT MATTER IN THE EARLY CHURCH »:

P. A. PROKOSHEV ABOUT THE CHARISMATIC POWER OF WOMEN IN THE CHURCH

Keywords: woman question, church widows, deaconesses, women's power, charisma, monarchical episcopacy, historiography, history of the Church.

Abstract: The article analyzes the historiosophic opposition between womanliness and virility that characterized the late modern era and was transferred by Pavel Prokoshev to the history of the emergence of the office of deaconess in the early Church. Prokoshev shows how the charismatic widows who began to usurp the power of bishops in the Church were replaced by clerical deaconesses subordinate to the church hierarchy. The article also reveals the sources Prokoshev drew upon, including the historical narrative of A. von Harnack on the transition from the Charismatic era in Church history to the monarchical episcopate, as well as the work on the Syrian Didascalía by H. Achelis, who described the struggle of church widows and bishops from the perspective of the women's issue. Prokoshev assimilates these ideas and tries to see in them the problems of the feminization of church life relevant at the turn of the 19th and 20th centuries.

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation under grant No 19-78-10143, <https://rscf.ru/en/project/19-78-10143/>. The project was organized by St. Tikhon's Orthodox University.

To cite this article: Yachmenik, Vyacheslav. "The principle of *mulier taceat in ecclesia* did not matter in the early church': P. A. Prokoshev about the charismatic power of women in the Church". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 252–275. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-252-275

На рубеже XIX и XX вв. в европейской культуре стал крайне популярен вопрос соотношения «мужественности» и «женственности»¹. Однако внимание к гендерной проблематике было следствием не только кризиса в отношении вопроса, что считалось женским, а что — мужским, но преимущественно результатом выстраивания в текстах дискриминации одного начала (женского или мужского) другим. Поэтому значимым в начале XX в. стало сочинение И. Я. Бахофена «Материнское право: исследование о гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой» (1861), в котором повлиявший на Ф. Ницше, З. Фрейда, О. Вайнингера и других крупных фигур своего времени автор писал об историческом переходе от архаического «материнского права» к «патриархальности», от языческого матриархата к христианской власти отца, от кровного единства к духовному². Н. А. Бердяев, комментируя эту мысль Бахофена, писал в 1930-х гг.:

Бахофен гениально раскрыл борьбу мужского и женского принципа. [...] В мире происходит встреча, взаимодействие и борьба солнечного, мужского начала с лунным муже-женственным и с женственным началом земли. В зависимости от преобладания того или иного начала сменяются мировые эпохи. Архаическая, первоначальная эпоха человечества, по Бахофену, есть эпоха господства женского начала, матери-земли, богов подземных, хтонических. [...] Для Бахофена пробуждение духа и личности, т. е. начала солнечного и мужского и победа его над исконным господством матриархата, над первобытным космическим коммунизмом, над женской религией земли и подземных богов, есть положительный космический процесс³.

- 1 Ле Ридер. 2009: 149–320.
- 2 См. небольшой обзор его концепции в статье: **Потапова**. 2021. Комплексного исследования, посвященного рецепции идей Бахофена в России, нет, — что касается отдельных кейсов см.: **Ваганова**. 2018. См. также об опосредованной рецепции через О. Вайнингера: **Протопопова**, **Протопопов**. 2021.
- 3 **Бердяев**. 1931: 68–69.

Жак Ле Ридер, который проанализировал Бахофенское влияние на споры о «женском» и «мужском» начале в венском модерне, рассмотрел эту проблематику в фокусе кризиса мужской идентичности — последний есть «усиление женского начала и деконструкция начала мужского»⁴. Об этом в свое время писал упомянутый уже Бердяев, характеризуя фрейдистскую интерпретацию мифа об Эдипе: «Восстание против отца будет играть в истории большую роль. Оно принимает форму борьбы против власти, разума, нормы, закона»⁵. Как мы покажем, эта проблематика в такой историософской перспективе, — своего рода историческая «война полов», — проникает не только в культуру, но и в церковный контекст.

В пореформенной России женский вопрос стремительно обретал остроту и получал ясные очертания в социальной реальности⁶. Однако и в Церкви он оказался связан с конкретными практическими запросами своего времени. Как известно, росли численность и значение женских монастырей, появлялись женские духовно-учебные заведения, дискутировался вопрос об участии женщин в церковных хорах⁷. Более того, на глазах современников женское служение в Церкви возрождалось и на уровне церковных институций: в начале XX вв. на Поместном соборе Российской Церкви 1917–1918 гг. обсуждался вопрос о присвоении чина диаконисс сестрам Марфо-Мариинской обители и о введении этого чина⁸.

4 Ле Ридер. 2009: 201.

5 Бердяев. 1931: 69.

6 См. наиболее крупные работы: Рябов. 1997; Матич. 2008; Зусева-Озкан. 2022.

7 См.: Запальский. 2018; Попова. 2009; Никулина. 2022.

8 См.: Белякова, Белякова. 2001; Постернак, Баконина, Белоусов 2011: 448–463.

На стыке феминизации культуры, общественной и церковной жизни интерес к женскому вопросу возникает и в церковной науке, что порождает множество исследований⁹. Среди них особняком стоит исследование Павла Александровича Прокошева (1868–1943), профессора кафедры церковного права юридического факультета Томского университета, который в 1913 г. перевел на русский язык «Дидакалию апостолов» — один из источников для реконструкции истории женского служения в Церкви¹⁰. В том же году он опубликовал работу «*Didascalía apostolorum* и первые шесть книг апостольских постановлений: Историко-критическое исследование из области источников церковного права», которая была защищена в качестве докторской диссертации по церковному праву и отмечена Макариевской премией¹¹. В указанном исследовании Прокошев наряду с историческим и филологическим анализом памятника развивает тезис о власти женщин в Церкви, который кажется новым для своего времени и тем более для своей научной области:

Научными исследованиями последнего времени твердо установлено, что та система церковной организации, которая известна под именем монархического епископата, начала постепенно развиваться со II века. Первоначально же всюду, где появлялось христианство, наступало харизматическое время, когда Сам Бог управлял церковью через апостолов, пророков, дидакалов, евангелистов — особо облагодатствованных личностей, служение которых определялось не каким-либо формальным титулом, а Духом Божиим, живущим в них. [...] Среди таких героев духа первохристианской эпохи были и женщины. Принцип — *mulier taceat in ecclesia* — не имел значения в

9 См. об этих работах: **Beliakova**. 2019.

10 См.: **Methuen**. 1995; **Постернак**. 2021: 16–18.

11 Прокошев был учеником казанского проф. церковного права И.С. Бердникова, который отстаивал в науке интересы консерваторов (см. **Старков, Акишин**. 2019).

первенствующей церкви. И женщины осуществляли все права, предоставленные благодатствованному: учили, отпускали грехи, предпринимали путешествия с миссионерской целью, крестили¹².

В приведенном фрагменте указываются важные оппозиции: харизматической эпохе противопоставляется эпоха монархического епископата, носителям харизмы — церковная иерархия. Можно предположить, что автор пытается встроиться в активно ведущиеся в теологии дискуссии о харизме и в их рамках он выдвигает тезис о харизматической одаренности женщин в Церкви.

Вопрос о харизматических служениях женщин разрабатывается в современной западной историографии и в современном православном богословии¹³. Однако для начала XX века тезисы Прокошева кажутся нетипичными в отечественной церковной науке и, видимо, поэтому исследователи не обращали внимание на его работу и утверждали, что вопрос о харизматической природе женских служений выносился в России, в отличие от западной историографии, за скобки¹⁴. Но Прокошев пошел даже дальше утверждений о харизме женщин и попытался рассмотреть их служения как конкурирующие с епископской властью. В таком ракурсе этот вопрос получает большую оригинальность и, судя по всему, из области истории переходит в регистр историософских концепций своего

---

12 Прокошев. 1913а: 147–148.

13 Постернак. 2023: 18–19. Что касается вопроса о женской харизме в современном православном богословии, то следует назвать работы П. Евдокимова (см. Louth. 2015: 168–169). В литературе утверждается, что харизма давала возможность женщинам занимать те места в Церкви, которые были бы им недоступны по «должности», но это не приводило к конкуренции за церковную власть (о которой пишет Прокошев): Tucker, Liefeld. 1987: 130, 205, 352.

14 Белякова, Белякова, Емченко. 2011: 9.

времени. Мы рассмотрим далее историографические источники работы Прокошева и попытаемся показать, как он работает с ними в своем исследовании и на их основании выстраивает свой исторический тезис.

РАБОТЫ Х. АХЕЛИСА КАК ИСТОЧНИК ДИССЕРТАЦИИ ПРОКОШЕВА

Прокошев при работе с текстом памятника, которому посвящена его диссертация, опирался на исследования профессоров Кёнигсбергского университета Ханса Ахелиса (1855–1937) и Берлинского университета Адольфа фон Гарнака (1851–1930). Если последний из упомянутых крупных специалистов в области церковной истории определил весь основной исторический нарратив Прокошева (описание харизматических служений и возникновение монархического епископата), то Ахелис поставил в нем именно женский вопрос (по этой проблематике он опубликовал ряд значительных трудов, которые актуальны по сей день¹⁵). Прокошева заинтересовала работа «Die syrische Didascalia» (1904), в которой Ахелис описывает борьбу епископата с остатками харизматических служений в Церкви. Укажем далее на основные элементы его концептуальной рамки, в которой он рассматривает женский вопрос.

Ахелис последовательно противопоставлял в церковной истории свободную харизму и институциональную должность. На автора памятника сирийской Дидаскалии, который Ахелис издавал и исследовал, он смотрел как на носителя такой должности и переносил эту оппозицию на столкновение представительниц женских служений и епископов:

Институт вдов имеет долгую историю, восходящую к самым ранним временам христианства. Представитель современного

---

15 См.: Achelis. 1898; Achelis. 1902.

епископата, каким был автор “Дидаскалии”, должен был ощущать их древние права как посягательства на свое положение, и он стремился устранить их все¹⁶.

Желание «устранить» влияние женщин, служение которых затрагивало все сферы церковной жизни (в этом смысле, по Ахелису, служение в Церкви не было ограничено гендером), связано было с борьбой за власть, поскольку женщины руководили и некоторыми общинами¹⁷. Ахелис описывал столкновение вдов и епископов как противоборство двух властных начал: «Две церковные власти не уживались друг с другом, одна должна была подчинить себе другую»¹⁸. Поскольку вдова не имела «упорядоченной должности» (*geordnetes Amt*) и даже разрушала основанный на ней строй, она, по намерению церковной власти, «должна влиться в организм общины»¹⁹. «Вдова не хотела, — писал Ахелис, — чувствовать себя миряночкой и подчиненной епископа»²⁰. Вместе с тем епископ уже обладал полнотой власти и «поэтому вдовы удалялись в небольшие монастыри, где их старые права все еще полностью признавались»²¹. Но даже вдалеке от епископа они влияли на церковную жизнь и отдаляли от епископской общины многих христиан.

16 **Achelis, Flemming.** 1904: 281. Соавтор, Флемминг, отвечал исключительно за перевод с сирийского. Ахелис, напротив, отвечал за содержание.

17 Тут мы находим то место, вдохновившее Прокошева, которое он приводит у себя почти дословно, кроме последнего предложения о женщинах как представительницах общин: «Der Grundsatz *Mulier taceat in ecclesia* galt kaum irgendwo in der Kirche. Sie übten alle Rechte aus, die den Geistbegabten vorbehalten waren: sie lehrten, taufeten, brachten die Eucharistie dar, vergaben die Sünden. Es hat gewiß viele Gemeinden gegeben, die nur von einer Frau oder von Frauen regiert waren» (**Achelis, Flemming.** 1904: 279).

18 **Achelis, Flemming.** 1904: 277.

19 **Achelis, Flemming.** 1904: 277.

20 **Achelis, Flemming.** 1904: 276.

21 **Achelis, Flemming.** 1904: 276.

В той логике церковного устройства, которую Ахелис называл монархическим епископатом, должен быть единоличный центр церковной власти, который заключается в церковной иерархии. Поэтому Ахелис указывал на введение должности диаконисы, о котором говорится в Дидаскалии, как попытку институционализировать женское харизматическое начало, поэтому исследователь писал, что «на место харизматической вдовы ставится клерикальная диаконисса, а на место Духа — должность»²². Однако, как считал Ахелис, по замыслу автора Дидаскалии, обуздание женщин было первым шагом, главная его задача — полностью избавиться от этого «рудимента прошлого»²³. Уловка состояла в том, что епископ как единственный обладатель права рукоположения получал полный контроль над диакониссами: теперь женщины, с одной стороны, должны оказывать ему полное иерархическое послушание, с другой стороны, они не могли получать более высокие церковные должности, «поскольку высшие [иерархические] ступени занимались мужчинами»²⁴.

РЕАКЦИЯ НА ИДЕИ АХЕЛИСА СРЕДИ СОВРЕМЕННИКОВ ПРОКОШЕВА

Еще «на пути» к диссертации Прокошева идеи Ахелиса развивались как у А. фон Гарнака (для Прокошева, как мы указывали, второй по значимости автор), так и у русских исследователей.

Прокошев в основном ссылался на две работы Гарнака, в которых тот опирался на Ахелиса при описании женских служений: «Die Mission und Ausbreitung des Christentums»

---

22 Achelis, Flemming. 1904: 282.

23 Achelis, Flemming. 1904: 281.

24 Achelis, Flemming. 1904: 278.

(второе издание 1906) и «Entstehung und Entwicklung der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts» (1910). В работе «Миссионерская проповедь и распространение христианства» Гарнак отмечал, что история женских служений «очень темна», но «эти учреждения показывают, как рано Церковь обратила внимание на организацию женщин разного положения»²⁵. Однако, как указывал исследователь, организованные женские служения не получили широкого развития в церковной жизни:

Церковная организация создала тем самым нечто совершенно уникальное; но даже в древности это учреждение, похоже, не оправдало себя по-настоящему; оно быстро теряет значимость, и до общепринятых достижений дело не дошло²⁶.

Женское служение, по словам Гарнака, получает развитие в среде гностиков и монтанистов, где оно понималось как пророческое. Именно борьба с этими еретическими сообществами «побудила Церковь запретить всякую деятельность женщин в Церкви, исключая служебные обязанности вдов и диаконисс»²⁷. Указав на эти обстоятельства, Гарнак хотя и говорил о напряжении между епископатам и женщинами, но не описывал его ни в терминологии Ахелиса (оппозиция «харизма / должность»), ни в рамках его концептуальной рамки (у которого эта история предстает как борьба женского и мужского властных начал). В упомянутой работе 1910 г. Гарнак лишь фиксирует, что диакониссы, вдовы и девы находили место в структуре христианской общины, но не разрабатывает этот вопрос подробно²⁸.

---

25 Гарнак. 2007: 368–369.

26 Harnack. 1906: 57. Русский перевод Спасского осуществлялся по первому изданию, в котором приведенного места нет.

27 Гарнак. 2007: 371.

28 Harnack. 1910: 51, 94, 101.

В России одним из предшественников Прокошева на пути рецепции идей Ахелиса и Гарнака был Сергей Викторович Троицкий (1878–1972)²⁹, который в 1912 г. писал о том, что служение вдов не было должностным «и его характер в каждом отдельном случае определялся обстоятельствами, известными нуждами местной Церкви, природными и сверхъестественными дарованиями известного лица»³⁰. Поскольку служение вдов Троицкий определял скорее как внеинституциональное, он указывал на преемство вдов первых и последующих веков христианства:

Вдовы первых двух веков явились... преемницами не только вдов апостольского времени, но и других женщин, добровольно служивших апостолам и обладавших иногда чрезвычайными дарованиями (χαρίσμα)³¹.

Мы видим, что, с одной стороны, Троицкий писал о том, что вдовы не были частью клерикальной структуры, не имели должностей, которые женщины получили при введении посвящения в диаконисс. Однако, с другой стороны, он не пытался, в отличие от Ахелиса, предложить независимую от церковной иерархии идею харизматической власти вдов (хотя к понятию харизмы он апеллирует тоже). Этот подход отличает Троицкого и от Прокошева, который вслед за Ахелисом будет утверждать, что автор *Didascalia Apostolorum* желает «вместо харизматической вдовицы учредить клерикальную диакониссу» и решить тем самым вопрос о власти епископа³².

Наконец, следует обратить внимание на один текст Николая Никаноровича Глубоковского (1863–1937),

---

29 См. о месте Троицкого в историографии по церковному служению женщин: **Постернак, Баконина, Белоусов**. 2011: 8–22.

30 **Троицкий**. 1912: 11.

31 **Троицкий**. 1912: 38–39.

32 **Прокошев**. 1913а: 154.

профессора Санкт-Петербургской духовной академии, который в 1916 г. откликается на идеи Ахелиса в связи с выходом диссертации Прокошева. Глубоковский говорил, что в церковной истории «“роль” в указанных грандиозных размерах иерархической полноправности никогда не могла принадлежать в Церкви ни единой женщине», если только читать древнецерковные памятники «без немецких очков»³³.

В своей рецензии Глубоковский, во-первых, пытался снять противопоставление харизмы и должности, поскольку, как он писал, «харизматизм и организованность были одновременными» и «по своей природе харизматизм нимало не был антагонистичен церковному иерархизму»³⁴. Во-вторых, высказался о женском вопросе и попытке его разрешить с помощью понятия харизмы. Глубоковский считал, что харизма даруется Богом вне зависимости от пола христианина, — носителями харизмы могли быть как женщины, так и мужчины, поэтому он писал, что «женщины-пророчицы и пользовавшиеся другими дарами оставались чрезвычайными явлениями наравне с харизматиками, но меньше их по количеству и по влиянию»³⁵. Таким образом, Глубоковский не видел в источниках свидетельств о той степени церковной власти, которую Ахелис и вслед за ним Прокошев, приписывали женщинам, тем более он не видел антагонизма между мужчинами и женщинами в церковной среде.

Гарнак, Троицкий и Глубоковский знакомы были с текстом Ахелиса, но при изложении истории женских служений в Церкви не переняли его радикализм, который позволял им обвинить его в антиисторичности (что,

---

33 Глубоковский. 1916: 347.

34 Глубоковский. 1916: 350.

35 Глубоковский. 1916: 352.

собственно говоря, делает Глубоковский, реагируя уже на «русского» Ахелиса в лице Прокошева).

БОРЬБА ЖЕНЩИН ЗА ВЛАСТЬ В ЦЕРКВИ В ИЗЛОЖЕНИИ ПРОКОШЕВА

От харизматичной вдовицы к клерикальной диакониссе

Прокошев становится тем автором, которому идеи Ахелиса оказываются близки при всей их дискуссионности, о которой свидетельствует реакция на них современников. Как мы указывали выше, Прокошев не только перенял тезисы о власти женщин в Церкви, но и рассматривал женское служение как харизматическое. В его диссертации конфликт харизмы и должности в рамках развития церковных институций помещается в то время, когда

еще находятся лица, конкурирующие с епископской властью во всех ее функциях и стесняющие епископское управление. Это — вдовицы, ведущие свою генеалогию от прежних одаренных пророчиц и ссылающиеся для оправдания своей власти в общине на Духа Божия, яко бы действующего в них. Вдовицы, по изображению Дидаскалии, не хотели встать в подчиненное отношение к епископу: они имели наклонность к самостоятельной деятельности, независимо от епископа³⁶.

В ракурсе столкновения харизматических вдовиц и епископа учреждение института диаконисс рассматривалось как попытка упорядочить церковную жизнь, которая нарушалась, ибо не была подчинена одному носителю церковной власти:

В борьбе с непокорными вдовицами... епископ не ограничивался одним моральным воздействием на них — увещаниями и вразумлениями; в его руках были средства и принудительного характера. Таким средством служили прежде всего определения относительно ординации вдовиц³⁷.

---

36 Прокошев. 1913а: 150.

37 Прокошев. 1913а: 152.

В ситуации, когда сопротивление сменяется покорностью, женщины больше не могут апеллировать к своему харизматическому преемству, поскольку они становятся носительницами должности.

Логика перехода от харизмы к должности в истории женских служений в Церкви, по всей видимости, имела для Прокошева интерес не столько в качестве исторической реконструкции, сколько в виде актуализации современных проблем церковной жизни. Поэтому во введении к своему переводу Дидаскалии он утверждал:

не только желательно, но и необходимо иметь Апостольскую Дидаскалию в русском переводе, особенно теперь, когда в русском обществе за последние 5–6 лет настойчиво раздаются голоса о коренной реформе православной церкви и... введению новых [установлений. — В. Я.] (напр., института диаконисс, о чем так много говорилось и писалось в истекшем году)³⁸.

Феминизация церковной жизни представлялась Прокошеву важной проблемой и он, с опорой на свои исследования, предлагал проект институционализации активно развивающихся женских движений. Поэтому Прокошев и обратился к идеям Ахелиса, который описал рождение должности диакониссы из борьбы женщин с епископами. Однако Прокошев более подробней, чем Ахелис, сфокусировался на описании епископата.

Фигура епископа: между монархической и отцовской властью

Роль епископа в истории борьбы с вдовами в диссертации Прокошева описывалась двояко. С одной стороны, Прокошев говорил о его «борьбе с наследием харизматического времени»³⁹. С другой стороны, как он же

38 Прокошев. 1913б: С. II.

39 Прокошев. 1913а: 156.

утверждал, епископ занял место харизматиков «на почве строгой законности, а не путем узурпации, как полагают некоторые протестантские ученые»⁴⁰. Как видится, автор в некотором смысле разрывался между верой в науку, о которой он заявлял (вспомним его слова о том, что «[н]аучными исследованиями последнего времени твердо установлено» противостояние в истории принципов харизмы и должности, в котором вдовы представляли харизматизм), и верой в Церковь, для которой именно епископ является носителем церковной власти. Чтобы снять эту дилемму, Прокошев апеллировал к тому, что узурпировали власть сами женщины, потеряв свою особую харизму в тот момент развития церковных институций, когда

с одной стороны, первенствующая роль принадлежала еще вдовицам, когда они представляли из себя как бы женский пресвитериат, отправляя почти все иерархические функции — учительство, разрешение кающихся и даже совершение крещения, а с другой — уже началось разложение этого института и подготавливалась замена его институтом диаконов⁴¹.

Амбивалентность фигуры епископа, борьба которого оправдывается деградацией «женского пресвитериата», в диссертации Прокошева связана была не только со столкновением научных и церковных интересов, но и с верой автора в успех реформы Церкви (как и в случае с диаконами). В одном из своих предшествующих исследований Прокошев указывал на причины кризиса религиозной жизни на Западе, которые заключаются в отсутствии демократизма церковной жизни. Те же проблемы он видел, по всей видимости, и в Православной Церкви начала XX в. Поэтому он с симпатией смотрел на развитие

---

40 Прокошев. 1913а: 149.

41 Прокошев. 1913а: 156.

модернизма в католической Церкви и таким образом характеризовал одно из его направлений:

Они требуют изменить самое понятие о церкви, заровнять пропасть между властвующими и подвластными так, чтобы церковь снова стала, как во времена Евангельские, братским обществом, основанным на любви. Они настаивают на реформе церкви на демократических началах: на сближении ее с народом, на предоставлении мирянам широкого участия в церковных делах, на изгнании из религиозной сферы всякой политики⁴².

В этих словах узнается как отрицательный образ епископа из диссертации Прокошева, который в эпоху монархического епископата представлял как борец за свою единоличную власть, так и положительный образ, который Прокошев конструировал во введении к своей диссертации, где он писал, что жизнь в древнехристианской общине строилась совершенно иначе, чем в его время — она исключала «юридическое начало», и основывалась скорее на семейных основаниях:

каждая церковная община того времени представляла из себя в собственном смысле семью, в которой епископ был отцом, а остальные члены — детьми, в которой между христианами, как членами одной церковной семьи, царил дух полного взаимного единения, существовали самые простые отношения, чуждые всякого формализма⁴³.

Таким образом, идеального епископа Прокошев определял как «отца» церковной общины, которому противопоставляется, видимо, модель монархического епископата. Модель епископа как отца у Прокошева олицетворяла своего рода организующее мужское начало, в то время как вдовы представляли как анархичное женское

---

42 Прокошев. 1911: 18.

43 Прокошев. 1913а: XII–XIII.

начало церковной жизни⁴⁴. Пытаясь так интерпретировать данные о взаимоотношении вдов и епископата, обнаруженные автором в *Didascalia Apostolorum*, Прокошев описывал возникновение особой женской харизмы и историю борьбы за власть Церкви между вдовами и епископами.

***

Тезисы П. А. Прокошева восходят к конкретному источнику, — работам Х. Ахелиса, — тем не менее этот кейс в истории *fin de siècle* позволяет выявить еще более широкий контекст, который стоял за идеей Прокошева о «женском пресвитерiate». Эпоха вынуждала описывать женский вопрос именно в ракурсе борьбы и противопоставления двух начал, которые, начиная с Бахофена, находили свои разные репрезентации в исторических нарративах эпохи Модерна. Исходя из этого, тезис о власти женщин в диссертации Прокошева представляет яркий пример презентизма в церковной науке начала XX в., в которой конструируемые исторические феномены становятся материалом для переживания проблем настоящего.

Пожалуй, особенно выделяет идеи Прокошева среди его современников попытка связать гендерную проблематику, концепцию харизмы и вопрос о власти в Церкви. Модель епископа-отца стояла у Прокошева за упорядочивающей «должностью» епископата и олицетворяла (если мы перейдем на культурный язык эпохи Модерна) своего рода мужское начало церковной власти. Оно представляло власть и организованность, женское же начало — анархичность и стихийность. Как видится, чтобы обозначить эту неустойчивость, Прокошев и использовал для описания

---

44 Этот подход можно сравнить и с русской религиозной философией (Рябов. 1997: 106)

«женского пресвитериата» понятие харизмы, вызывающее коннотации личностного и неформального начала.

Во многом Прокошев некритически воспринял идеи Ахелиса (особенно на фоне критики его идей другими исследователями) и перенес их в своей текст, но вместе с тем он попытался пойти дальше: он видел в борьбе епископа с харизматичными вдовами не только окончательную победу монархического епископата, не только противопоставление «женского» и «мужского» начала, но и указание на то, как Церковь могла бы реагировать на феминизацию жизни. Он не предлагал игнорировать или дезавуировать попытки женщин найти место в Церкви для реализации своего христианского призвания, — напротив, среди современных проектов преобразования церковной жизни он поддерживал идею введения чина диаконисс. В своей работе он аргументировал этот проект логикой добровольного подчинения (диаконисс — епископу), которая противопоставляется логике борьбы. В культурном контексте этот подход Прокошева становится не только любопытной иллюстрацией к эпохе *fin de siècle*, но и попыткой ее переосмыслить в рамках проблем современной церковной жизни.

Список источников и литературы

Белякова, Белякова, Емченко. 2011 — Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011.

Белякова, Белякова. 2011 — Белякова Е. В., Белякова Н. А. Обсуждение вопроса о диакониссах на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 139–161.

Бердяев. 1931 — Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931.

Ваганова. 2018 — Ваганова Н. А. Дионисийство и софийность. Онтология и антропология женственности в проекте художественной религии Вячеслава Иванова // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 128–139.

Гарнак. 2007 — Гарнак А. Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века / пер. с нем. А. А. Спасского. СПб., 2007.

Глубоковский. 1916 — Глубоковский Н. Н. Дидаскалия и Апостольские Постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению // Христианское чтение. 1916. № 3. С. 339–360.

Запальский. 2018 — Запальский Г. М. Женское монашество и женская эмансипация в предсоборный период и на Соборе 1917–1918 гг. // Собор и соборность: К столетию начала новой эпохи. М., 2018. С. 228–240.

Зусева-Озкан. 2022 — Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930 годов / под ред. В. Б. Зусевой-Озкан. М., 2022.

Ле Ридер. 2009 — Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб., 2009.

Матич. 2008 — Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.

Никулина. 2022 — Никулина А. А. Женщины в церковных хорах: дискуссия в периодической печати рубежа XIX–XX веков // Художественная культура. 2022. № 4. С. 458–483.

Попова. 2009 — Попова О. Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Дисс. ...докт. ист. наук. М., 2009.

Постернак, Баконина, Белоусов. 2011 — Служение женщин в церкви: Исследования / Сост. свящ. А. Постернак, С. Н. Баконина, А. В. Белоусов. М., 2011.

Постернак. 2021 — Постернак А. В. Вдовы и диакониссы в иерархии Древней Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 11–27.

Постернак. 2023 — Постернак А. В. Западная историография о женском служении в Древней Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 110. С. 11–28.

Потапова. 2021 — Потапова Г. Е. Царство Матерей – Царство отцов – Царство Братьев? О влиянии теории матриархата И. Я. Бахофена на немецкую рецепцию творчества Ф. М. Достоевского в XX веке // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22, № 1. С. 120–132.

Прокошев. 1911 — Прокошев П. А. Религиозный кризис на западе Европы (Модернизм). Томск, 1911.

Прокошев. 1913а — Прокошев П. А. *Didascalia Apostolorum* и первые шесть книг Апостольских Постановлений. Историко-критическое исследование из области источников церковного права. II. Приложение: *Didascalia Apostolorum* (текст памятника в русском переводе). Томск, 1913.

Прокошев. 1913б — Прокошев П. А. Дидаскалия, т.е. католическое учение двенадцати апостолов и святых учеников нашего Спасителя. Томск, 1913.

Протопопова, Протопопов. 2021 — Протопопова А. В., Протопопов И. А. Между Отто Вейнингером и В. В. Розановым: о конструировании феминности и маскулинности в творчестве Д. С. Мережковского // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 3. С. 204–221.

Рябов. 1997 — Рябов О. А. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997.

Старков, Акишин. 2019 — Старков П. И., Акишин С. Ю. Переписка И. С. Бердникова с русскими учеными и учениками по Казанской духовной академии (1870–1914 гг.) // *Церковь. Богословие. История*. Екатеринбург, 2019. С. 369–381.

Троицкий. 1912 — Троицкий С. В. Диакониссы в православной церкви. СПб., 1912.

Achelis. 1898 — Achelis H. Diakonissen, altkirchliche // *Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche* / J. Herzog, A. Hauck, Hrsg. 3. Aufl. Leipzig, 1898. Bd. 4. S. 616–620.

Achelis. 1902 — Achelis H. Virgines Subintroductae: Ein Beitrag zum VII Kapitel des I Korintherbriefs. Leipzig, 1902.

Achelis. 1904 — Achelis H., Flemming J. Die syrische Didascalia. Lpz., 1904.

Beliakova. 2019 — Beliakova N. Women in the Church: Conceptions of Orthodox Theologians in Early Twentieth-Century Russia // *Orthodox Christianity and Gender. Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice* / Ed. H. Kupari, E. Vuola. Routledge, 2019. P. 47–52.

Harnack. 1906 — Harnack A. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Zweite neu durchgearbeitete Auflage mit elf Karten. Leipzig, 1906. Bd. 2.

Harnack. 1910 — Harnack A. Entstehung und Entwicklung der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts in den zwei ersten Jahrhunderten. Lpz., 1910.

Louth. 2015 — Louth A. *Modern Orthodox Thinkers: From the Philokalia to the Present.* Downers Grove, IL, 2015.

Methuen. 1995 — Methuen C. Widows, Bishops and the Struggle for Authority in the Didascalia Apostolorum // *The Journal of Ecclesiastical History.* 1995. Vol. 46 (2). P. 197–213.

Tucker, Liefeld. 1987 — Tucker R., Liefeld W. *Daughters of the Church: Women and Ministry from New Testament times to the Present.* Zondervan, 1987.

REFERENCES

Beliakova, Elena and Nadezhda Beliakova. “Discussion about deaconesses on the Local Council, 1917–1918.” *Tserkovno-istoricheskii vestnik* 8 (2001): 139–161. (In Russian)

Beliakova, Elena, Beliakova, Nadezhda and Elena Emchenko. *Women in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice.* Moscow: Kuchkovo pole, 2011. (In Russian)

Beliakova, Nadezhda. “Women in the Church: Conceptions of Orthodox Theologians in Early Twentieth-Century Russia.” In *Orthodox Christianity and Gender. Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice*, edited by Helena Kupari and Elina Vuola, 47–52. London: Routledge, 2019.

Le Rider, Jacques. *Modernity and Crises of Identity: Culture and Society in Fin-de-siècle Vienna.* St. Petersburg: N. I. Novikov Publ., 2009. (In Russian)

Louth, Andrew. *Modern Orthodox Thinkers: From the Philokalia to the Present.* Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2015.

Matich, Olga. *Erotic Utopia: New Religious Consciousness and Fin-de-Siècle in Russia.* Moscow: NLO Publ., 2008. (In Russian)

Methuen, Charlotte. “Widows, Bishops and the Struggle for Authority in the Didascalia Apostolorum.” *The Journal of Ecclesiastical History* 46, no. 2 (1995): 197–213.

Nikulina, Anna. "Women in Church Choirs: Discussion in the Periodical Press of the Turn of the 20th Century." *Hudozhestvennaya kul'tura* 4 (2022): 458–483. (In Russian)

Popova, Olga. *Women's Spiritual Education and its Role in Changing the Social Status of Women in Russia (second half of the 19th — early 20th century)*. Moscow, 2009. (In Russian)

Posternak, Andrey, Bakonina, Svetlana, and Belousov, Alexey. *Women's Service in Church*. Moscow: PSTGU Publ., 2011. (In Russian)

Posternak, Andrey. "Widows and deaconesses in the hierarchy of the Early Church." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* 98 (2021): 11–27 (In Russian)

Posternak, Andrey. "Western historiography on women's ministry in the Early Church." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* 110 (2023): 11–28. (In Russian)

Potapova, Galina. "Realm of the Mothers — Realm of the Fathers — Realm of the Brothers? The Influence of J. J. Bachofen's Theory of Matriarchy on the German Reception of F. M. Dostoevsky's Work in the 20th century." *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities* 22, no. 1 (2021): 120–132. (In Russian)

Protopopova, Anna, and Ivan Protopopov. "Between Otto Weininger and Vassily Rozanov: Constructing the Feminine and the Masculine in Dmitry Merezhkovsky's Works." *Studia Litterarum* 6, no. 3 (2021): 204–221. (In Russian)

Ryabov, Oleg. *Woman and Femininity in the Philosophy of the Russian Silver Age*. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 1997. (In Russian)

Starkov, Pavel, and Sergey Akishin. "Correspondence of I. S. Berdnikov with Russian scholars and students of the Kazan Theological Academy (1870-1914)." In *Church. Theology. History*,

369–381. Ekaterinburg: Ekaterinburg Theological Seminary, 2019. (In Russian)

Tucker, Ruth, and Walter Liefeld. *Daughters of the Church: Women and Ministry from New Testament times to the Present*. Grand Rapids, Mich.: Zondervan, 1987.

Vaganova, Natalia. “Dionysiasm and Sophianic. Ontology and Anthropology of Femininity in the Project of Artistic Religion by Vyacheslav Ivanov.” *Voprosy Filosofii* 10 (2018): 128–139. (In Russian)

Zapalsky, Gleb. “Female Monasticism and Female Emancipation before during the Council of 1917–1918.” In *Sobor and Sobornost: Toward the Centenary of the Beginning of a New Era*, 228–240. Moscow: PSTGU Publ., 2018. (In Russian)

Zuseva-Ozkan, Veronika. *Woman of Modernity: Gender in Russian Culture 1890–1930*. Moscow: NLO Publ., 2022. (In Russian)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРАХ

Ключевые слова: слова: раннесредневековая Англия, англосаксонские женщины, средневековые монахини, англосаксонское право, земельные споры, судебный процесс, англосаксонские хартии.

Аннотация: Статья предваряет публикацию перевода семи грамот, иллюстрирующих участие англосаксонских женщин VIII – XI вв. в земельных конфликтах. Переводы документов выполнены с латинского и древнеанглийского языков. Большинство грамот отражают постановления англосаксонских церковных синодов, королевских советов (witenagemot) и собраний графств (scírgemót). Ранее эти грамоты на русский язык не переводились. Показано, что к концу раннего Средневековья представительницы англосаксонской знати проявляли существенную правовую активность. Отстаивая свои имущественные интересы, они судились со своими родственниками, светскими и церковными лицами, выступали в качестве свидетелей на судебном процессе. Отдельные казусы демонстрируют примеры эффективного женского взаимодействия при разрешении имущественных споров. В спор за землю могли быть вовлечены дамы разного возраста и семейного положения. Наибольшую правовую активность проявляли знатные вдовы, составлявшие в раннесредневековой Англии одну из наиболее обеспеченных групп населения.

Для цитирования статьи: Болдырева И. И. Раннесредневековые английские женщины в земельных спорах // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 276-292. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-276-292

Для цитирования перевода: Раннесредневековые англосаксонские грамоты о женских земельных спорах / пер. и комм. И. И. Болдыревой // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 293-309. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-293-309

I.I. Boldyreva

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
ORCID ID 0000-0001-6708-7268
Scopus ID 57223853884
boldyrevairi@mail.ru

EARLY MEDIEVAL ENGLISH WOMEN IN LAND DISPUTES

Keywords: early medieval England, Anglo-Saxon women, medieval nuns, Anglo-Saxon law, land disputes, legal process, Anglo-Saxon charters.

Abstract: The article presents an introduction to Russian translation of seven charters that portray 8th –11th centuries' Anglo-Saxon women as participants of land disputes. The charters have been translated from Latin and Old English. Most of these charters reflect the decisions of church synods, royal councils (witenagemot) and county assemblies (scírgemót). These documents have not been translated into Russian before. It is shown that by the end of the early Middle Ages, English noblewomen exhibited substantial legal activity. Defending their property interests, they sued their relatives, the laity and clergymen, acted as witnesses in lawsuits. A number of legal cases provide examples of effective female interaction in dispute resolution in property conflicts. Among people involved in a dispute over land there could be women of different ages and marital status. Prominent widows were the most active in the legal field, making up one of the wealthiest groups of the population in early medieval England. In many cases the chances of winning a lawsuit were determined by personal connections and social standing of the lady and her rivals. Some court decisions were of a compromise nature. However, even after winning a lawsuit, a noble Anglo-Saxon widow could remain nameless for the document.

To cite this article: Boldyreva, Irina. “Early medieval English women in land disputes”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 276–292. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-276-292

To cite this translation: Boldyreva, Irina. “Early medieval English charters to women involved in land disputes”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 293–309. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-293-309

Участие англосаксонских аристократок в земельных спорах представляет несомненный интерес для современной медиевистики, так как проливает свет на значимые аспекты социального и экономического статуса представительниц знати в раннесредневековом английском обществе. Англосаксонские женщины, принадлежавшие к различным прослойкам нобилитета, в том числе к королевской семье, присутствуют в документах не только как наследницы, дарительницы, завещательницы, но также в качестве свидетелей, посредниц, тяжущихся сторон. Каждый отдельный казус с участием представительниц слабого пола, сохранённый документами, запечатлел важные эпизоды их публичной активности и индивидуального правового опыта, попытки отстаивать свои имущественные интересы, а также интересы родственников и подруг.

В отличие от современной судебной системы, тщательно регламентирующей правила протоколирования судебных заседаний, в раннее Средневековье такая документация не считалась обязательной, равно как не существовало четких правил её ведения. Как следствие, наше представление об англосаксонском судебном процессе весьма поверхностно и основано на отрывочных сведениях, которым не достаёт полноты и объективности. По подсчетам британского историка Патрика Уормалда, более чем за трехсотлетний период, с 40-х годов VIII в. по середину XI в. (1066 г.) от Англии сохранились записи всего 178 судебных разбирательств.¹ Они составлялись в форме хартии выигравшей тяжбу стороной, её наследниками или получателями земельного дара в лице родственников и монастырей. Обладание грамотой существенно уве-

1 См. указатель Патрика Уормалда: **Wormald.** 1988.

личивало шансы держателя сохранить за собой землю в случае конфликта. Целый ряд этих текстов изображают женщин в активном действии и сохранили их голоса.

Принимая во внимание сравнительно редкое упоминание представительниц слабого пола как исторических лиц в нарративных памятниках эпохи, для изучения социально-правового положения англосаксонских женщин материалы хартий являются особенно ценными. Примеры участия знатных англосаксонских дам в земельных конфликтах присутствуют в документах начиная со второй трети VIII века. Однако большинство свидетельств, где мы находим описание такого рода казусов относятся к X–XI вв. — периоду, значительно лучше обеспеченному актовым материалом, чем предыдущие столетия. Если в ранних грамотах, речь идёт о настоятельницах, защищавших имущественные интересы своих монастырей, участницами более поздних тяжб являются мирянки, принадлежавшие к аристократическим кругам. В настоящей публикации мы предлагаем переводы на русский язык семи раннесредневековых английских грамот. Две ранние латинские хартии были записанные по итогам церковных синодов и содержат информацию о правовых казусах с участием монахинь, живших в VIII веке. Остальные пять грамот были составлены на англосаксонском языке в X — первой половине XI вв.

Самый ранний из этих документов дошёл до нас в составе картулярия Вустерского собора. В нём говорится, как некая аббатиса Хротвару инициировала тяжбу со своей замужней матерью.² Предметом спора стала грамота на земли мона-

---

2 Рукопись **Cotton Tiberius A. XIII**, fol. 25. Грамота 1 в настоящем издании. **Sawyer**: no. 1429. Перевод этой латинской грамоты на английский язык

стыря Уитингтон в Глостершире. Спорная земля была королевским пожалованием тётке Хротвару Бугге и бабке Дунне, принявшим монашество. На смертном одре аббатиса Дунна завещала монастырь и его земли своей малолетней внучке, которой с детства была уготована судьба настоятельницы. До совершеннолетия Хротвару монастырём управляла её мать. Ей же на временное хранение была передана хартия на монастырскую землю. Когда Хротвару выросла, мать отказалась вернуть землю под предлогом утраты документа. Чтобы оградить своё имущество от притязаний родительницы, Хротвару обязалась передать монастырь после своей кончины Вустерскому епископу и выиграла спор. Дело решилось на церковном синоде 736–737 гг., который возглавил архиепископ Кентерберри Нотхельм. Тяжба Хротвару с матерью демонстрирует ажиотаж, который мог возникнуть при дележе земель находившихся в частном владении монастырей, которые в Англии VIII века получили достаточно широкое распространение. Также документ приоткрывает важную сторону участия англосаксонской церкви в делах этих институций. Вмешательство епископата могло стать для настоятельниц единственной возможностью добиться благоприятного для себя исхода конфликта.³

Событие, о котором идёт речь, относится к первой половине VIII столетия — времени, которое принято считать золотым веком женского монашества в Англии. Дошедшая до нас грамота свидетельствует, что жизнь англосаксонских настоятельниц в то время не была лишена бытовых сложностей, ил-

---

см.: Whitelock. 1955: 454–455. Об этой тяжбе также см.: Болдырева. 2021: 328–329; Золотарёв. 2017.

3 Lees, Overing. 2001: 68.

люстрируя одну из проблем, с которой они могли столкнуться.⁴ По мнению А.Ю. Золотарёва, этот казус также подтверждает, что имущественные права женщин и возможности их судебной защиты были весьма широки уже на заре англосаксонской эпохи.⁵

Вторая хартия относится к разбирательству, которое произошло спустя более 50 лет (798 г.) на синоде в Клофешо. Здесь благодаря соглашению между аббатисой Кюнитридой и архиепископом Кентербери Этельхердом был положен конец многолетнему конфликту из-за земель располагавшегося в Беркшире монастыря Кукхэм. В деле о монастыре Кукхэм роль церкви была принципиально иной. Настоятельница и архиепископ, по существу, выступали как соперничающие стороны. Чтобы сохранить за собой монастырь, аббатиса передавала архиепископу весьма обширные земельные владения общей площадью 110 гайд.⁶ Компромиссный характер соглашения вряд ли можно рассматривать как победу Кюнитриды, особенно, если учитывать её высокий статус до принятия монашества.

В историографии аббатису Кюнитриду ассоциируют с женой могущественного Оффы (757–796), легендарного пра-

---

4 Подробнее об англосаксонском женском монашестве до начала норманнских вторжений см.: **Болдырева**. 2021.

5 **Золотарёв**. 2017.

6 Грамота 2 в настоящем издании. **Sawyer**: no. 1258. Перевод этой латинской грамоты на английский язык см.: **Whitelock**. 1955: 468-470. Рукописи из коллекции библиотеки Ламбетского дворца (Лондон) и Британской библиотеки (Лондон): **Lambeth Palace Library MS. 1212**, pp. 312–313; **Cotton Claudius D. II**, f. 29r-v.

вителя Мерсии, под властью которого к концу VIII века находилась значительная часть Англии.⁷ Известно, что Кюнитрида активно участвовала в государственных делах и была единственной англосаксонской королевой, чеканившей собственную монету. Знаменитый Алкуин писал о ней как о даме очень занятой и благочестивой.⁸ Принятие монашеского пострига после смерти мужа получило широкое распространение среди представительниц англосаксонских правящих домов в VII–VIII вв. Положение Кюнитриды с приходом к власти новой династии становилось уязвимым. Дело о землях монастыря Кукхэм демонстрирует, что в своём новом статусе вдовы и игуменьи бывшая королева-консорт шла на серьёзные уступки. Показательно, что документ, составленный в правление Кенвульфа (796–721), представителя побочной линии Мерсийского королевского дома, подчёркивает нелегитимный характер владения Оффой Кукхэмом, который тот удерживал «не имея грамот» (*sine litteris*), и оставил своим наследникам «без документов» (*absque litterarum*).

Грамоты, чей перевод с латинского языка предлагается ниже, позволяют по-новому взглянуть на положение настоятельниц-аристократок. С одной стороны, они иллюстрируют публичную активность аббатис, связанную с имущественными делами их монастырей, вокруг которых концентрировались значительные материальные ресурсы. С другой, свидетельствуют об уязвимости этих женщин, рисуя ситуации, в которых они были вынуждены приспособливаться, искать защиты или уступить.

---

7 **Stafford.** 2005. О правлении короля Оффы см.: **Глебов.** 2007: 37; **Kirby.** 2000: 134–150.

8 См.: **Duemmler.** 1848: 105–106, 148.

Более поздние грамоты, относящиеся к участию в судебных спорах англосаксонских аристократок X–XI веков,⁹ стали объектом изучения в одной из наших статей, опубликованных в 2016 г. в журнале «Научный диалог».¹⁰ Они подтверждают, что правовая активность представительниц знати к концу англосаксонского периода была довольно существенной и имела свои особенности. В том или ином качестве в земельный спор могли быть вовлечены дамы разного возраста и семейного положения: девицы, вдовы, замужние женщины. Пример участия в земельной тяжбе в качестве истицы незамужней девушки сохранила дарственная грамота земель в Кулинге Кентерберийскому собору, пожалованная в 959 г. королевой Эдгифу, вдовой Эдуарда Старшего (901–924).¹¹ Ещё до вступления в брак с королём Эдгифу при поддержке Бурхсига Дуринга пришлось судиться за земли своего покойного отца с нобилем по имени Года. Земельный спор между ней и Годой (а после его смерти с его наследниками) длился на протяжении нескольких десятилетий. Изменение статуса Эдгифу при дворе каждый раз означало новый поворот в этом деле. В картулярной хронике «Книжица епископа Этельвольда» (XII в.) описаны обстоятельства нескольких земельных тяжб, участниками которых стали жившие в X веке замужние дамы.¹²

9 Грамоты 3–7 настоящего издания.

10 **Болдырева.** 2016. В этой статье мы также анализируем участие женщин в земельных спорах по материалам «Книжицы епископа Этельвольда» (*Libellus Ædelwoldi episcopi*) — латинского картулярия, повествующего о земельных приобретениях Илийского монастыря в период его реставрации (конец X в.).

11 Грамота 3 в настоящем издании. **Sawyer:** no.1211. Англосаксонский текст этой грамоты и её английский перевод см.: **Harmer.** 1914: 37–38, 66–68. **MS Stowe Charter** 28.

12 **Болдырева.** 2016: 189–190.

Многие из сохранившихся судебных разбирательств с участием англосаксонских аристократок в качестве ответчиц или истиц затрагивали интересы вдов. Знатные вдовы в раннесредневековой Англии представляли собой одну из наиболее состоятельных групп населения. Смерть отца или мужа создавала потенциальное пространство для возникновения имущественных конфликтов между его детьми, женой и другими наследниками. Неслучайно некоторые вдовы, как, например, дама из Херефордшира, судились с близкими родственниками.¹³ По всей видимости, вдовой была богатая аристократка Уинфледа, претендовавшая на одну и ту же землю с человеком по имени Леофвин.¹⁴ Завещание знатной дамы по имени Этельгифу (вторая половина X в.) сохранило упоминание о её судебном споре из-за земли с родственниками покойного мужа.¹⁵

Одной из ключевых фигур спора из-за поместий в Бромли и Фокхэме также была вдова. Эта женщина, чьё имя документ не сообщает, фигурирует в его тексте неоднократно. В правление Эдгара (959–975) она «унаследовала» грамоты, похищенные её супругом у епископа Рочестерского, и была вынуждена вернуть их законному владельцу. Когда в пользу короны были конфискованы два принадлежавших ей поместья, впоследствии проданных Рочестерской кафедре, вдова смогла убедить епископа выделить ей узуфрукт. Од-

-
- 13 Грамота 5 в настоящем издании. **Sawyer:** по. 1462. Англосаксонский текст этой грамоты и её английский перевод см.: **Robertson.** 1956: 150–153. *MS Hereford Cathedral*, p. 1. 2, f. 134r-v. (Херефорд).
- 14 Грамота 4 в настоящем издании. **Sawyer:** по. 1454. Англосаксонский текст этой грамоты и её английский перевод см.: **Robertson.** 1956: 136–139. *MS Cotton Augustus* ii. 15.
- 15 **Crick.** 2007: 147.

нако после кончины короля дама, подстрекаемая своим родственником Бирхтриком, при поддержке других влиятельных лиц предприняла попытку отобрать у архиепископа грамоты на землю.¹⁶ Не исключено, что помогавший женщине Бирхтрик был одним из её наследников и имел в этом деле личный интерес. Обращает на себя внимание, что составитель грамоты использует для номинации предприимчивой вдовы такой признак как семейное положение (*laf, wydewe*). Похожую ситуацию мы можем наблюдать на примере записи херефордширской тяжбы, не сохранившей имени знатной дамы, судившейся с сыном и выигравшей спор.¹⁷ Эти детали репрезентации женщин в письменной культуре англосаксов отражают повседневные реалии раннесредневековой эпохи, когда основными событиями в жизни женщины были вступление в брак, рождение детей, кончина мужа, а её правовой статус сохранял тесную связь с семейным положением.

Англосаксонские аристократки вступали в тяжбы не только со светскими лицами, но с церковью. Они могли быть инициатором разбирательства. На судебном заседании присутствовала или сама женщина, или ее представитель (*forespreca*). Эту роль, как правило, принимал на себя мужчина — родственник или друг семьи. В споре юной Эдгифу с Годой обязанности *forespreca* исполнял Бурхсиг Дуринг. В деле из Херефордшира интересы матери Эдвина представлял Туркил Белый.

16 Грамота 7 в настоящем издании. **Sawyer:** no. 1457. Англосаксонский текст этой грамоты и её английский перевод см.: **Robertson.** 1956: 122–125. **MS Rochester Cathedral, Textus Roffensis, f. 162b.**

17 Составитель грамоты Туркил Белый именуется её матерью Эдвина (*modor*) (**Sawyer:** no. 1462).

Целый ряд дошедших до нас документов сохранил свидетельства женской взаимопомощи и сотрудничества при разрешении земельных споров. Участницы тяжб нередко привлекали в качестве свидетелей своих подруг и покровительниц. Дама из Херефордшира, судившаяся с сыном, говорила с прибывшими к ней делегатами от собрания шира в присутствии своей родственницы Леоффледы. Ей она оставила всё, чем владела, лишив сына наследства. Составивший запись этой тяжбы муж Леоффледы Туркил Белый передаёт слова херефордширской вдовы, используя прямую речь:

Здесь присутствует Леоффледа, моя родственница, которой я после своей смерти завещаю все свои земли, своё золото, одежды и наряды, всё, что имею.¹⁸

И несмотря на то, что усилия Туркила здесь направлены на утверждение наследственных прав своей жены, голос, по всей видимости, немолодой и обеспеченной аристократки, звучит твёрдо и властно. «Действуйте, как подобает тенам, и по правде, — обращается она к посланцам, — объявите мои слова собранию перед всеми достойными мужами и скажите им, кому я оставила свои земли и всё имущество».¹⁹

Другая грамота, сохранившая запись судебного разбирательства между Уинфледой и Леофвином, поимённо перечисляет более 10 дам, которых в качестве свидетельниц привлекла истица. Среди них фигурируют настоятельницы и мирянки. Однако этот перечень был далеко не полным. В хартии читаем, что на собрании присутствовали «многие достойные

18 “her sit Leoffled min mage þe ic geann ægðer ge mines landes ge mines goldes ge rægles ge reafes ge ealles þæs ðe ic ah æfter minon dæge” (Sawyer: no. 1462).

19 “doð þegnlice 7 wel . abeodað mine ærende to ðam gemote beforan eallon þam godan mannum 7 судар heom hwæm ic mines landes geunnen hæbbe” (Sawyer: no. 1462).

тены и достойные жёны, которых мы всех не можем перечислить так, чтобы все были названы». ²⁰ Тяжба Уинфледы и Леофвина — один из тех казусов, которые завершились компромиссом. Уинфледа была признана законной владелицей спорных земель. Одновременно собрание шира (графства) настояло, чтобы она вернула своему сопернику золото и серебро его отца. Дважды в этой грамоте упомянута королева-мать Эльфтрида, оказавшая Уинфлеме поддержку.

Эльфтрида (ум. ок. 1000) была женой короля Эдгара и матерью Этельреда II (978–1016). Она известна высокой степенью политической активности в правление мужа и сына. ²¹ До нас дошло составленное Эльфтридой в конце 990-х гг. официальное письмо (предписание) архиепископу Кентербери Элфрику и эрлу Этельверду. ²² Хартия интересна тем, что здесь от лица женщины излагаются обстоятельства затяжного земельного спора, в который корреспондентка была вовлечена сначала в качестве посредницы, затем — как ответчица. Текст предписания мог быть составлен королевой собственноручно или под её диктовку. Документ рассказывает о событиях времён правления Эдгара, иллюстрируя попытки влияния женщин из придворных кругов на исход земельного конфликта между королевским тенем по имени Леофрик и епископом Винчестера Этельвольдом. Из контекста грамоты следует, что эти попытки могли оказаться весьма успешными, даже не затрагивая формальную сторону процесса. Благодаря

20 “menig god þegen 7 god wif þe we ealle atellan ne magon þ forþcom eal se fulla” (**Sawyer:** no. 1454).

21 См. подробнее о королеве Эльфтриде в одной из наших последних публикаций: **Болдырева.** 2023.

22 Грамота 6 в настоящем издании. **Sawyer:** no. 1242. Англосаксонский текст этой грамоты и её английский перевод см.: **Harmer.** 1952: 396–397. **MS Add.** 15350, f. 26 r-v.

Эльфтриде и сестре Леофрика Эльфсвите спор был улажен. Своё участие в этом конфликте Эльфтрида объясняет родственными узами («И я, поскольку она [жена Леофрика] приходилась мне родственницей, и Эльфсвита, так как он [Леофрик] был её братом, добились от епископа Этельвольда...»).²³ В итоге Леофрик и его жена Вульфгита получили от епископа право пожизненного владения спорной землёй при условии её передачи после их смерти Винчестерской кафедре. «И мы обе с большими трудностями привели дело к этому решению», — признаётся Эльфтрида.²⁴

Тот же документ свидетельствует, что к концу жизни королева-мать стала терять свой политический вес и была вынуждена доказывать, что сделку совершили без нарушений. По всей видимости, новое разбирательство было инициировано заинтересованными в присвоении спорной земли потомками Леофрика. Была ли оправдана Эльфтрида, нам неизвестно. После 1000 года все упоминания о ней исчезают из исторических источников.

В целом, анализ грамот, сохранивших свидетельства участия англосаксонских женщин в земельных тяжбах, подтверждает, что аристократки в раннесредневековой Англии обладали широким спектром прав и возможностей. К рубежу раннего и высокого Средневековья правовая активность представительниц англосаксонской знати возрастает. Отчасти эта тенденция отражает рост их самостоятельности, отчасти является следствием увеличения общего количества документальных источников к концу англосаксонской эпохи. Если ранние грамоты, отразили попытки настоятельниц оградить

23 “7 ic ða for þan þe heo me gesib was, 7 Ælfswyð for þan þe he hyre broþor wás, abedon æt Adelwold biscope b...” (Sawyer: no. 1242).

24 “7 wit hyt swiðe uneaðe to þan Brocton” (Sawyer: no. 1242).

земли своих монастырей от притязаний родственников и епископата, участницами более поздних разбирательств становятся знатные мирянки, отстаивавшие личные имущественные интересы, а также интересы родственниц и подруг. В отличие от своих мужей и отцов, аристократки, вступившие в земельный спор, достаточно часто прибегали к помощи представительниц слабого пола, привлекая их в качестве свидетельниц и соприсяжниц. Такую закономерность, видимо, можно объяснить не только обычаем, но необходимостью эмоциональной поддержки, особенностями повседневной среды и круга общения знатных англосаксонских дам. Наибольшую правовую активность проявляли вдовы. Участие женщины в судебном процессе в качестве представителя одной из тяжущихся сторон (*foresprega*) для англосаксонской правовой практики не было характерно. В представленных ниже случаях женщина могла быть как проигравшей, так и выигравшей дело стороной. Исход спора чаще всего определялся связями тяжущихся сторон и их положением в обществе. Однако даже выиграв тяжбу, жившая в патриархальном обществе дама могла остаться безымянной для документа.

Список источников и литературы

Беда Достопочтенный. 2001 — Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат. и комм. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001.

Болдырева. 2016 — Болдырева И.И. Англосаксонские аристократки X–XI веков в земельных спорах // Научный диалог. 2016. № 11(59). С. 181–192.

Болдырева. 2021 — Болдырева И.И. Англосаксонское женское монашество в VII–VIII вв. // Диалог со временем. 2021. Вып. 74. С. 321–337.

Болдырева. 2023 — Болдырева И.И. Положение жены правителя в Англии второй половины X века: королева Эльфтрида // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 198–206.

Глебов. 2007 — Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2007.

Золотарёв. 2016 — Золотарев А.Ю. Принудительные структуры охраны правопорядка в раннесредневековой Англии // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 37–42.

Золотарёв. 2017 — Золотарёв А.Ю. Земельные тяжбы и обладание земельным имуществом в раннесредневековой Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Вып. 8 (62). URL: <https://history.jes.su/s207987840001888-5-1> (23.06.23).

Campbell. 1962 — The Chronicle of Æthelweard / Ed. A. Campbell. London; New York: Thomas Nelson and Sons, 1962.

Cotton Claudius D. II, f. 29r-v. <https://esawyer.lib.cam.ac.uk/manuscript/292.html> Британская библиотека, Лондон.

Cotton Tiberius A. XIII, fol. 25. Британская библиотека, Лондон.

Crick. 2007 — Anglo-Saxon Charters. Vol. XII: Charters of St Albans / Ed. J. Crick. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007.

Duemmler. 1848 — Alcuini sive Albini epistolae // Monumenta Germaniae Historica. Epp. T. II: Epistolae Karolini aevi / Rec. E. Duemmler. Berolini: Apud Weidmannos, 1895. P. 1–481.

Florentius Wigorniensis. 1848 – Florentii Wigorniensis Monachi Chronicon Ex Chronicis / Ed. B. Thorpe. Vol. I. London: Sumptibus Societatis, 1848.

Harmer. 1914 — Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries / Ed. F.E. Harmer. Cambridge: Cambridge University Press, 1914.

Harmer. 1952 — Anglo-Saxon Writs / Ed. F.E. Harmer. Manchester: Manchester University Press, 1952.

Kirby. 2000 — Kirby D.P. The Earliest English Kings. 2nd ed-n. London: Psychology Press, 2000.

Lambeth Palace Library MS. 1212, pp. 312–313

Lees, Overing. 2001 — Lees C.A., Overing G.R. Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo-Saxon England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001.

MS Cotton Augustus ii. 15 <https://esawyer.lib.cam.ac.uk/manuscript/210.html> Британская библиотека, Лондон

MS Add. 15350, f. 26 r-v. Британская библиотека, Лондон.

MS Rochester Cathedral, Textus Roffensis, f. 162b. Рочестер.

MS Stowe Charter 28. Британская библиотека, Лондон.

Robertson. 1956 — Anglo-Saxon Charters / Ed. & trans. A.J. Robertson. 2nd ed-n. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.

Sawyer — The Electronic Sawyer. Online catalogue of Anglo-Saxon charters. URL: <https://esawyer.lib.cam.ac.uk/about/index.html> (30.06.2023).

Stafford. 2005 — Stafford P. Political Women in Mercia Eighth to Early Tenth Centuries // *Mercia: An Anglo-Saxon Kingdom in Europe* / Eds. M.P. Brown, C.A. Farr. London; New York: Continuum, 2005. P. 35–49.

Swanton. 1996 — The Anglo-Saxon Chronicle / Ed. & trans. M. Swanton. New York: Routledge, 1996.

Whitelock. 1955 — English historical documents / Ed. D. Whitelock. Vol. 1. London: Eyre & Spottiswoode, 1955.

Wormald. 1988 — Wormald P. A handlist of Anglo-Saxon lawsuits // *Anglo-Saxon England*. 1988. Vol. 17. P. 247–281.

REFERENCES

Boldyreva, Irina. “Anglo-Saxon noble women of the 10th–11th centuries in land disputes.” *Nauchnyi Dialog* 11 no. 59 (2016): 181–192. (In Russian)

Boldyreva, Irina. “Anglo-Saxon monastic women in the 7–8th centuries.” *Dialogue with Time* 74 no. 1 (2021): 321–337. (In Russian)

Boldyreva, Irina. “The position of King’s wife in England in the second half of the 10th century: Queen Aelfthryth.” *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations* 23 no. 2 (2023): 198–206. (In Russian)

Glebov, Andrey. *England in the Early Middle Ages*. Saint Petersburg: Eurasia, 2007. (In Russian)

Zolotarev, Anton. “Land lawsuits and land ownership in Anglo-Saxon England.” *ISTORIYA* 8 no. 62 (2017). DOI: 10.18254/S0001888-5-1 (In Russian)

Zolotarev, Anton. “Coercive police structures in Anglo-Saxon England.” In *Humanities and Law Research* 4 (2016): 37–42. (In Russian)

Kirby, David. *The Earliest English Kings*. 2nd ed-n. London: Psychology Press, 2000.

Lees, Clare and Gillian Overing. *Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo-Saxon England*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001.

Stafford, Pauline. "Political Women in Mercia Eighth to Early Tenth Centuries." In *Mercia: An Anglo-Saxon Kingdom in Europe*, edited by Michelle Brown and Carol Farr, 35–49. London; New York: Continuum, 2005.

Раннесредневековые англосаксонские грамоты о женских земельных спорах

ГРАМОТА 1

СЕМЕЙНЫЙ СПОР ИЗ-ЗА ЗЕМЕЛЬ МОНАСТЫРЯ УИТИНГТОН
(736–737 гг.)

Уитингтон¹

Славнейший король мерсийцев Этельред² со своим комитом субкоролём Гевиссе Ошере,³ по его просьбе передал 20 гайд⁴ земли по реке под названием Тиллат⁵ с [правом] свободного распоряжения двум монахиням, Дунне и её дочери Бугге, для постройки на ней монастыря во оставление своих грехов и собственноручной подписью утвердил им этот дар. Однако упомянутая монахиня Дунна, отходя ко Господу, возведённый на том участке монастырь с его землёй и грамоту с описанием земли, которыми она тогда единолично владела, передала во владение дочери своей дочери. Но поскольку та [внучка] была ещё в малых летах, она поручила хранение грамоты на землю

- 1 *Wudiandun*. Заглавие указано составителем картулярия.
- 2 *rex Æthelred* (675–704), король Мерсии. В 704 г. Этельред принял постриг и ушёл в монастырь (Swanton. 1996: 40–41).
- 3 Ошере (*Oshere*) — король Гевиссе (680–693)
- 4 Гайда — величина обрабатываемого земельного участка в раннесредневековой Англии, достаточного для содержания одной крестьянской семьи, позднее — нескольких семей. Реальная площадь гайды в разных регионах была различной. Её размеры варьировались от 40 до 120 акров. Гайда имела фискальное значение.
- 5 *Tillath* — сегодня река Кольн (Coln) (Глостершир).

и всё попечение о монастыре, пока она не достигнет совершеннолетия, матери девицы — замужней женщине. Когда она [внучка] попросила вернуть грамоту та [её мать], не желая возвращать, ответила, что она была похищена. Когда, наконец, всё дело направили в святой синод священного собрания, всё досточтимое собрание вместе с архиепископом Нотхельмом⁶ постановило, что дарственная грамота королей и упомянутой служительницы Господа Дунны должна быть тщательно составлена заново и передана упомянутой аббатисе Хротвару [с тем, чтобы] её [право на] владение монастырём было нерушимым. Решением святейшего синода тот, кто взял старую хартию на передачу земли, изъяв её каким бы то ни было способом, через кражу или обман, был заранее безоговорочно осуждён и анафематствован. И святой синод постановил, что после её [Хротвару] смерти, как ранее определили её предки, эта грамота и эта земля должны быть возвращены кафедре города Вустера.⁷

ГРАМОТА 2

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ АРХИЕПИСКОПОМ КЕНТЕРБЕРИ ЭТЕЛЬХЕРДОМ И АББАТИСОЙ КЮНИТРИДОЙ НА СИНОДЕ В КЛОФЕШО (798 г.)

Да царствует во веки Господь и Бог наш Иисус Христос.

Я, Этельхерд, по великой милости, дарованной всемогущим Господом, митрополит церкви Кентерберийской⁸, и наш славнейший король Кенвульф⁹ созвали всех епископов нашей

6 *Nothelmus* — архиепископ Кентерберийский (735–739).

7 В тексте грамоты — *Uueogernensis*.

8 *Dorobernensis ecclesie metropolitanus*. Этельхерд занимал Кентерберийскую кафедру с 793 по 805 гг.

9 *Canulfus* (796–821) — король Мерсии, пришедший к власти после кончины сына Оффы Экфрида, правившего в 796 году на протяжении нескольких месяцев.

провинции, элдорменов и аббатов, и всяких [достойных] мужей на синод в месте под названием Клофешо¹⁰ и здесь тщательно расспросили их, как они держат католическую веру и как соблюдают [предписания] христианской религии. И на эти расспросы был такой общий ответ: «Пусть будет известно вашему Преосвященству, что мы верим так, как было установлено в самом начале Святым Римским и Апостольским Престолом и под [пастырским] руководством благословеннейшего папы Григория¹¹. И мы стараемся, сколь можем, неуклонно соблюдать то, во что верим». И после того, как [мы] более полно разобрались с этими вещами, я начал так: «Необходимо, возлюбленные братья, возместить церквям Божьим и преподобным мужам, которые длительное время терпели лишения из-за утраты земли и грамот на землю».

После этих слов были представлены документы монастыря под названием Кукхэм¹² и примыкающих к нему земель. Эта обитель и все принадлежащие ей земли Этельбалд¹³, славный король мерсийцев, отдал церкви Спасителя, располагающейся в Кентерберии¹⁴, и чтобы обеспечить долговечность своего дара, он отправил дерн от этой земли и все грамоты упомянутого монастыря через достойного мужа архиепископа Кутберта¹⁵ и приказал положить их на алтарь

-
- 10 *Clouesho*. В VIII веке Клофешо неоднократно становилось местом проведения синодов англосаксонской церкви. Возможно, Клофешо находилось на территории Мерсии, однако его местоположение до сих пор не установлено.
  - 11 Папа Григорий I (Двоеслов) занимал римский Престол с 590 по 604 гг. Именно он инициировал крещение англосаксов.
  - 12 *Cocham* — Кукхэм (Беркшир).
  - 13 *Athelbaldus* (716–757) — король Мерсии.
  - 14 *ecclesia saluatoris*. Эта церковь, располагавшаяся в Кентерберии, была не только епископской, но и монастырской. Сегодня — Кентерберийский собор.
  - 15 *Cuthbertus* (ок. 740–760) — архиепископ Кентерберийский.

Искупителя ради своего вечного спасения. После же кончины упомянутого архиерея побуждаемые злым духом Дэкких и Осберт, которых он воспитал как учеников, похитили эти документы и доставили их Кюневульфу¹⁶ — королю западных саксов. И он, как только получил письменные свидетельства, взял для собственных нужд упомянутую обитель со всем тем, что по праву ей принадлежит, несмотря на увещевания и действия архиепископа Кутберта. И архиепископы Бреговин и Ианберт¹⁷ снова на разных синодах жаловались по поводу обиды, нанесенной церкви Спасителя, и королю [западных] саксов Кюневульфу, и королю мерсийцев Оффе¹⁸, который захватил у короля Кюневульфа этот монастырь [Кукхэм] и много других городов, подчинив их Мерсийскому королевству.

Наконец король Кюневульф, движимый запоздалым раскаянием, вернул церкви Христа в Кентербери документы на землю — те самые хартии, полученные им незаконно от упомянутых мужей Дэкхиха и Осберта, а также значительную денежную сумму, со смирением моля, чтобы не быть отлученным столь высокой [церковной] властью. Тем не менее, король Оффа на протяжении своей жизни удерживал этот монастырь [Кукхэм], как только получил его, не имея грамот, и [оставил] его после себя своим наследникам без подтверждающих документов.

И на втором году правления короля Кенвульфа в Клофешо проходил синод, о чём было указано ранее. И я, Этельхерд, архиепископ милостью Божьей, и со мною Куфа, мой

16 *Cenulfus* (757–786) — король Уэссекса.

17 *Breguinus* (761–764) *et lanbertus* (765–792) — архиепископы Кентерберийские.

18 *Offa* (757–796) — король Мерсии.

диакон, и многие другие мудрые мужи церкви Христа передали грамоты этого монастыря Кукхэм совету. И когда их прочли в присутствии [синода], единогласно было принято решение, что митрополичья церковь должна по праву получить упомянутый монастырь Кукхэм, чьи документы находились в её владении, так как она несправедливо в течение длительного времени была [этих земель] лишена.

Однако затем я, Этельхерд, архиепископ Божьей милостью, принял решение, а также аббатиса Кюнитрида, которая в то время возглавляла эту обитель, и старейшины, собравшиеся с обеих сторон, а именно из Кента и из Бедфорда, что та самая Кюнитрида должна отдать мне в обмен за упомянутый монастырь 110 гайд земли в Кенте. А именно, 60 гайд в месте под названием Флеот¹⁹ и 30 гайд в месте, называемом Тенехам²⁰, и 20 гайд в третьем месте, которое называется истоком [реки] Крэй. Прежде эти земли король Оффа определил во владение себе, когда был жив, и своим наследникам после себя, а по окончании дней их жизни он распорядился передать их церкви, расположенной в Бедфорде²¹. Мы также в присутствии всего синода постановили, что аббатиса должна принять от меня упомянутый монастырь с его документами, а я должен принять от неё земли вместе с хартиями на землю, которую она передала мне в Кенте полностью, чтобы в дальнейшем не было противоречий между нами и нашими наследниками, и наследниками короля Оффы. И то, о чём между нами было согласовано при свидетельстве столь благородного синода, должно быть сохранено нерушимым навечно. И

19 *Fleote* — сегодня Флит (Fleet) в графстве Кент.

20 *Teneham* — сегодня деревня Тейнхем в графстве Кент к северо-западу от г. Кентербери.

21 *Beodeford* — точное местоположение неизвестно.

я, архиепископ Этельхерд, также передаю во владения аббатисы Кюнитриды монастырь, расположенный в месте под названием Пектанег²², который мне отдал благочестивый король Экгфрид с правом наследственного владения вместе с грамотой [на эту землю].

ГРАМОТА 3

Тяжба Эдгифу и Годы (959 г.)

Эдгифу доводит до сведения архиепископа и общины церкви Христа²³ о том, как её земля в Кулинге²⁴ досталась ей. А именно, что её отец оставил ей землю и грамоту, которые он приобрёл законно, и [которые] ему оставили его предки. Случилось так, что её отец занял 30 фунтов у Годы и передал ему эту землю в залог тех денег. И он [Года] держал её 7 лет [winter]. Примерно в то же время всех мужей Кента призвали на битву при Холме.²⁵ Тогда Сигельм, её отец²⁶, не хотел уходить на битву, не возвратив чужого имущества, и отдал Года 30 фунтов и завещал своей дочери Эдгифу [эту] землю и отдал [ей] грамоту [на землю]. После того, как он погиб в сражении, Года стал отрицать, что деньги были возвращены, и удерживал эту землю ещё 6 лет.

22 *Pectanega* — точное местоположение неизвестно.

23 *Cristes cyrce* — Кентерберийский собор и его монашеская община.

24 *land com aet Culingon* — Кулинг (Кент)

25 Абингдонский манускрипт (С) «Англосаксонской хроники» упоминает эту битву под 902 г. как сражение между жителями Кента и датчанами (Swanton. 1996: 93). В Винчестерском манускрипте (А) приводятся некоторые детали битвы (Swanton. 1996: 94), однако её точное местоположение не установлено.

26 Элдормент Сигельм как *dux* фигурирует в свидетельских списках нескольких грамот, относящихся к концу IX века (Sawyer: no. 350, 1276). О гибели элдормена Сигельма также сообщает «Англосаксонская хроника» (Swanton. 1996: 94).

Тогда Бурхсиг Дуринг долгое время не переставал добиваться [возвращения] этой земли [Эдгифу], до тех пор, пока бывшие тогда уитанами²⁷ не постановили, что Эдгифу должна очистить землю своего отца [клятвой, равной] той же сумме денег.²⁸ И она принесла присягу в присутствии всех людей Эйлсфорда²⁹ и очистила возвращение денег своим отцом клятвой в 30 фунтов. В то время она ещё не могла вступить во владение этой землёй, пока её друзья не добились от короля Эдуарда³⁰ запрета ему [Годе] [использовать] эту землю, если он желает владеть какой-либо [землёй] [вообще], и он её отдал. Впервые король был столь сильно разгневан на Году, что тот был лишён всех грамот [на землю] и поместий, которыми владел. И король отдал его и всё, что ему принадлежало, с грамотами и землёй Эдгифу, чтобы она поступила как желает. Тогда она объявила, что не дерзает перед Богом отплатить ему так, как он от неё заслуживал, и вернула ему всю его землю кроме двух сулунгов³¹ в Остерленде.³² И [она] не пожелала возвратить [ему] грамоты [на эти земли] до тех пор, пока она не увидит, насколько добросовестно он будет смотреть за этой землёй.

27 Уитаны (*witan*) — члены королевского совета.

28 “*þæt heo sceolde hire fæder hand geclaensian be swa myclan feo*”. В сфере англосаксонского судопроизводства возможность человека принести очистительную клятву предполагала наличие у него достаточного числа соприсяжников, а также необходимое количество имущества для внесения залога, или поручителей, готовых внести необходимую сумму.

29 *Æglesforda* — Эйлсфорд (Кент).

30 Король Эдуард Старший (899/901–924), будущий муж Эдгифу

31 Сулунг (*sulung*) — мера земельной площади в англосаксонском Кенте. Один сулунг соответствовал площади земельного участка, обрабатываемого одним тяжёлым плугом с восьмивольной упряжкой, и равнялся 200–240 акрам.

32 *Osterland* — местоположение не установлено.

Тогда умер король Эдуард, и Этельстан наследовал королевство³³. Когда Годе представился благоприятный момент, он начал добиваться встречи с королём Этельстаном и просил, чтобы тот ходатайствовал за него [в споре] с Эдгифу ради возвращения его грамот. Король так и поступил. И она ему всё отдала кроме грамоты [на земли] Остерленда. И он добровольно признал за ней эту грамоту, а за другие грамоты со смирением благодарил. Кроме того, как один из двенадцати он принёс ей присягу за тех, кто родился, и тех, кто [ещё] не родился, [в том], что это дело было улажено навеки [*æfre*]. И это произошло в присутствии короля Этельстана и его уитанов в Хамси неподалёку от Льюиса.³⁴ И Эдгифу владела этой землёй с грамотами на землю во дни двух королей, её сыновей.³⁵

Когда Эадред умер, и Эдгифу была лишена всей своей собственности, двое сыновей Годы Леофстан и Леофрик забрали у Эдгифу оба упомянутых поместья в Кулинге и Остерленде и заявили юному Эдвигу³⁶, который был избран [королём], что их права [на эти земли] были больше её прав. Так всё и оставалось [до тех пор], пока не возмужал Эдгар³⁷, и он, [и] его уитаны постановили, что они [сыновья Годы] совершили гнусный грабёж, и они вынесли решение и возвратили её [собственность] ей. Тогда Эдгифу с разрешения и в присутствии короля и всех его епископов взяла грамоты [на эту

33 Король Этельстан (924–939), сын Эдуарда Старшего от первого брака с Эгвиной.

34 *æt Hamme wip* Løwe. Сегодня — деревня Хамси (Hamsey), расположенная в трёх милях от Льюиса (Lewes) (Сассекс).

35 Короли Эдмунд I (939–946) и Эадред (946–955).

36 Эдвиг (955–959) — старший сын короля Эдмунда I, внук королевы Эдгифу, при котором вдовствующая королева попадает в опалу.

37 Эдгар (959–975) — младший сын короля Эдмунда I, внук королевы Эдгифу.

землю] и передала [эту] землю церкви Христа и собственноручно положила их [грамоты] на алтарь как вечную собственность общины и за упокой своей души. И она объявила, что сам Христос со всем воинством Небесным на веки осудит того, кто этот дар дерзнёт отторгнуть или приуменьшить. Таким образом, эти владения перешли к общине церкви Христа.

ГРАМОТА 4

ТЯЖБА УИНФЛЕДЫ И ЛЕОФВИНА (990–992 гг.)

В этой грамоте сообщается о том, как Уинфледа предоставила свидетелей в Вулфмере³⁸ перед королём Этельредом, а именно архиепископа Сигерика³⁹ и епископа Ордбрихта,⁴⁰ и эрла Элфрика, и Эльфтриду, мать короля, каждый из которых засвидетельствовал, что Элфрик отдал Уинфледе землю в Хагборне и Брэданфилде⁴¹ взамен земли в Датчете⁴². Тогда король сразу же послал к Леофвину через архиепископа и тех, кто вместе с ним это засвидетельствовал, чтобы сообщить ему об этом, но тот не соглашался [выразив желание, чтобы] дело было направлено в собрание шира [*scirgemot*]. Так и было сделано.

-
- 38 Возможно, раннесредневековый *Wulfamere* находился на территории Вулмерского (Шерстяного) леса (Woolmer Forest), который сегодня является особой заповедной зоной на территории графства Хэмпшир.
- 39 Сигерик (*Sigeric arcebiscop*) был архиепископом Кентербери (Кент) в 990–994 гг.
- 40 Ордбрихт (*Ordbyrht biscop*) был епископом Селси (Суссекс) в 989–1009 гг.
- 41 Хагборн (*Нассеburnан*) и Брэдфилд (*Bradanforda*) — сегодня деревни в графстве Беркшир.
- 42 Датчет (*Decset*) — сегодня деревня в графстве Беркшир, исторически — часть Бакингемшира.

Король через аббата Эльфхере послал свою печать собранию Квикелмешли⁴³ и приветствовал всех уитанов, находившихся там. То были епископ Этельсиг,⁴⁴ и епископ Эсквиг,⁴⁵ и аббат Элфрик и весь шир.⁴⁶ И помолился и приказал разрешить тяжбу Уинфледы и Леофвина настолько справедливо, насколько могли. И архиепископ Сигерик прислал свою печать собранию, а епископ Ордбрихт — свою. Уинфлеме сообщили, что она должна доказать своё право на владение [землёй]. Тогда она предоставила доказательства владения с помощью Эльфтриды, матери короля, и в первую очередь аббата Вульфгара⁴⁷, священника Вульфстана, Эфика стольника этелинга и Эдвина, и Эдельма, и Элфельма, и Эльфвине, и Эльфверда, и Эльфгара, и аббатисы Эдгифу, и аббатисы Лиофрун, и Этельхильды, и Эдгифу из Льюкнора, и её сестры, и её дочери, и Эльфги [фу и её] дочери, и Вульфвины, и Этельгифу, и Эльфвару, и Эльгифу, и Этельфледы, и многих достойных тенов и достойных жён, которых мы не можем перечислить так, чтобы все были названы, и мужей, и жён.

Тогда находившиеся там уитаны объявили, что будет лучше обойтись без присяги, чем присягать, иначе дружба прекратится [между ними] и он будет вынужден возратить, что захватил, и уплатить компенсацию и свой вергельд королю. И он был освобожден от принятия присяги и передал епископу Этельстану землю без возражения [*unbesacen*], [подтвердив], что не станет в

43 *Swicelmeshlæwe* может быть идентифицирован с окрестностями кургана Куккамсли (*Cuckhamsley or Scutchamfly Knob*) (Оксфордшир), исторически располагавшегося на территории Беркшира.

44 *Æbelsige biscop*. Этельсиг был назначен на Шернборнскую кафедру в 978 г.

45 Эсквиг (*Æs`c`wig biscop*) возглавлял кафедру Дорчестера.

46 Шир (*scire*) — административно-территориальная единица в англосаксонской Англии, графство.

47 Вульфгар (*Wulfgar abbud*) — аббат Абингдона в 990–1016 гг.

будущем претендовать [на неё]. Затем ей [Уинфледе] было сказано, что она должна предоставить золото и серебро его отца, всё, которое имела. И она это сделала, как смогла, чтобы защитить свою клятву. И он этим всё ещё не был доволен, [настаивая], чтобы она поклялась, что здесь было всё его [отца Леофвина] имущество. И она сказала, что не может [сделать этого] за свою часть, как и он за свою. И это засвидетельствовал Эльфгар, королевский герефа⁴⁸, и Брихтрик, и Леофрик из Белой Церкви, и помимо них многие добрые мужи.

ГРАМОТА 5

ТЯЖБА ЭДВИНА И ХЕРЕФОРДШИРСКОЙ ВДОВЫ (1016–1035 гг.)

Здесь в этой грамоте подтверждается, что во дни короля Кнута⁴⁹ в Этельнодестане⁵⁰ состоялось собрание шира. Там заседали епископ Этельстан⁵¹ и элдормен Раниг⁵², и Эдвин [сын] элдормена, и Леофвин сын Вулфсига, и Туркил Белый, и Тофиг Гордый⁵³ прибывший сюда по делам короля. Также присутствовал

-
- 48 Королевский герефа (*cyninges gerefa*) — представитель королевской администрации, королевский управляющий. Об обязанностях королевского герефы см.: Золотарёв. 2016: 40.
- 49 Кнут Великий — король Англии из датской династии (1016–1035), захвативший государство после смерти Этельреда II.
- 50 *Ægelnoðes stane* — сегодня деревня Эйлтон близ Ледбери (Херефордшир).
- 51 Этельстан (*Æpelstan b*) — епископ Херефорда с 1012 по 1056 гг.
- 52 *Ranig ealdorman*. Он же фигурирует как *Hrani dux* в ряде грамот Кнута Великого (**Sawyer**: no. 954, 960, 962, 963, 971) и как *Reoni comes* в одной из грамот короля Хардекнута, составленной ок. 1039 г. (**Sawyer**: no. 995).
- 53 *Tofig pruda*. Королевский посланец Тофиг неоднократно свидетельствовал документы времён правления Кнута как *Tofi* или *Tofig / Toui minister* (**Sawyer**: no. 964, 967, 968, 969, 970, 1465, etc.). Иллюстрацией его могущества и близости к королевской семье является сообщение Вустерской хроники о том, что в 1042 г. Тофиг женился на Гите, дочери другого нобиля Осгода Клапы. На свадьбе присутствовал сам король Хардакнут, который внезапно умер во время застолья (**Florentius Wigorniensis**. 1848: 196).

шериф⁵⁴ Брининг и Эгельгерд из Фрома, и Леофвин из Фрома, и Годрик из Стока, и все тени Херефордшира.

Затем на собрание явился Эдвин сын Эннеауна и предъявил иск своей матери из-за одного участка земли, что расположены в Веолинтуне⁵⁵. И епископ спросил, кто будет говорить за его мать. Туркил Белый ответил, что будет он, [но] если бы [он] только знал обстоятельства дела [*talū*], однако обстоятельств тяжбы он не знает. А потому из числа собрания были выбраны трое тенев, чтобы съездить туда, где она [мать Эдвина] находилась, а именно в Фоли [*Fæliglæ*].⁵⁶ Ими оказались Леофвин из Фрома и Элфсиг Красный и Винсиг Моряк.

И когда они прибыли к ней, спросили, каковы её притязания на земли, из-за которых начал тяжбу её сын. Она заявила, что никакой землёй, которая может принадлежать ему, не владеет. И в сильном гневе на сына она призвала к себе Леоффледу, свою родственницу, жену Туркила, и перед ними сказала ей следующее: «Здесь присутствует Леоффледа, моя родственница, которой я после своей смерти завещаю все свои земли, своё золото, одежды и наряды, всё, что имею». И затем она обратилась к тенам: «Действуйте, как подобает тенам и по правде [*wel*] объявите мои слова собранию перед всеми достойными мужами и скажите им, кому я оставила свои земли и всё имущество, а моему сыну — ни единой вещи, и просите их всех, чтобы это засвидетельствовали».

И они так и поступили, приехали в собрание и сообщили всем достойным мужам о возложенном на них поручении. Здесь

---

54 Шериф (*scirgerefa*) — герефа шира, глава графства к концу англосаксонского периода. Упоминание шерифов появляется в англосаксонских документах в правление короля Кнута.

55 *Weolintun 7 Crydes* — сегодня деревни Веллингтон (Wellington) и Крэдли (Cradley) (Херефордшир).

56 *Fæliglæ* — Фоли (Fawley), неподалёку от деревни Эйлтон (Херефордшир).

на собрании встал Туркил Белый и просил всех передать своей жене земли, которые завещала ей родственница, свободными от исков [*clæne*]. И они так и сделали. И Туркил прискакал в минстер святого Этельберта⁵⁷ и с позволения и при свидетельстве всех этих лиц записал это на страницах Евангелия [*Cristes boc*].

ГРАМОТА 6

КОРОЛЕВА ЭЛЬФТРИДА О СПОРЕ ИЗ-ЗА ЗЕМЕЛЬ В ТОНТОНЕ
(995–1002 гг.)

Эльфтрида смиренно приветствует архиепископа Элфрика⁵⁸ и элдормена Этельверда⁵⁹. И я сообщаю вам, что являюсь свидетелем того, как архиепископ Дунстан⁶⁰ передал епископу Этельвольду⁶¹ Тонтон⁶² в соответствии с грамотами епископа. И король Эдгар возвратил его и приказал всем своим тенам, которые владели землёй в этом поместье, держать её согласно воле епископа или же оставить её. И король тогда заявил, что у него нет [здесь] земли, чтобы [её] раздавать в то время, как он сам не осмеливался из страха Божьего сохранить верховное владение [на эту землю].⁶³ И, кроме того,

57 *Ædelberhtes mynstre*. Имеется в виду кафедральный собор Херефорда, который был освящён в честь святого Этельберта.

58 *Ælfric* — архиепископ Кентерберри в 995–1005 гг.

59 *Epelwerd ealdarman*. Этельверд, элдормен Западных провинций и автор латинской хроники, излагающей основные события английской истории до 975 г. (**Campbell**. 1962). Он свидетельствовал королевские хартии как *dux* с 975 по 998 гг. (**Sawyer**: no. 828, 830, 831, 834, 891, 892, 893, etc) и был другом и покровителем известного англосаксонского писателя аббата Элфрика Эншемского (ум. ок. 1020).

60 *Dunstan arcebiscope*. Святой Дунстан, архиепископ Кентерберрийский (960–988), один из идейных лидеров монашеского возрождения в Англии.

61 *Abelwold biscop* — святой Этельвольд, епископ Винчестерскому в 963–984 гг.

62 *Tantun* — Тонтон (Сомерсет).

63 *heafod habban*.

он передал Рейштон⁶⁴ в руки епископа. Затем ко мне в Коум приехала Вульфгита и разыскала меня. И я, поскольку она приходилась мне родственницей, и Эльфсвита, так как он [Леофрик] был её братом, добились от епископа Этельвольда, чтобы они [Леофрик и Вульфгита] владели этой землёй пожизненно, а после их кончины эта земля должна перейти к Тонтону с доходом и с людьми, в том виде, в каком она была [*swa hit stode*]. И мы обе с большими трудностями привели дело к этому решению. Теперь же мне говорят, что епископ Этельвольд и я силой получили грамоту [на владение землей] от Леофрика. И сегодня мне, которая все еще жива, известно об этом не более, чем было бы известно ему [Этельвольду], будь он жив, ведь у Леофрика была новая грамота. Когда он отдал её⁶⁵, то показал таким образом, что не станет прибегать здесь [в этом деле] к обману. Затем епископ Этельвольд ему сообщил, что никто из его преемников не лишит его [этой земли]. Тогда он распорядился написать два документа. Один был у него самого, другой он отдал Леофрику.

ГРАМОТА 7

ИСТОРИЯ ПОМЕСТИЙ В БРОМЛИ И ФОКХЭМЕ (980–987 гг.)

Поместья в Бромли и Фокхэме⁶⁶ были переданы королю Эдгару в Лунденбуриге⁶⁷ из-за грамот на Снодингланд⁶⁸, которые

64 *Risctun* — Рейштон, деревня к востоку от Тонтона (Сомерсет).

65 Здесь имеется в виду старая грамота на землю, которую отдал Леофрик, прежде чем получить новый документ от епископа Этельвольда.

66 *Bromleage... Fealcnaht* — сегодня город Бромли и деревня Фокхэм в графстве Кент.

67 *Lundenbyrig* — Лондон.

68 *Snodinglandes* — сегодня город Снодленд в графстве Кент.

выкрали у епископа Рочестерского⁶⁹ священники и тайно за деньги отдали Элфрику, сыну Эсквины. Ранее эта Эсквина, мать Элфрика, отдала их туда [в обитель]. Когда епископ обнаружил, что грамоты были похищены, [он] настойчиво потребовал эти грамоты. В то время Элфрик умер, и он требовал их у вдовы до тех пор, пока на собрании тенев короля похищенные грамоты Снодингланда, а также компенсация за кражу были переданы обители и епископу. Это произошло в Лунденбуриге в присутствии короля Эдгара и архиепископа Дунстана, и епископа Этельвольда, и епископа Эльфстана, и другого Эльфстана⁷⁰, и элдормена Эльфхере,⁷¹ и многих королевских уитанов, и грамоты были переданы в обитель епископу. Собственность вдовы была конфискована в пользу короля. Когда герефа Вульфстан собирался вступить во владение Бромли и Фокхэмом от имени короля,⁷² вдова прибыла в святую обитель и предстала перед епископом и отдала королю грамоты на Бромли и Фокхэм. И епископ добился грамот и этих земель от короля в Годшилле⁷³ за 15 золотых манкузов и 130 фунтов [серебра] через соглашение и спор для [церкви] святого Андрея.⁷⁴ После чего епископ оставил вдове право пользования этими землями. В то время умер король. Тогда [в это дело] вступился Бирхтрик,

69 Епископ Рочестера, о котором идёт речь в документе, носил имя Эльфстан и фигурирует в грамотах с 960-х гг. по 995 г. (**Sawyer**: no.717, 725, 726, 729, 733–739, etc).

70 Возможно, речь идёт об Эльфстане епископе Лондона (961–995) и Эльфстане епископе Рамсберийском (970–981). Также одно из имен может относиться к самому епископу Рочестерскому.

71 Был элдорменом Мерсии. Умер в 983 г.

72 дословно «в руки короля» (*on ðæs cinges handa*).

73 *Godeshylle* — точное местонахождение не установлено.

74 Согласно «Церковной истории», Беда Достопочтенного, собор в Рочестере был освящён епископом Юстом в честь св. апостола Андрея (**Беда Достопочтенный**. 2001: 192).

родственник вдовы, и вынудил её [согласиться с тем], что они должны силой захватить эти поместья. И тогда они обратились к элдормену Эдвину⁷⁵ и людям, которые были врагами Господа и принудили епископа под угрозой потери всей собственности отдать эти грамоты. Он также не смог получить дозволение прибегнуть к одному из трёх [способов доказательства], которые были даны всем людям, ни к официальному изложению своих претензий [*talū*], ни к помощи поручителей [*team*], ни к заявлению о праве собственности [*ahnung*].

Здесь [перечислены] свидетели этой покупки⁷⁶: король Эдгар и архиепископ Дунстан, и архиепископ Освальд⁷⁷, и епископ Этельвольд, и епископ Этельгар,⁷⁸ и епископ Эскиви⁷⁹, и епископ Эльфстан, и другой епископ Эльфстан, и епископ Сидмен⁸⁰, и Эльфтрида мать короля⁸¹, и аббат Осгар, и элдормен Эльфхере, и Вульфстан Далхемский, и Элфрик Эпсомский, и знатные люди Западного Кента, где находится эта земля и округ.

---

75 *ealdorman Eadwine* — Эдвин, элдормен Сассекса (ум. 982).

76 Речь идёт о покупке поместий епископом.

77 *Oswald arceþ.* — епископ Вустерский (961–992), архиепископ Йорка (972–992).

78 *Æðelgar b.* — епископ Челсийский (980–988) Упомянут в качестве свидетеля, по всей видимости, ошибочно, так как занял кафедру Челси уже после смерти короля Эдгара (959–975).

79 *Æscwi b.* Возглавлял Дорчестерскую кафедру после смерти короля Эдгара, поэтому упоминание в качестве свидетеля ошибочно.

80 *Sideman b.* — епископ Кредитонский (973–977).

81 Упоминание жены короля Эдгара Эльфтриды как королевы-матери свидетельствует о том, что документ был составлен в правление её сына короля Этельреда II (978–1016).

АДАМ & ЕВА
Альманах гендерной истории
2023
№ 31

Сазонова А.А. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-6-43
Ерусалимский К.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-44-109
Шпак Г.В. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-110-133
Миролюбов И.А. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-134-167
Шишкин В.В. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-168-185
Серегина А.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-186-251
Ячменик В.А. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-252-275
Болдырева И.И. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-276-292
(Болдырева И.И. пер.) DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-293-308

Л.Р.ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 13 ноября 2023 г.
Гарнитура Таймс. Объем – 19,3 п.л.
Тираж 300 экз.
Заказ №

ИБИ РАН, Ленинский проспект, 32-а